

Куликов Е.А.

***ТЕОРИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
(ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ)***

монография

Барнаул
2016

ББК 67.072

К 903

Куликов Е.А. Теория юридической ответственности (проблемные вопросы): монография. – Барнаул: Изд-во Новый формат, 2016. – 308 с.

ISBN 978-5-91556-328-4

Автор:

Е.А. Куликов, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета

Рецензенты:

А.А. Васильев, доктор юридических наук;

К.В. Чепрасов, кандидат юридических наук.

Настоящая монография представляет собой переработанный и расширенный курс лекций по теории юридической ответственности, читаемых автором на юридическом факультете Алтайского государственного университета. Подробно рассмотрены вопросы социально-правовой природы юридической ответственности, анализируется максимально расширенная система оснований юридической ответственности, в том числе социальные и философские основания, внимание которым в теоретико-правовой литературе до сих пор практически не уделялось. Также раскрыты традиционные специальные вопросы юридической ответственности – цели, функции, принципы, виды, особое внимание уделено мере юридической ответственности и общим критериям её определения.

Работа адресуется студентам, магистрантам, аспирантам, преподавателям юридических вузов и факультетов, практическим работникам в сфере применения норм юридической ответственности, и может быть использована в качестве учебного пособия по теории государства и права, теории юридической ответственности, квалификации правонарушений и отраслевым юридическим дисциплинам.

ISBN 978-5-91556-328-4

© Куликов Е.А., 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ	15
1.1. Социальная природа юридической ответственности	15
1.2. Проблема позитивной и негативной юридической ответственности	34
1.3. Концепции позитивной юридической ответственности	51
1.4. Концепции юридической ответственности за правонарушение	60
1.5. Рабочее определение и признаки юридической ответственности за правонарушение	70
1.6. Юридическая ответственность в правовой системе общества	86
2. ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЕ	96
2.1. Понятие и виды оснований юридической ответственности	96
2.2. Концепция философских и социальных оснований ответственности в уголовном праве России	103
2.3. К вопросу о философских и социальных основаниях юридической ответственности за правонарушение (основаниях первого уровня)	115
2.4. Правовые и фактические основания юридической ответственности за правонарушение (основания второго уровня)	126
2.5. Состав правонарушения – синтез правового и фактического оснований юридической ответственности	166
3. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ	182
3.1 Юридическая ответственность в системе правовых средств	182
3.2. Принципы юридической ответственности: понятие, система и общая характеристика	197
3.3. Цели и функции юридической ответственности: понятие, содержание и взаимосвязь	207
3.4. Теоретико-правовые проблемы классификации юридической ответственности	217
3.5. Мера юридической ответственности: понятие, критерии	225

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	253
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	260
УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ.....	276
1. Введение	276
2. Содержание дисциплины «теория юридической ответственности».....	281
3. Контрольные задания для самостоятельной работы студентов.	283
4. Тематический план.....	285
5. Учебно-методическое обеспечение дисциплины	286
6. Материалы для практических и семинарских занятий.....	290
7. Вопросы для подготовки к зачету.....	307

ВВЕДЕНИЕ

По проблематике юридической ответственности на сегодняшний день написано огромное количество научных трудов, затрагивающих практически все возможные проблемы, связанные с этим социально-правовым феноменом. Однако необходимо отметить, что единства, и даже относительной согласованности в многообразии точек зрения, существующих по тем или иным проблемам теории юридической ответственности, не наблюдается, более того, по мере развития юридической науки и выявления новых проблем, умножается и количество подходов к их решению. Поэтому представляется необходимым провести определенное обобщение теоретико-правовой и отраслевой тематики, относящейся к общим вопросам юридической ответственности, правонарушений, их квалификации, с целью выявления проблем не рассмотренных, или мало рассмотренных в юридической литературе, и требующих своего разрешения.

Актуальность темы настоящего исследования обуславливается ещё и тем, что, несмотря на обилие вышедших с начала 70-х гг. XX века научных и учебных работ по тематике правонарушения и юридической ответственности, включая даже многотомные издания (Антология юридической ответственности в 5 т., выпущенная, правда, ничтожно малым тиражом, и не доступная ни в печатном, ни в электронном виде для широкой научной аудитории), несмотря на «тысячелетний» интерес к проблемам преступления и наказания за него, многие вопросы до сих пор остаются нерешенными, а определенные весьма важные проблемы, будучи разработанными на отраслевом (уголовное право, гражданское право, административно-деликтное право) уровне, на уровне общей теории права не получили достаточного освещения. Речь идет о проблематике оснований юридической ответственности, о собственных принципах юридической ответственности, о мере юридической ответственности и т.д., которые рассматриваются в настоящей работе. Те же вопросы теории юридической ответственности (социальная природа, понятие, признаки, виды юридической ответственности и т.д.), которые на сегодняшний день можно считать в целом разработанными, не имеют однозначного решения в

юридической науке, на каждый из них существует немало точек зрения, зачастую, взаимоисключающих.

С прикладной точки зрения не утратил важности вопрос об эффективности норм права, устанавливающих юридическую ответственность. Количество этих норм увеличивается с каждым днем, динамика поражает воображение и практических работников, и теоретиков, однако нельзя утверждать, что ситуация с правопорядком в российском обществе улучшается, что косвенным образом свидетельствует о качестве названных норм. Можно было бы, конечно, привести официальную статистику преступности, предоставляемую Информационным центром МВД РФ, но она не отражает реалий общественной жизни, как убедительно утверждают криминологи (С.М. Иншаков, например), и противоречит общемировой тенденции роста преступности во всех сферах жизни общества. То же самое можно сказать и о массе непреступных правонарушений. Причины такого состояния нами видятся в недостаточном внимании к основаниям юридической ответственности, особенно, к основаниям первого, фундаментального уровня, которые объясняют и оправдывают существование юридической ответственности как таковой, а также её отдельных составляющих. Что же касается нормативной основы юридической ответственности, то она не просто динамична, можно сказать, не за горами очередная реформа наиболее важных её составляющих – уголовного и административно-деликтного законодательства. Проекты изменений КоАП РФ рассматриваются в Государственной Думе РФ со второго полугодия 2015 г., в научной среде уже несколько лет, ввиду утраты УК РФ во многом внутренней согласованности и системности, ведутся разговоры и о необходимости принятия нового уголовного кодекса. Думается, однако, что такие шаги не решат социальных проблем: дело не в том, насколько хорошо написан тот или иной закон, а в том, обусловлен ли он социально и легитимен ли он в глазах широких слоев населения. Всё-таки не нужно забывать, кому адресовано право и чьё поведение оно призвано упорядочить.

Если говорить о нормативно-правовой основе работы, то автор опирается на действующее законодательство РФ, устанавливающее юридическую ответственность за определенные виды общественно опасного поведения. Также в необходимых случаях использовались проекты законов,

или законодательство, которое ныне утратило силу. При толковании признаков правонарушения значительную помощь оказывают разъяснения Пленума Верховного Суда РФ. В теоретическом плане работа опирается на труды теоретиков права, посвященные юридической ответственности, а также общим вопросам теории права. Это работы С.С. Алексеева, Н.И. Матузова, А.В. Малько, В.Н. Синюкова, В.М. Сырых, А.Б. Венгерова, В.В. Сорокина, Р.В. Шагиевой, Г.В. Мальцева, И.Л. Честнова, С.Н. Братуся, Н.С. Малеина, Ю.А. Денисова, Б.Т. Базылева, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшина, А.А. Иванова, В.В. Оскамытного, Р.Л. Хачатурова, Д.А. Липинского, Н.В. Витрука, Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявского, С.М. Кузнецова, И.А. Кузьмина, В.Н. Кудрявцева, А.С. Бондарева, Р.В. Насырова, И.Н. Васева, А.А. Гогина и других ученых. Активно использовались научные труды представителей науки уголовного права России, в частности, В.Д. Филимонова, А.В. Наумова, Т.А. Плаксиной, Н.И. Коржанского, В.Б. Малинина, А.И. Рарога, Н.Ф. Кузнецовой, Е.В. Епифановой, В.В. Мальцева, Ю.Е. Пудовочкина, С.В. Землюкова, Т.А. Лесниевски-Костаревой, В.И. Плоховой, С.А. Елисеева, Л.М. Прозументова, Е.В. Благова, Л.Л. Кругликова, А.П. Козлова, М.И. Ковалева, В.В. Лунеева, В.С. Комиссарова и др., административного права России, в частности, А.Б. Агапова, А.П. Алехина, Б.В. Росинского, В.В. Серкова и др. Работы названных, а также некоторых других ученых, были использованы автором при написании настоящего исследования.

Методология в данном случае является традиционной для подобного рода исследований. В качестве ключевого частнонаучного метода выступает формально-юридический метод, при необходимости вместе с ним автором использовались историко-правовой, сравнительно-правовой, метод толкования права. Общенаучными методами выступили анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, экстраполяция, применяемые в большей или меньшей степени в зависимости от исследуемого вопроса. Объектом исследования выступили общественные отношения, связанные с юридически значимым поведением, его разновидностями, с правонарушением, а также с юридической ответственностью. При этом предмет исследования составили общие закономерности, характеризующие социальную природу юридической ответственности, основания юридической ответственности, а

также ряд специальных свойств юридической ответственности как социально-правового явления. Целью работы явилось исследование некоторых наиболее проблемных вопросов теории юридической ответственности как частной юридической теории. Эту цель конкретизируют основные задачи: дать характеристику социальной природы юридической ответственности; проанализировать основные подходы к понятию юридической ответственности; выработать универсальное определение юридической ответственности за правонарушение; определить место юридической ответственности в правовой системе и в механизме правового регулирования, и в соответствии с занимаемым местом раскрыть её инструментальную природу; построить систему оснований юридической ответственности; раскрыть содержание оснований юридической ответственности на уровне системы права и на уровне конкретного правонарушения; выявить принципы юридической ответственности, отграничить их от иных правовых принципов; осветить существующие на сегодняшний день проблемы классификации юридической ответственности и предложить авторский критерий классификации; определить понятие меры юридической ответственности и наметить ряд общетеоретических критериев её определения. Это, конечно, неполный перечень задач, который ставился автором при написании работы, но структура пособия обусловлена поставленной целью и задачами исследования, работа состоит из трёх глав, разбитых на параграфы. Многие важные вопросы, в особенности, связанные с квалификацией правонарушений, с природой правонарушения и т.п., оказались, к сожалению, «за бортом» настоящей работы, или рассматриваются кратко и обзорно. Причина этого – невозможность «объять необъятное», эти вопросы должны стать частью предмета последующих исследований автора. Если же отвлечься от формальных характеристик научного исследования, то главной целью автора было не дать ответы на проблемные вопросы теории юридической ответственности, а поставить эти вопросы, обратить на них внимание научного сообщества. Некоторые из них вообще не рассматривались на уровне общей теории права, или рассматривались мимоходом как нечто не заслуживающее внимания, а при рассмотрении некоторых теоретики права допускают принципиальные неточности, игнорируют отраслевые юридические реалии, реалии

законодательства и правоприменительной практики. Заострение внимания на такого рода вопросах по тексту работы, на наш взгляд, стимулирует научную дискуссию по заявленным проблемам и позволит найти приемлемое решение по каждой из них.

В завершение введения хотелось бы также выделить ряд *стержневых проблем теории юридической ответственности*, требующих своего теоретико-методологического разрешения, и в определенной степени рассматриваемых в настоящей работе:

1. *Проблема понимания юридической ответственности как феномена общественной жизни.* Дело в том, что современная литература, посвященная юридической ответственности, носит преимущественно юридино-позитивистский характер, и даже поднимая вопрос о существовании добровольной формы реализации юридической ответственности, ученые не подвергают сомнению её нормативный позитивно-правовой характер¹. Между тем, есть основания утверждать, что, наряду с юридической ответственностью, предусмотренной позитивным правом, можно говорить, например, об аналогично устроенной обычно-правовой ответственности². Кроме того, сравнительный анализ норм позитивного права, обычного права, корпоративного права и канонического (религиозного, в т.ч. мусульманского) права говорит об их сходстве, и отличаются они лишь субъектом издания и способом обеспечения (обусловленным этим же субъектом).

2. *Проблема дуализма и монизма позитивно-правовой (собственно юридической, юридической в узком смысле слова) ответственности.* В данном случае вопрос в дополнительных пояснениях не нуждается, поскольку вопрос о выделении или не выделении позитивной (перспективной, добровольной) юридической ответственности до сих пор остается открытым. Большой плюс в его разрешении сделали Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, которые в своих научных трудах, в т.ч. в совместной фундаментальной монографии «Общая теория юридической

¹ См. например: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: Монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2007. – С. 37-48.

² См. аргументацию выделения такой ответственности: Куликов Е.А. Институт ответственности в обычном праве народов Горного Алтая / Е.А. Куликов // Правовые обычаи Горного Алтая, Китая и Монголии: коллективная монография / отв. ред. В.В. Сорокин. – Барнаул, ООО «Спектр», 2013. – С. 192-202.

ответственности», изданной в Санкт-Петербургском издательстве «Юридический центр «Пресс» в 2007-м году, раскрыли большинство проблемных вопросов теории позитивной юридической ответственности. Появление подобного рода исследований, содержащих в себе целостную и подробную концепцию позитивной юридической ответственности, позволяют утверждать, что эта разновидность позитивно-правовой ответственности получила на сегодняшний день собственную «прописку» в рамках теории государства и права, проблематика приобрела более-менее разработанный характер. Однако, у сторонников монистской концепции юридической ответственности остаются и по сегодняшний день возражения в отношении такого подхода, поэтому нельзя сказать, что обозначенная проблема может считаться решенной.

3. *Проблема определения понятий позитивной и негативной юридической ответственности.* На сегодняшний день, как это убедительно показывают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, отсутствует единство не только по вопросу существования/не существования позитивной юридической ответственности, но и по вопросу понятия позитивной юридической ответственности. Отсутствует в юридической литературе и единство понимания негативной юридической ответственности. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский приводят порядка восьми концепций позитивной и одиннадцати – негативной юридической ответственности. Думается, что окончательное определение той и другой формы юридической ответственности должно опираться не столько на эти концепции, сколько четко отграничивать искомое понятие от смежных терминов.

4. *Проблема легитимации юридической ответственности* приобретает в современных условиях обновлённое содержание. Старая, как мир, дискуссия о том, имеет ли право государство и общество на наказание преступника в условиях продолжающегося господства индивидуализма и разрастающегося как Левиафан потребительского общества приобрела новые черты: каковы пределы этого права? Каковы возможные реакции на злоупотребление этим правом и т.п. Сюда же примыкает философский вопрос о свободе, воле, мере, необходимости и ответственности, который право конечно же не может само по себе разрешить, но не может и игнорировать.

5. *Проблема «количества и качества» оснований юридической ответственности.* Тесным образом связана с легитимацией юридической ответственности. Глубокое осмысление проблемы оснований юридической ответственности позволяет выделить в качестве таковых, наряду с традиционными правовым и фактическим основаниями, философские, социальные и нравственно-религиозные основания (когда ведется речь о ретроспективной ответственности) юридической ответственности, а также самостоятельную систему оснований позитивной юридической ответственности. Кроме того, уместен вопрос об общем понятии основания юридической ответственности. В рамках конкретных оснований ответственности также существует немало количество проблем, но они носят, преимущественно, локальный характер.

6. *Однако, не столь локальна проблематика определения правонарушения, и содержания такой конструкции, как состав правонарушения.* Дело в том, что именно на фактическом основании и завязана юридическая ответственность за правонарушение: не было бы такого рода реального поведения человека – не было бы и реакции на него. Поэтому всё, что связано с правовым поведением и отклонениями от него, не может игнорироваться теорией юридической ответственности.

7. *Проблема отграничения ретроспективной юридической ответственности от иных мер государственного принуждения.* Нельзя утверждать, что эта проблема одномерна выше названным, но она имеет выход на *проблему временных пределов юридической ответственности за правонарушение*, которая также на сегодняшний день в полном объеме не получила разрешения. Разрешение первой проблемы предполагает разрешение второй, и наоборот. С этими же проблемами связана и *проблема стадий юридической ответственности за правонарушение*.

8. *Проблема принципов юридической ответственности.* Она заключается в разграничении и не смешении собственно принципов юридической ответственности и общеправовых принципов, выделении системы принципов юридической ответственности и выяснении их содержания. Отдельного внимания заслуживает принцип дифференциации и индивидуализации мер юридической ответственности, и его соотношение с принципом равенства всех перед законом и судом.

9. *Проблема взаимосвязи функций, задач, целей юридической ответственности.* Здесь внимания заслуживает оригинальная трактовка взаимосвязи функций и целей юридической ответственности, даваемая Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским, а также разграничение функций права и функций юридической ответственности.

10. *Проблема выделения видов юридической ответственности.* На сегодняшний день доминирующим в науке стал подход, согласно которому виды юридической ответственности выделяются «от противного», т.е. в зависимости от вида правонарушения. Наряду с ними проводятся классификации по тем или иным основаниям, но незначительные. Ключевым вопросом здесь, на наш взгляд, будет являться то, что именно считать видом юридической ответственности и какой критерий допустимо положить в основу классификации юридической ответственности.

11. *Мера юридической ответственности как проблема теории права и государства.* По указанной проблематике теоретико-правовые исследования ничтожно малы, и поэтому эта проблема ещё ожидает обобщения отраслевого юридического материала для построения теоретических обобщений.

12. *Проблема юридической ответственности как явления правовой сферы жизни общества.* Главный вопрос – юридическая ответственность – это что: комплексный межотраслевой институт? Отрасль законодательства? Просто совокупность правовых норм различных отраслей? Или что-то особенное? Ряд соображений, таких, как наличие самостоятельного предмета правового регулирования, особого метода – сочетания диспозитивных и императивных начал, собственной системы принципов, относительно обособленной совокупности норм и т.д., наводит на определенные размышления. С другой стороны, нормы и отношения, ими урегулированные, охватываемые термином «юридическая ответственность», настолько друг от друга отличаются, что вряд ли имеет смысл говорить об их однородности. Скорее, юридическая ответственность – это особое правовое явление, сочетающее в себе нормы различных отраслей права, правоотношения, конкретные материальные действия, состояния. Данная проблема органично связана с позицией № 8 об общесистемных характеристиках юридической ответственности и об отдельных её элементах. Так, имеют место быть вопросы об общеправовой системе

наказаний, о мере юридической ответственности в целом, которые и на данный момент нуждаются в своём разрешении.

Указанные стержневые проблемы можно рассматривать в качестве основных, пронизывающих все разделы теории юридической ответственности. В рамках каждой проблемы, и за их пределами можно найти ещё значительное количество нерешенных вопросов. Однако, основной задачей настоящей работы является попытка ответа именно на обозначенные вопросы.

О проблеме соотношения общей теории права и теории уголовного права при рассмотрении вопросов теории юридической ответственности. Этот вопрос при рассмотрении проблематики правонарушения и юридической ответственности не является праздным. Иногда учёными высказываются мнения, что теория юридической ответственности страдает сильной «уголовностью». На самом деле в этом нет большой проблемы, поскольку изначально единственной ответственностью выступала ответственность за преступления – наказание. И лишь в Новое время, с появлением полицейского права, впоследствии получившего наименование административного, происходит постепенное обособление от преступлений всех иных правонарушений. Но даже в странах континентальной Европы различие между преступлениями и проступками не всегда чётко проводится, в той же Франции есть понятие уголовного преступления и уголовного проступка, если же вести речь об англосаксонских странах, то в них зачастую есть отдельные виды общественно опасных деяний – фелония, мисдиминор, инфракция и т.п. Исследователи истории юридической ответственности Р.Л. Хачатуров и А.А. Иванов прежде всего рассматривают эволюцию системы преступлений и наказаний за них. Поэтому и неудивительно, что именно теория уголовного права кладётся в основу общей теории юридической ответственности, - и административная, и финансовая, и другие близкие им виды ответственности выступают дочерними по отношению к ответственности уголовной. Концепция уголовной ответственности, включая её правовое регулирование, разработана куда подробнее и основательнее, чем концепции других видов, а опираться в научных изысканиях гораздо практичнее на «прочный фундамент» теории уголовного права.

Исторически параллельно наказаниям за преступление развивалась особая система компенсационных мер для случаев нарушения нормального гражданского оборота, отступления от условий договора, причинения имущественного ущерба. Речь идёт о гражданско-правовой ответственности. Стоит сказать, что в отличие от той же финансовой, теория гражданско-правовой ответственности на сегодняшний день может считаться вполне разработанной, существуют также общетеоретические работы по юридической ответственности, опирающиеся именно на достижения гражданско-правовой науки. Поэтому вторую створку фундамента, наряду с теорией уголовной ответственности, будет составлять теория гражданско-правовой ответственности.

Наконец, третью составляющую отраслевого основания теории юридической ответственности образует теория ответственности в сфере трудовой дисциплины. Специфика трудового права как частно-публичной отрасли права сказывается и на специфике дисциплинарной ответственности, не позволяет отнести её ни к «детям» уголовной, ни к «детям» гражданской ответственности, это, скорее, гипотетически, их общий потомок, сочетающий в себе и те, и другие черты, и к тому же имеющий собственную довольно долго, с советских времён разрабатываемую теорию.

Таким образом, нельзя утверждать, что общеправовая теория ответственности основана только на достижениях науки уголовного права. Несмотря на богатый материал, этой наукой предоставленный, необходимо также использовать (там, где это возможно и имеет смысл) современные достижения и науки гражданского, и трудового, и административно-деликтного права, с опорой на которые может быть выстроена общая теория юридической ответственности.

Автор работы будет рад любым конструктивным критическим замечаниям, предложениям, пожеланиям по проблематике, затронутой в данной работе и полностью открыт для научной дискуссии. Особую благодарность за помощь в написании данной работы хочется выразить коллективу кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета за ценные рекомендации по проблематике исследования.

1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ЯВЛЕНИЕ

1.1. Социальная природа юридической ответственности

Позитивное право – не единственный, и далеко не главный регулятор общественных отношений. Соответственно, наряду с правовой существуют и другие виды ответственности в обществе. Главный вопрос заключается в том, где проходит грань между правовой и неправовыми видами ответственности. Ответом здесь может служить общее определение ответственности и понятие социальной ответственности.

Философский и языковой аспект ответственности.
«Ответственность» не является собственно юридическим понятием, она – продукт социальной культуры в целом, выходит далеко за пределы юридической сферы общественной жизни. «Категории – фундаментальные понятия, формы мысли, типы связи субъекта и предиката в суждении, устойчивые способы предикирования, существующие в языке, составляющие условия возможности опытного знания и имеющие априорное значение в качестве универсалий и предельных понятий»³, - говорится в Новой философской энциклопедии. Именно такой категорией может считаться ответственность. Как отмечает Р.Г. Апресян, «ответственность – это отношение зависимости человека от чего-то (от иного), воспринимаемого им (ретроспективно или перспективно) в качестве определяющего основания для принятия решений и совершения действий, прямо или косвенно направленных на сохранение иного или содействие ему. Объектом ответственности (т.е. тем самым «иным», о котором идёт речь в выше приведенном определении – Е.К.) могут быть другие люди, в т.ч. будущие поколения, общности, а также животные, окружающая среда, материальные, социальные и духовные ценности и т.д. В праве объектом ответственности является закон»⁴. Как видим, с философских позиций

³ Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т. 3 / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-научн. фонд; Научн.-пед. совет: председ. В.С. Степин, зам.-ли предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 229 (автор статьи – Р.Г. Апресян).

⁴ Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т. 3 / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-научн. фонд; Научн.-пед. совет: председ. В.С. Степин, зам.-ли предс.: А.А. Гусейнов,

ответственность рассматривается как некое отношение, выражающее зависимость человека от определенной ценности, которая побуждает его на совершение действий, направленных на сохранение или иное содействие этой ценности. Выделяют два варианта обусловливания ответственности: «а) ненамеренно (естественно или случайно) обретенным человеком статусом (напр., ответственность родителей), б) сознательно принятым им социальным статусом (напр., ответственность должностного лица) или заключенными соглашениями (напр., ответственность перед контрагентом, ответственность наемного работника)»⁵. Соответственно можно говорить о естественной и договорной ответственности. Ответственность, обусловленная статусом, осознается человеком как призвание, обусловленная соглашением – как обязанность. Она, как утверждается в литературе, может быть двойкой: а) накладываемой групповыми, корпоративными, служебными или какими-то иными локальными обязанностями; б) самостоятельно принимаемой личностью в качестве личного и универсализуемого долга⁶. Философы говорят также о метафизическом, экзистенциальном понимании ответственности, рассматривая её с возвышенных, эсхатологических позиций, когда человек выступает как субъект ответственности не только за себя, но и за ближнего, за все человечество, соизмеряя свои поступки с неким Абсолютом. Другим направлением считается практически ориентированное понимание феномена ответственности, при котором он рассматривается в контексте определенных социальных, групповых и межличностных отношений человека и в соотношении с вырабатываемыми в рамках этих отношений стандартами поведения, критериями оценки (осуждения и одобрения) и санкции (награды и наказания). Ответственность здесь не ожидается от личности, но вменяется ей, независимо от того, считает ли она себя свободной, или нет⁷. Таким образом, *ответственность как философская категория имеет двойкое*

Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С. 171-172 (автор статьи – Р.Г. Апресян).

⁵ См.: Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т. 3 / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-научн. фонд; Научн.-пед. совет: председ. В.С. Степин, зам.-ли предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. – С.172 (автор статьи – Р.Г. Апресян).

⁶ См.: Там же. С. 172.

⁷ См.: Там же. С. 172.

содержание, позитивный и негативный аспект, и, в зависимости от отношения или от поведения по отношению к ценности, выступающей объектом ответственности, вступают в действие позитивные или негативные санкции.

Если обратиться к **языковым аспектам** категории «ответственность», то можно выяснить, что, например, С.И. Ожеговым она, с одной стороны, рассматривается как «необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, быть ответственным за них», с другой – как синоним прилагательного «ответственный», которое, в свою очередь, определяется, во-первых, как «обладающий достаточными правами и обязанностями для того, чтобы дать полный отчет в своих действиях и принять на себя вину за ошибки, плохой ход дела, и т.п.», и, во-вторых, как «существенно важный, очень серьезный»⁸. В другом словаре отмечается, что «ответственность» есть «положение, при котором лицо, выполняющее какую-нибудь работу, обязано дать отчет в своих действиях», а «ответственный» характеризуется как «вполне самостоятельный, несущий ответственность за свои действия»⁹. Можно заключить, что из лексического значения слова «ответственность» выводится его понимание как единого явления, неразрывно сочетающего и перспективный, и ретроспективный аспекты. Подобное сочетание характерно для понимания социальной ответственности, которая составляет промежуточный уровень абстракции между ответственностью в целом и юридической ответственностью¹⁰.

Место юридической ответственности в системе социальной ответственности

Как отмечает Н.В. Витрук, сущностные характеристики феномена ответственности генетически определяются экономическими, политическими, культурными и иными зависимостями, складывающимися естественно-исторически в процессе производственной, духовной и иной

⁸ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: Изд-во «Оникс», изд-во «Мир и Образование», 2010. – С. 703.

⁹ См.: Толковый словарь русского языка: более 15 тыс. слов / В.В. Виноградов [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2010. – С. 532.

¹⁰ Более подробный анализ лексических аспектов ответственности см.: Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев; под ред. В.Е. Семенова. – изд-е 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 5-8.

деятельности человека, в процессе становления и развития системы общественных отношений¹¹. Этим подчеркивается категориальная природа термина «ответственность», его универсальность и органичность вплетения в общественную жизнь.

По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, как ответственность личности, так и ответственность общества и государства, имеют социальную природу, она предопределена общественным характером отношений, особенностями личности, её местом в системе, особенностями самого общества¹². Н.В. Витрук также указывает, что взаимоотношения между субъектами общественных отношений и обществом с точки зрения сознательного осуществления предъявляемых к ним взаимных требований через социальные нормы находят выражение в категории социальной ответственности, последняя выполняет важную функцию регулятора общественных отношений, контроля поведения людей, а значение социальной ответственности заключается в обеспечении такого поведения людей, членов общества, которое соответствует интересам, выраженным в требованиях социальных норм¹³. Категория ответственности, таким образом, в обществе, в общественных отношениях, в общественном взаимодействии проявляется в феномене социальной ответственности. Этот феномен, играя роль промежуточного звена между ответственностью вообще и ответственностью правовой, заслуживает, в рамках настоящей работы, особого рассмотрения.

Е.В. Родионова отмечает, что социальная ответственность как глубинный, нединамичный слой подсознания по объему шире правовой ответственности, и носит основополагающий и определяющий для правовых феноменов сферы духовного мира человека, общества характер¹⁴. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский утверждают о доминировании в современной науке неоклассической концепции социальной ответственности.

¹¹ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. – С. 11.

¹² См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 16.

¹³ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. – С. 13.

¹⁴ См.: Родионова Е.В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы / Е.В. Родионова. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 9.

Ответственность, согласно этой концепции, бывает за прошлое и за будущее поведение. Поступки, совершаемые человеком, можно подразделить на те, которые он уже совершил, и те, которые может совершить в будущем. При этом, указывают ученые, в литературе по философским (как мы уже в этом убедились), этическим, моральным, юридическим проблемам категория «ответственность» рассматривается в двух аспектах: ответственность за прошлое поведение, противоречащее социальным нормам, - ретроспективная ответственность; и ответственность за будущее поведение – перспективная, позитивная ответственность¹⁵.

Нельзя не отметить, что особенностью точки зрения указанных специалистов является выделение ими не позитивной и негативной ответственности, а добровольной и принудительной форм реализации единой ответственности. «Социальная ответственность едина, но имеет две формы реализации: добровольную – выражающуюся в обязанности субъекта следовать предписаниям социальных норм, в его правомерном поведении и реакции на него, и принудительную – выражающуюся в обязанности нарушителя социальных норм подвергнуться определенным мерам общественного и (или) государственного принуждения, понести неблагоприятные последствия и реализации этих последствий»¹⁶. С общесоциальных позиций подобное видение ответственности, равно как и существование в принципе поощрительных санкций видится вполне методологически допустимым и научно обоснованным: социум использует различные средства для поддержания упорядоченности своего существования и уменьшению энтропии.

Схематично, по мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, содержание добровольной формы реализации социальной ответственности можно отобразить следующим образом: требования, изложенные в социальных нормах – осознание субъектом предъявляемых требований – исполнение данной обязанности (совершение социально полезных, одобряемых поступков) – реакция со стороны общества (оценка – одобрение или поощрение). Определенные границы ответственности образуют объем исполнения обязанностей и объем применяемых обществом одобрений и

¹⁵ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 14.

¹⁶ Там же. С. 22.

поощрений. В свою очередь этот объем устанавливается социальными нормами. К содержанию принудительной формы реализации социальной ответственности указанные ученые относят: обязанность претерпеть неблагоприятные последствия, вытекающая из факта совершения проступка – осуждение обществом нарушителя социальных норм (оценка) – принуждение его к должному поведению – претерпевание нарушителем неблагоприятных последствий¹⁷. Причем единство двух данных форм реализации в рамках целостной социальной ответственности обосновывается авторами со ссылкой на философский закон единства и борьбы противоположностей¹⁸. Действительно, отсылка к этому закону говорит о том, что в принципе нормальным и адекватным для объективной действительности выступает одновременное наличие в одном явлении двух кардинально противоположных сторон (сторон одной медали). Только их комплексное познание в их единстве и борьбе может дать научно обоснованный результат.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский выделяют также признаки обозначенных ими форм реализации социальной ответственности. В понятие добровольной формы реализации социальной ответственности должны быть включены следующие признаки:

- социальная ответственность выражает взаимосвязь общества и личности, личности и общества;
- социальная ответственность состоит в обязанности субъектов социальной действительности следовать предписаниям социальных норм;
- социальная ответственность вовне выражается в полезном или одобряемом поведении;
- социальная ответственность рассчитана на осознанное и волевое поведение;
- по внутренним (субъективным) характеристикам социальная ответственность выражается в психическом отношении субъекта, мотивах, целях, эмоциональном фоне;
- вовне выражением социальной ответственности служит оценка поведения обществом (одобрение или поощрение).

¹⁷ См.: См.: Там же. С. 23.

¹⁸ См.: Там же. С. 23.

Принудительная форма реализации социальной ответственности характеризуется следующими признаками:

- социальная ответственность есть обязанность претерпевать меры общественного воздействия, предусмотренные социальной нормой;
- социальная ответственность сопряжена с общественным принуждением;
- вовне социальная ответственность выражается в оценке обществом совершенного поступка и реальным претерпеванием неблагоприятных последствий самого разнообразного характера¹⁹.

С учетом всего изложенного Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский дают следующее определение социальной ответственности: *«это диалектическая взаимосвязь между личностью и обществом, характеризующаяся взаимными правами и обязанностями по соблюдению предписаний социальных норм, их выполнение, влекущее одобрение, поощрение, а в случаях безответственного поведения, не соответствующего предписаниям этих норм, - обязанность претерпеть неблагоприятные последствия и их претерпевание»*²⁰. В этом определении, по мнению его авторов, как раз и отражаются обе формы реализации объективно единой социальной ответственности.

Е.В. Родионова также предлагает определение социальной ответственности: *«социальная ответственность – взаимодействие (как поощрение, так и лишение) общества и его представителей, основанное на правах и обязанностях по соблюдению социальных норм при условии возможности осознания последствий совершаемых ими социально значимых поступков»*²¹. Данное определение так же, как и предыдущее, сочетает в себе как позитивный, так и негативный аспекты ответственности и обусловленную ими реакцию социума.

Несколько иной подход к определению социальной ответственности предлагает, например, Н.И. Матузов. Он указывает, в частности, что *«Под социальной ответственностью понимается объективная необходимость*

¹⁹ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 24.

²⁰ См.: Там же. С. 24.

²¹ Родионова Е.В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы / Е.В. Родионова. – М.: Юрлитинформ, 2011. - С. 49.

отвечать за нарушение социальных норм... Социальные нормы - это указатели границ должного и возможного. Если поведение индивида выходит за грань дозволенного, то наступает тот или иной вид социальной ответственности, нарушитель осуждается или даже наказывается. Если же гражданин совершает общественно полезные, одобряемые действия, то он поощряется, поддерживается, а за наиболее выдающиеся поступки даже награждается, ставится в пример»²². Ученый, таким образом, различает действие в соответствии с социальными нормами, и социальную ответственность. Хотя, в данном случае, косвенно есть основания предполагать единую природу реакции на положительное и отрицательное поведение субъекта со стороны социума, Н.И. Матузов и в дальнейших рассуждениях придерживается монистического подхода к социальной ответственности. Как видим, и по сегодняшний день нет единодушия среди ученых-юристов по поводу понимания социальной ответственности. Подход же к содержанию данного понятия корреспондирует и трактовке понятия юридической ответственности.

Рассмотрим теперь проблему классификации социальной ответственности. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отмечают, что, сколько существует видов социальных норм в обществе, столько имеет место быть и видов социальной ответственности²³. Н.В. Витрук дополняет это положение тезисом о том, что обособление видов социальной ответственности зависит от сферы социальной деятельности человека и вида соответствующих социальных норм. Традиционно в государственно организованном обществе, по мнению ученого, выделяют моральную, политическую, общественно-уставную и юридическую ответственность²⁴.

Н.В. Витрук дает и определения указанным видам социальной ответственности. Так, моральная ответственность, по его мнению, выражает осознание личностью и реальное выполнение ею требований моральных норм, а также наступление морального осуждения в случае игнорирования этических требований. Политическая ответственность означает осознание

²² Матузов Н.И. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 512 с.

²³ См.: Там же. С. 26.

²⁴ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. - С. 14.

необходимости выполнения требований, вытекающих из политических норм, а также осуждение за их невыполнение либо ненадлежащее исполнение в силу некомпетентности, преследования узкокорыстных, узкоэгоистических интересов, и т.п. Общественно-уставная ответственность членов общественных объединений выражается в осознании необходимости исполнения корпоративных уставных правил (требований), в наступлении тех негативных последствий, которые предусмотрены за их неисполнение либо ненадлежащее исполнение²⁵. Наконец, ответственность, которая неразрывно связана с появлением в обществе норм права, закрепленных в законах, представляет собой особую разновидность социальной ответственности, получившую название правовой (юридической) ответственности. Она, прежде всего, означает осознание субъектом необходимости исполнения требований правовых норм, а также наступление негативных последствий за их неисполнение²⁶.

Думается, что с Н.В. Витруком не в полной мере можно согласиться в построении им системы видов ответственности в зависимости от того или иного социального регулятора. Так, безусловно, позитивное право, исходящее от государства, дает нам юридическую ответственность как цельно взаимосвязанный с данным регулятором феномен, в своем негативном аспекте обеспечивающий его функционирование угрозой принуждения, а в позитивном – обещанием одобрения или награды. Этот вид ответственности, кроме того, тесно взаимосвязан с таким социальным образованием, как государство, которое и осуществляет реализацию юридической ответственности в той или иной форме. Однако, государство – не единственный субъект, применяющий меры поощрения или взыскания. Общество в целом, используя и опираясь на такой социальный регулятор, как мораль (не вдаваясь в «философский спор об именах»), будем иметь в виду здесь абстрактную общественную мораль как набор универсальных констант о добре и зле, известных, по общему правилу, всем), применяет моральную ответственность, за добро воздавая одобрением и поддержкой, за зло же – общественным порицанием. Между юридической и моральной ответственностью больше различий, нежели общего: это два

²⁵ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. - С. 14-15.

²⁶ См.: Там же. С. 15-16.

разноприродных, разнопорядковых и разнотелных но тесно сосуществующих и взаимодействующих феномена. Специфической чертой моральной ответственности думается признать её всеобщий абстрактный характер и не меньшую абстрактность субъекта – общество. Это как раз выделяет моральную ответственность среди других видов ответственности.

Исходя из обозначенного размежевания моральной ответственности как абстрактного инструмента в руках абстрактного субъекта, попытаемся выделить ещё ряд видов ответственности. Во-первых, учитывая существование и функционирование по сегодняшний день такого социального регулятора, как обычай, и свода этих обычаев – обычного права, думается, что можно вести речь об **обычно-правовой ответственности**, наряду с юридической и моральной ответственностями. Абстрагируясь от международно-правовой сферы (хотя и там можно рассуждать аналогичным образом), за обычно-правовой ответственностью и базовым её фундаментом – обычным правом следует признать вполне конкретный характер, а также конкретного субъекта (поскольку обычаи и обычное право национальны). Можно вести речь и о некоторой формальной определенности обычно-правовой ответственности. Не вдаваясь пока в полемику по поводу обозначенного вида ответственности, отметим, что он имеет право на существование наряду с юридической и моральной ответственностью²⁷.

Во-вторых, аналогичные основания имеет под собой утверждение о **корпоративно-правовой ответственности**. Базовым регулятором будут выступать корпоративные нормы, природа которых сходна природе обычно-правовых норм, однако, субъектами корпоративно-правовой ответственности будут выступать определенные корпорации людей (как правило, объединенных по профессиональному признаку). В своё время цеховое право имело большое регулятивное значение в Средневековой Европе, обратившись затем в право городское, на долгое время составлявшее полноценную правовую систему. Да и на сегодняшний день корпоративные нормы многих образований, особенно тайного характера, имеют для их адептов куда большее значение, нежели нормы позитивного права. И почему

²⁷ Об ответственности в обычном праве на сегодняшний день в юридической литературе поднимается вопрос. См.: Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 258-270.

бы не считать систему личных взаимоотношений, негласных но общепринятых правил в той или иной организации как своего рода свод корпоративного права: для работников, мыслящих себя частью такого коллектива, они часто превосходят закон. Между прочим, на сегодняшний день стали появляться обстоятельные работы по корпоративной социальной ответственности, что также говорит в пользу значимости этого феномена²⁸.

В третьих, можно вести речь о **каноническо-правовой ответственности**. Нормативными системами в данном случае будут выступать каноническое право христианских церквей (католической, православной, григорианской), которые признают канонические сборники права (например, Каноны. Книга правил – в православной церкви – постановления апостолов, вселенских (7) и поместных (9) соборов, а также установления святых отцов церкви, или Кодекс канонического права, утверждённый папой Иоанном Павлом II), мусульманское право, иудейское право, индуское право. Наверное, более приемлемым термином является «религиозное право» и религиозно-правовая ответственность, но каноническое право нам видится более традиционным и устоявшимся сочетанием, поэтому мы будем использовать его (или эквивалент «церковное право»), а в необходимых случаях – уточнять применительно к той или иной конфессии.

Таким образом, в качестве полноценных видов социальной ответственности стоит выделять юридическую, моральную, обычно-правовую, корпоративно-правовую, религиозно-правовую. Такие регуляторы, как правила этикета, эстетические каноны и прочие правила, принятые в сфере искусства, возможно, тоже обладают собственными видами ответственности, однако, в рамках настоящей работы мы не будем на них останавливаться, поскольку они носят, в большей степени, формальный, процедурный характер, и не затрагивают глубинных процессов, происходящих в личности и в обществе. При этом, у обычно-правовой, корпоративно-правовой и канонически-правовой ответственности общих черт гораздо больше с юридической, нежели с моральной

²⁸ См. например: Никитина Л.М. Корпоративная социальная ответственность: учебник для бакалавров / Л.М. Никитина, Д.В. Борзаков. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.

ответственностью. Обсуждение природы указанных видов ответственности требует отдельного разговора.

Необходимо коснуться ещё одного аспекта понимания социальной ответственности. К. Муздыбаев рассматривает социальную ответственность как свойство личности. К её существенным признакам он относит точность, пунктуальность, верность личности в исполнении обязанностей и её готовность отвечать за последствия своих действий; все это подразумевает честность, справедливость, принципиальность личности, в то же время названные качества не могут реализовываться успешно, если у человека не развиты эмоциональные черты: способность к сопереживанию, чуткость к чужой боли и радости, кроме того, исполнение любой обязанности требует волевых качеств и усилий: настойчивости, усердия, стойкости, смелости, выдержки²⁹. Такой подход обращает внимание на субъективный аспект ответственности, определяющим здесь будет выступать имя прилагательное «ответственный», характеризующее личность со свойством ответственности. Тот набор качеств, который перечисляет К. Муздыбаев, позволяет рассматривать ответственность как весьма положительное свойство личности, вполне способное выступать в качестве эталона для воспитания правосознания личности. И именно субъективная сторона в понимании категории «ответственность» в полном объеме выводит на позитивный аспект ответственности.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский последовательно утверждают о необходимости выделения у юридической ответственности позитивного аспекта именно основывая свои рассуждения на том, что для социальной ответственности в целом, и для всех остальных её видов характерно наличие как негативного, так и позитивного аспекта³⁰. «Основанием для возникновения позитивной социальной ответственности являются социальные нормы. В основании же возникновения негативной социальной ответственности, соответственно находится несоблюдение требований социальных норм. Возникновение добровольной формы реализации юридической ответственности обусловлено вступлением нормативно-

²⁹ Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев; под ред. В.Е. Семенова. – изд-е 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 24-25.

³⁰ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 28-33.

правового акта в силу и возникновением у субъекта правового статуса, определяющего его место в системе общественных отношений. Возникновение государственно-принудительной формы реализации ответственности обусловлено правонарушением и наличием правовой нормы»³¹. Учеными приводятся и другие аргументы по поводу большого количества общих черт у социальной и юридической ответственности. В целом они делают вывод, что «юридическая и социальная ответственность имеют схожие основания, базируются на одинаковых предпосылках, обладают общими функциями и принципами, отражают связь общества и личности и служат достижению единых целей». В качестве признаков, отличающих юридическую ответственность от других видов социальной ответственности, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский называют:

- во-первых, юридическая ответственность основывается на правовых нормах, формально определена и обладает четкостью, детализированностью и общеобязательностью;

- юридическая ответственность гарантируется государством;

- юридическая ответственность обеспечивается государственным принуждением или государственным убеждением;

- последствиями юридической ответственности становятся государственное одобрение, поощрение, или осуждение и наказание;

- юридическая ответственность осуществляется в процессуальной форме³².

Таким образом, ответственность, социальная ответственность и юридическая ответственность представляют собой уровни абстракции познания объективной действительности. Через институт юридической ответственности в правовой сфере проявляется философская категория ответственности, и, соответственно, даже специфика этого поля не может изменить её сущностных характеристик, в том числе и добровольной формы реализации. Кроме того, о существовании данной формы реализации юридической ответственности говорит и то, что юридическая ответственность в полном объеме выступает разновидностью ответственности социальной, так же как и право

³¹ Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 29.

³² См.: Там же. С. 33.

выступает равноправным социальным регулятором. Однако, прежде чем рассматривать проблему выделения позитивной и негативной юридической ответственности, определим ещё ряд общих категорий, связанных с теорией юридической ответственности.

Помимо уже рассмотренных нами таких общих конструкций, как ответственность и социальная ответственность, к другим общим, так сказать, наиболее абстрактным, понятиям, касающимся теории юридической ответственности, можно отнести социальное управление, социальное регулирование, институт юридической ответственности, статутную ответственность, правовую ответственность и некоторые другие. Значение этих понятий, напротив, предельно конкретное, хотя и не осознаётся на первый взгляд таковым. Состоит оно в том, что эти понятия облегчают уяснение смысла процедур юридической ответственности, обеспечивающих её воздействие на общественную жизнь. Конечно, аналогичным значением обладают и многие другие термины социологии, философии и теории права, но именно эти наиболее близко притекают к феномену ответственности с точки зрения его содержания.

Социальное управление - основанное на достоверном знании систематическое воздействие субъекта управления (управляющей подсистемы) на социальный объект (управляемую подсистему), в качестве которого может выступать общество в целом и его отдельные сферы - экономическая, политическая, социальная, духовная, с тем, чтобы обеспечить их нормальное функционирование, совершенствование и развитие, успешное движение к заданной цели³³.

Социальное регулирование представляет собой процесс целенаправленного воздействия общества и его институтов на социальную жизнь, поведение индивидов и групп посредством регуляторов (норм, правил, целей, связей)³⁴. По сути, социальное регулирование предполагает

³³ См.: Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко, 2003 г. / [Электронный ресурс]. – электрон. дан. – Национальная социологическая энциклопедия / Проекты Национальной энциклопедической ассоциации. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/socialnoe-upravlenie>

³⁴ См.: Касьянов В. Социология права: словарь специальных терминов / В. Касьянов, В. Нечипуренко, 2001 г. / [Электронный ресурс]. – электрон. дан. – Национальная

управление обществом не напрямую, а через регуляторы, в том числе и право, т.е. его можно назвать косвенным управлением.

Значение этих категорий для теории юридической ответственности заключается в том, что они позволяют глубже понять природу права как социального регулятора (средства косвенного управления социумом) и юридической ответственности как органической его части. Юридическая ответственность, таким образом, выступает, с одной стороны, обеспечителем правового регулирования общественной жизни, а с другой – средством правового воспитания правосознания граждан, что также направлено на обеспечения действия в обществе регулятора, именуемого позитивным правом.

Б.Т. Базылевым³⁵ дается определение такому термину, как институт юридической ответственности, который, по его мнению, можно охарактеризовать как общий, комплексный по содержанию (состоящий из норм различных отраслей права), своеобразный по структуре (включающий в себя институты, подотрасль и отрасль права), имеющий как охранительное, так и регулятивное назначение, функциональный институт российского права, регулирующий общественные отношения посредством мер поощрения, одобрения, принуждения и наказания.

С одной стороны, такая трактовка юридической ответственности указывает ей на определённое место в системе позитивного права. С другой стороны, можно ли такое масштабное образование, как совокупность норм о юридической ответственности, называть правовым институтом? С точки зрения общего понятия, правовой институт – это законодательно обособленный комплекс юридических норм, обеспечивающих цельное регулирование данной разновидности отношений, или её стороны³⁶. В данном случае, говорить о законодательной обособленности юридической ответственности вряд ли возможно, поскольку нормы, предусматривающие юридическую ответственность, широко разбросаны по различным правовым отраслям. Кроме того, в зависимости от отраслевой специфики, имеют место

социологическая энциклопедия / Проекты Национальной энциклопедической ассоциации. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/616/word/regulirovanie-socialnoe>

³⁵ См.: Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (вопросы теории) / Б.Т. Базылев; отв. ред. Н.В. Витрук. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-та, 1985. - С. 47.

³⁶ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. - С. 137.

различия в правовом регулировании того или иного вида ответственности, что ставит вопрос о том, являются ли отношения ответственности, урегулированные разными отраслями права, однородными. Поэтому вряд ли есть основания совокупность норм, регулирующих юридическую ответственность, называть правовым институтом.

Но тогда возможно ли, что существует комплексная отрасль права, аккумулирующая в себе нормы о юридической ответственности? Отрасль права – это самостоятельное, юридически своеобразное подразделение права, состоящее из компактной системы взаимосвязанных, распределенных по институтам норм, регулирующих специфический вид общественных отношений³⁷. Специфика юридической ответственности, её внутреннее многообразие, «многопредметность» и «многочисленность», не позволяют употребить в отношении неё и термин «отрасль права». Комплексные отрасли, по утверждению С.С. Алексеева, характеризуются, все-таки, однородностью предмета, при различии методов. В данном же случае, если признавать юридическую ответственность отраслью или институтом права, то он становится неким надсистемным «лоскутным» образованием. Кроме того, в него пришлось бы включить самостоятельную отрасль права – право уголовное, а также такое крупное образование, как законодательство об административных правонарушениях, выступающее подотраслью административного права, и кроме того, значительные блоки норм из других отраслей права – финансового, конституционного, процессуальных отраслей и т.п. В этом вряд ли можно увидеть однородность предмета, метода и других критериев обособления внутрисистемных правовых образований. Поэтому, на наш взгляд, нет оснований за юридической ответственностью закреплять тот или иной элемент системы права.

Юридическую ответственность необходимо считать правовым феноменом, находящим юридическое выражение в различных отраслях позитивного права, однако, при этом, сцементированным изнутри собственными принципами (существующими совместно и наряду как с общеправовыми, так и с отраслевыми принципами права), функциями, целями, основаниями применения. Этот феномен не совпадает

³⁷ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. - С. 131.

конструкционно ни с отраслью, ни с институтом права, а аккумулирует в себе нормы различных правовых отраслей и институтов.

Юридическая ответственность и правовая ответственность: характер соотношения. Юридическая ответственность в вышеприведенной трактовке ограничена рамками позитивного права. Поэтому она должна рассматриваться как позитивно-правовой феномен. Однако, некоторые авторы предлагают разграничивать юридическую ответственность как явление позитивного права и правовую ответственность. Н.В. Витрук, отталкиваясь от разделения понятий права и закона, утверждает, что правовая ответственность – это ответственность, устанавливаемая в соответствии с требованиями идеального (естественного) права, его ценностей, наиболее тесно связана с принципами свободы, справедливости и равенства и лежит в основе юридической ответственности³⁸. Хотя, здесь, думается, речь в большей степени следует вести о реально существующем явлении и об идеальном представлении о нем. Вопрос же о соотношении понятий «юридическая ответственность» и «правовая ответственность» заслуживает своего более подробного рассмотрения.

Как видим, некоторые основания для разграничения понятий «юридическая ответственность» и «правовая ответственность» появляются сразу же, как только мы отходим от парадигмы юридического позитивизма. В недавнее время появились исследования, исходящие несколько из иной концепции соотношения содержания понятий «закон» и «право»³⁹. С этой точки зрения моральная ответственность, опирающаяся на традиционную нравственность русского народа, обозначаемую символом правды, входит, наряду с позитивно-правовой и канонически-правовой ответственностью, в собирательное понятие правовой ответственности. Думается, однако, в целях терминологической чистоты не подниматься до такого уровня синтеза явлений, а выделить из видов социальной ответственности те, которые ближе всего тяготеют к *позитивно-правовой ответственности, которую можно также называть юридической ответственностью в собственном смысле слова.*

³⁸ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. - С. 26.

³⁹ См.: Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: Монография / В.В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.

За основу возьмем наименования базовых регуляторов. Вряд ли будет приемлемо употреблять термин «моральное право», здесь, скорее, можно говорить «нормы морали». Такие же сочетания, как «обычное право», «корпоративное право», «каноническое право», «мусульманское право», «иудейское право», «индусское право», часто встречаются в современной юридической литературе. *Соответственно, можно поставить вопрос о признании обычно-правовой, корпоративно-правовой и религиозно-правовой ответственности не просто разновидностями социальной ответственности, а существующими наряду с юридической, видами правовой ответственности.*

Все зависит от правопонимания, - от того, что следует считать правом. Содержание термина «право» на сегодняшний день далеко не исчерпывается юридико-позитивистской его трактовкой⁴⁰. В ряде источников выделяется порядка 26-ти школ правопонимания⁴¹. Юридико-позитивистский подход во многих современных работах подвергнут обстоятельной критике⁴². Подобная трактовка права, с одной стороны, несколько облегчает работу юристам-практикам континентальной правовой традиции, которым нет необходимости вникать в содержание регулируемых отношений, а достаточно просто использовать готовые конструкции для разрешения конкретных дел, а с другой – не позволяет увидеть всего многообразия регулирующих общественную жизнь правил, выступающих в качестве общеобязательных. Даже в таких охранительных правоотношениях, как уголовно-правовые, уголовно-исполнительные и уголовно-процессуальные невозможно не учитывать реальной социальной действительности. Немаловажно, что и юридико-позитивистская трактовка права, не признавая обычай, например, формально-юридическим источником права, рассматривала его таковым в материально-правовом смысле: многие позитивно-правовые памятники (Русская Правда, Законы 12-ти Таблиц,

⁴⁰ См. например: Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: Монография / В.В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – С. 23-72.

⁴¹ См.: История государственно-правовых учений: Учебник / Ю.Я. Баскин [и др.]; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Спарк, 2006. - С. 308-460.

⁴² См. например: Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2011. – 800 с.; Нерсесянц В.С. Философия права: учебник / В.С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 20-30; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 672 с.; и др.

Салический закон и др.) представляли собой не что иное, как свод обычного права, получившего государственную защиту. Аналогичным образом и нормы корпоративного или религиозного права могут получать государственную защиту, выступать первоисточниками норм позитивного права. Исходя из этого можно сделать вывод, что не существует непроходимой пропасти между позитивно-правовой, обычно-правовой, корпоративно-правовой и религиозно-правовой ответственностью.

Если рассматривать обычное право, корпоративное право, религиозное право и позитивное право не с точки зрения поиска различий, а с точки зрения выделения общих черт между ними, а также делать акцент на отличиях соответствующих им видов ответственности от моральной ответственности, то неслучайным, на наш взгляд, выступает здесь употребление в каждом из этих феноменов термина «право», который не просто представляет собой омоним как фигуру русского языка, а характеризует наличие содержательной и генетической общности этих регуляторов. Безусловно, по субъекту они различаются, но этот субъект (устанавливающий и применяющий ответственность) всегда конкретен. Содержание мер ответственности также отличается, но не исключены и аналогии, например, между церковной епитимией и некоторыми мерами юридической ответственности. Кроме того, для всех четырех ответственностей характерен значительный аспект формальной определенности, который заключается в том, что религиозные и корпоративные нормы, а в ряде случаев и обычаи, носят писанный характер и зафиксированы в определенных источниках.

Встает вопрос по поводу такой сущностной черты позитивного права, как общеобязательность, которая не характерна для других регуляторов. Однако, общеобязательность позитивного права также не универсальна, она носит формальный характер: право провозглашается общеобязательным, но на деле оно может таковым и не быть при конфликте с другими регуляторами, при невосприятии его населением и при недееспособности субъекта, его установившего. Поэтому по факту получается, что общеобязательность позитивного права напрямую связана с возможностями установившего его субъекта и с правосознанием населения, и тем самым она практически уравнивается с силой обычного, религиозного и

корпоративного права, обязательность которых, как известно, не всеобща, а касается четко обозначенных социальных общностей.

Таким образом, совокупность видов ответственности, базовые регуляторы которых содержат в названии термин «право», может быть названа общим понятием «правовая ответственность». Юридическая ответственность в собственном смысле слова (или позитивно-правовая ответственность) может рассматриваться как одна из разновидностей правовой ответственности. **Под правовой ответственностью следует понимать ответственность, предусмотренную позитивным правом, корпоративным правом, религиозным правом и обычным правом, имеющую определенного субъекта, устанавливающего ответственность и применяющего меры ответственности, определенный круг лиц, на которых распространяются меры этой ответственности, формально определенную в писанных (за редким исключением, неписанных, но общеизвестных) источниках.** Юридическая ответственность в этом случае выступает разновидностью правовой ответственности, предусмотренной позитивным правом, установленной и применяемой государством.

1.2. Проблема позитивной и негативной юридической ответственности

Проблема выделения в юридической ответственности, так же, как это делается по отношению и к другим видам социальной ответственности, наряду с негативным, ретроспективным аспектом, ещё и позитивного аспекта, не имеет однозначного разрешения в юридической науке до сих пор. Причем, нет оснований утверждать, что та или иная концепция – сторонников или противников двухаспектности юридической ответственности, - с полной определенностью возобладала в правовой доктрине России. К сторонникам выделения в рамках юридической ответственности позитивной её составляющей можно отнести Н.В. Витрука, Б.Т. Базылева, Н.И. Матузова, Г.В. Мальцева, Е.В. Родионову, И.Э. Звечаровского, В.Н. Кудрявцева, А.Н. Тарбагаева, и некоторых других ученых. Противниками двухаспектности правовой ответственности выступают (или выступали) С.Н. Братусь, Ю.М. Ткачевский, О.Э. Лейст, В.Д. Филимонов, Н.С. Малеин, А.Г. Чернявский, С.М. Кузнецов, В.В.

Мальцев, М.И. Байтин, И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин, В.М. Баранов, А.С. Шабуров, и ряд других ученых.

На особом месте стоят исследования Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, которые, признавая у ответственности позитивный аспект, утверждают о существовании единой статутной ответственности, представляющей собой нормативное закрепление той или иной юридической обязанности, называют её ещё «ответственность в статике», ответственностью же в динамике, по их мнению, следует рассматривать правовую реакцию на то или иное поведение обязанного субъекта, в соответствии с которым, по мнению указанных авторов, имеют место быть добровольная и принудительная формы реализации юридической ответственности. Совокупность же статической и динамической ответственности указанные авторы обозначают термином «юридическая ответственность как целостное явление»⁴³.

*Получается, что проблема дуалистичности или монистичности юридической ответственности представлена, в основном, рядом позиций: признание за позитивной юридической ответственностью права на полноценное существование наряду с негативной; признание за позитивной ответственностью права на существование, но ограниченное, в виде исключительного явления; не признание вообще за позитивной юридической ответственностью права на существование; признание за позитивной ответственностью права на существование, но не в самостоятельном виде, а в виде формы юридической ответственности как целостного явления. Существует и ещё одна позиция, согласно которой позитивная и негативная юридическая ответственность – совершенно разные явления, причём юридической ответственностью автор этой позиции именуется исключительно ответственность в позитивном смысле, а негативную называет юридической безответственностью, в качестве последствия которой называет исключительно наказание как собирательное понятие*⁴⁴.

⁴³ См. подробнее: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 33-49.

⁴⁴ См.: Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб., 2008. 187 с.

Ввиду того, что юридическая наука ещё сама не определилась, выделять в юридической ответственности, или не выделять позитивный аспект, мы в рамках настоящей части работы обозначим основные грани проблемы, сделаем некоторое заключение по ним, а затем представим концепции как негативной, так и позитивной юридической ответственности. Что характерно, анализ юридической литературы дает основания полагать, что о позитивной юридической ответственности говорят представители науки уголовного права и общей теории права и государства. Можно встретить упоминание о позитивной юридической ответственности в трудах некоторых конституционалистов, например, Н.В. Витрука. Что же касается, например, представителей науки административного права, экологического права, финансового права, гражданского права, то там вопрос о дуализме ответственности, как правило, не ставится. Так, С.Н. Братусь вполне определенно заявляет, что, юридическая ответственность – это исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения, юридическая же ответственность в позитивном правоотношении – это опосредованное государственным принуждением исполнение обязанности⁴⁵. Как видим, один из ведущих советских цивилистов и теоретиков права вполне определенно связывает юридическую ответственность и государственное принуждение. И далее он вполне определенно заявляет: «добровольное исполнение обязанности юридической ответственностью не является»⁴⁶. Также и А.Б. Агапов свою работу, посвященную административной ответственности, открывает определением этого явления, согласно которому «административная ответственность представляет собой меры публичного воздействия, применяемые к лицу, виновному в совершении административного правонарушения, ограничивающие имущественные (неимущественные) права нарушителя либо устанавливающие его дополнительные обязанности»⁴⁷, и далее по ходу исследования вообще не затрагивает

⁴⁵ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С.Н. Братусь. – М.: Городец-издат, 2001. - С. 81-82.

⁴⁶ Там же. С. 82.

⁴⁷ См.: Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров / А.Б. Агапов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. - С. 17.

проблемы позитивной и негативной ответственности⁴⁸. В то же время, такие криминалисты, как А.Н. Тарбагаев и И.Э. Звечаровский подробно освещают в своих трудах концепцию позитивной уголовной ответственности, а их противники, В.Д. Филимонов, Ю.М. Ткачевский, рассматривая вопросы уголовной ответственности, значительное внимание уделяют критике такого подхода к этому виду ответственности. *Подобное расхождение в рамках единой юриспруденции труднообъяснимо и может быть, отчасти, связано со спецификой административно-правовой (сильный императивный сегмент, сильный настолько, что иногда административно-правовой метод отождествляют с императивным методом правового регулирования), а также гражданско-правовой (вообще коренным образом отличающейся от иных видов юридической ответственности) ответственности, ввиду чего не встает вопрос о добровольной форме этих видов ответственности.*

Однако, при более глубоком исследовании материала этих отраслей права, ростки позитивного аспекта ответственности можно найти и в них. Следовательно, необходимо рассмотреть аргументацию сторонников и противников выделения этой ответственности для уяснения смысла дискуссии.

а) Аргументы сторонников выделения позитивного аспекта в правовой ответственности.

Первым и ключевым аргументом в пользу допустимости выделения в едином явлении юридической ответственности позитивного и негативного аспекта выступает *диалектический закон единства и борьбы противоположностей*, в силу которого естественно нормальным и диалектически объективным является наличие у любого явления двух тесно взаимосвязанных и совершенно разноплановых равноправных сторон. Вот и получается, что для юридической ответственности, в соответствии с этим тезисом, характерна как позитивная компонента (наступающая за правомерное поведение в виде юридических поощрений), так и негативная компонента (наступающая за противоправное поведение в виде юридических взысканий).

⁴⁸ См.: Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров / А.Б. Агапов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. – 435 с.

Второй аргумент также непосредственно связан с философией и касается категориальной конструкции целого и части, при которой часть обладает всеми характеристиками целого. Касается это и юридической ответственности, выступающей частью ответственности социальной. *Как часть не может обладать свойствами, отличными от целого, выходить за его рамки, так и юридическая ответственность обладает всеми характеристиками социальной ответственности. С другой стороны, выступая видом социальной ответственности юридическая ответственность также впитывает в себя все её признаки, обладая, впрочем, и отличительными чертами, на которые мы уже указывали.*

Можно с определенностью утверждать, что на сегодняшний день полноценно концепция позитивной юридической ответственности (а также пространная аргументация в пользу её выделения) разработана Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским в их фундаментальной монографии «Общая теория юридической ответственности». Поэтому, в дальнейших рассуждениях мы будем опираться на этот труд, на те аргументы, которые приводят эти ученые в защиту своей позиции.

Во-первых, ученые утверждают, что указание на то, что юридическая ответственность традиционно была ответственностью за прошлое поведение, противоречит такому принципу диалектики, как конкретность истины. Это означает, что позитивная юридическая ответственность явилась следствием длительной эволюции социума, общественной жизни, усложнения общественных отношений, изменения роли права в общественной жизни⁴⁹. *Думается, что подобный аргумент можно рассматривать как заслуживающий внимания. На современном этапе развития общественных отношений тенденция к юридизации общественной жизни по-прежнему преобладает в западных правовых системах, ярко выражена она и в российском обществе. Поэтому для обозначения широкого пласта общественных отношений, связанных с правонарушениями, со стимулами в праве, а также и в правовоспитательных целях вполне приемлемо говорить о позитивной, перспективной ответственности.*

⁴⁹ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 142.

В качестве второго аргумента приемлемости выделения позитивной ответственности Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский называют такую аксиому теории права, согласно которой в любой правовой норме сформулирован как разрешенный, так и запрещенный вариант поведения, при этом сама норма права представляет собой, прежде всего, официальное суждение о должном и одобряемом поведении людей, выступая своеобразной моделью поведения, которой участники общественных отношений должны следовать в своей жизни⁵⁰. Следует отметить, что подобное утверждение полностью соответствует как традиционным представлениям о трехэлементной структуре (гипотеза-диспозиция-санкция) правовой нормы, так и другим подходам к структуре нормы права. В частности, В.В. Виноградов и Н.Н. Лебедева утверждают, что «юридически целостная правовая норма состоит не из трех, а из четырех элементов, а точнее – из двух двухэлементных нормативно-правовых предписаний по схеме: «если..., то..., а если..., то...». Первое предписание в этой схеме имеет регулятивный (позитивный) характер, а второе – охранительный (защитный, обеспечивающий) характер»⁵¹.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отвергают также и идеологическую подоплеку выделения позитивной юридической ответственности, утверждая, что возникновение концепций данной ответственности было вызвано не определенными идеологическими установками советского периода развития юридической науки, а «стало логическим результатом развития социологической, философской и правовой мысли, а также и развития законодательства»⁵². Думается, что и в этом следует согласиться с указанными авторами: *во-первых, концепция позитивной ответственности не в меньшей мере основывается на теоретических конструкциях гражданского общества и правового государства, во-вторых, в современных условиях юридизации общественной жизни также не меньше предпосылок для обоснования этой концепции, чем в советский период, и, в-третьих, не стоит забывать, что в советский же период имели место*

⁵⁰ См.: Там же. С. 144.

⁵¹ Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / Л.А. Букалерева [и др.]; отв. ред. Р.В. Шагиева. – М.: Норма, 2011. – С. 382 (авторы главы – В.В. Виноградов и Н.Н. Лебедева).

⁵² См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 148-149.

труды и противников дуализма юридической ответственности – С.С. Алексеева, А.С. Самощенко, М.Х. Фарукишина, Н.С. Малеина, С.Н. Братуся и т.д.

Помимо этого, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский обосновывают утверждение о наличии процессуального порядка для добровольной юридической ответственности. Таковым, по их мнению, выступает порядок применения мер поощрения, а также порядок действий по проверке правомерности необходимой обороны, крайней необходимости и т.п.⁵³. *Думается, что здесь ярко проявляется тот пласт общественных отношений, который и получил в литературе название «позитивная юридическая ответственность», выступающий антиподом юридической ответственности в традиционном смысле. Наличие процессуального порядка возложения мер позитивной юридической ответственности также, безусловно, свидетельствует в пользу допустимости её выделения.*

Защищая концепцию позитивной ответственности от обвинений в невозможности отграничения данного понятия от таких известных терминов, как «обязанность», «правомерное поведение», «правосубъектность», «деликтоспособность», «выполнение обязательств», Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отмечают, что «сторонники существования негативной ответственности считают, что она (негативная ответственность) тесно связана с государственным принуждением, санкцией правовой нормы, правонарушением, обязанностью, наказанием, осуждением и т.п. правовыми понятиями, однако же никто из них не указывает, что негативная ответственность растворяется в них, а следовательно, для её обозначения не нужен специальный термин»⁵⁴. В данном утверждении прослеживается и едкий упрек в адрес научных оппонентов, и конструктивные начала, учитывая, что далее, указанные ученые, воспользовавшись методологией, которая аналогична методологии отграничения негативной ответственности от смежных понятий, отграничивают от смежных понятий позитивную ответственность⁵⁵. И в конечном счете они указывают, что подобная критика

⁵³ Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 149.

⁵⁴ Там же. С. 150.

⁵⁵ См.: Там же. С. 151-152.

концепции позитивной юридической ответственности есть не более чем дань традиции⁵⁶.

В конечном счете, на основе обозначенных нами выше аргументов, а также на основе довольно подробных рассуждений «от противного» (критики и разбора аргументации оппонентов) Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский делают следующее заключение: «если рассматривать юридическую ответственность с позиций традиционной логики и диалектики, получается, что юридическая ответственность едина, а различные формы её реализации находятся в постоянной борьбе. Правонарушение существует постольку, поскольку существует правомерное поведение, а принудительная форма реализации юридической ответственности существует лишь постольку, поскольку существует добровольная форма реализации юридической ответственности»⁵⁷.

Таким образом, на сегодняшний день в юридической науке разработана аргументация касательно состоятельности существования позитивной юридической ответственности как полноценного правового явления. Для полноты картины рассмотрим аргументацию противоположной точки зрения.

б) Аргументы противников выделения позитивной юридической ответственности.

Наиболее основательной, логически развернутой и последовательной нам видится в этом вопросе позиция В.Д. Филимонова, представленная на страницах его монографии «Уголовная ответственность по российскому законодательству». К её изучению мы сейчас и обратимся.

В.Д. Филимонов выделяет два аспекта проблемы. Во-первых – *философский аспект*. В рамках этого аспекта он приводит ряд аргументов. Отказ автора от выделения так называемой позитивной ответственности обусловлен главным образом тем, что она выражает не юридический, а философский аспект проблемы, а в философии ответственность рассматривается в более широком аспекте, чем в юридической науке. При разграничении философского и юридического аспектов ответственности, по

⁵⁶ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 153.

⁵⁷ Там же. С. 166.

мнению В.Д. Филимонова, необходимо иметь в виду следующие обстоятельства⁵⁸.

(1) Юридическая трактовка явления не может находиться за рамками её философского понимания. Поэтому философская трактовка ответственности шире юридического представления о ней. Понятие юридической ответственности основывается на таком её философском понятии, которое включает в себя как нравственное, так и юридическое содержание ответственности. Следует иметь в виду, что это её юридическое содержание хотя и имеет нравственную оценку, но характеризуется дополнительной особенностью, которая состоит в том, что юридическая ответственность регулируется не только нравственными, но и правовыми нормами⁵⁹.

Рассматривая данный аргумент, необходимо указать, что, во-первых, философское понятие ответственности, как уже мы выяснили ранее, не исчерпывается только нравственным и юридическим видами последней, а наряду с ними аккумулирует и ряд других видов ответственности, а во-вторых, специфика любого вида ответственности определяется собственным, характерным для него социальным регулятором.

(2) Ещё одна особенность юридической ответственности, по мнению В.Д. Филимонова, заключается в том, что она относится только к уже совершенным поступкам человека, что её отличает от нравственной, которая, будучи более объемным явлением, охватывает также ответственность за будущее поведение⁶⁰. Данное положение можно вообще рассматривать не как аргумент автора, а как выдвинутое им утверждение, тезис.

(3) В.Д. Филимонов утверждает также, что выделяемая философами перспективная ответственность – это ответственность сознательной личности⁶¹. *Возникает резонный вопрос: как это вообще влияет на концепцию позитивной юридической ответственности? Разве не может сознательная личность нести позитивную юридическую ответственность,*

⁵⁸ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: «ЮоИнфоР», 2008. - С. 57.

⁵⁹ См.: Там же. С. 58.

⁶⁰ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: «ЮоИнфоР», 2008. - С. 58.

⁶¹ См.: Там же. С. 58.

и подвергаться действию поощрительных санкций? Данный аргумент также не представляется состоятельным доказательством. Думается, что здесь автор исходит из признания за термином «ответственность» исключительно негативного содержания. Это, однако, не стыкуется с его философским, семантическим и социальным содержанием, которое допускает как позитивный, так и негативный аспекты.

(4) Ретроспективная и перспективная ответственность, по мнению В.Д. Филимонова, имеют разную целевую направленность. Если ретроспективная ответственность имеет своей целью устранение негативных свойств личности, то перспективная ответственность имеет своей целью воспитание у человека готовности и стремления к осуществлению общественно полезной деятельности⁶². *Думается, что разная целевая направленность никоим образом не подвергает сомнению существование и того, и другого аспектов ответственности. Они – как две стороны одной медали, смотрят в разные стороны, но неразрывно взаимосвязаны.*

(5) В качестве ещё одного аргумента против выделения позитивной юридической ответственности В.Д. Филимонов указывает, что отличия между ретроспективной и перспективной ответственностью носят качественный характер: это две разных ступени формирования личности, одна из них направлена в прошлое, а другая – в будущее; ретроспективная ответственность, устраняя негативные свойства личности, создает предпосылки для формирования дальнейшего, более высокого уровня нравственного развития личности⁶³. *Не оспаривая состоятельность данного аргумента, поставим вопрос о его относимости: насколько действительно эти различия подтверждают отрицание выделения в юридической ответственности позитивного аспекта? Что мешает правовым нормам оказывать воспитательное воздействие, быть направленными в будущее человека? Возрастание роли права в общественной жизни вполне допускает такую возможность.*

(6) В зависимости от этой направленности В.Д. Филимоновым приводится утверждение о том, какому виду ответственности лицо подлежит. И в конечном итоге он в качестве тезиса заключает: «различное

⁶² См.: Там же. С. 60.

⁶³ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: «ЮоИнфоР», 2008. – С 61.

качественное содержание ретроспективной и перспективной ответственности не позволяет охватить их единым понятием юридической ответственности». Все же случаи, когда проявления позитивной ответственности облекаются в правовую форму, он считает частными и не влияющими на её сущность⁶⁴. *Однако, никто и не утверждает, что проявления позитивной ответственности должны менять сущность негативной ответственности: они образуют самостоятельный вид юридической ответственности. Кроме того, количество и объемы частных позитивно-ответственных явлений – правовые поощрения, правовые льготы, - на сегодняшний день позволяет говорить об их качественном значении для образования нового аспекта в рамках юридической ответственности.*

При всем уважении к позиции В.Д. Филимонова, возникает ещё один закономерный вопрос: *почему им при анализе философского аспекта проблемы позитивной юридической ответственности не были даже упомянуты закон единства и борьбы противоположностей, взаимоотношения видовых и родовых характеристик, целого и его части? Думается все-таки, что критика позитивной ответственности вызвана, по большому счету традиционностью и консервативностью взглядов, приверженностью к классической методологии в науке, нежели рациональными основаниями утверждения о её отсутствии.*

Во-вторых, В.Д. Филимонов выделяет **юридический аспект** исследуемой проблемы, в рамках которого отмечает несколько возражений против выделения позитивной юридической ответственности:

1) выделение позитивной ответственности не учитывает принципиального различия между философским и юридическим понятием ответственности; *(на наш взгляд, такое принципиальное различие невозможно, оно противоречит природе философских категорий: проявляясь в предметном поле частных наук, они сохраняют свои сущностные черты, иначе бы вообще не были категориями – Е.К.)*

2) философское понимание ответственности, хотя и раскрывает содержание всех видов ответственности, но не может служить социальным основанием для формирования юридической ответственности; *(в*

⁶⁴ См.: Там же. С. 63.

соответствии с этим утверждением можно предположить, что есть ответственность, и есть ответственность, и что, например, для других видов ответственности наличие негативного аспекта нехарактерно – Е.К.)

3) позитивная ответственность не согласуется с нормами права, она даже ими не подразумевается; (но даже в рамках уголовного права можно найти нормы, одобряющие, поощряющие социально полезное поведение, стимулирующие на совершение определенных позитивных действий – Е.К.)

4) юридическая ответственность – это всегда реакция государства на то или иное поведение гражданина; (но и в случае социально активного, позитивного поведения гражданина государство в виде одобрения или поощрения на это поведение реагирует – Е.К.)

5) это возражение связано с тем, что позитивная и негативная ответственность – разнохарактерны, разноплановы, и даже налагаются различными субъектами; (но даже и здесь можно возразить, что те же поощрительные нормы, так же как и взыскания, наказания, применяются государственными органами – Е.К.)

6) признание позитивной и негативной ответственности как равноправных явлений привело бы к полному отрицанию гражданских свобод; (здесь стоит отметить, что действительно, тенденцию к всеобщей юридизации общественной жизни нельзя назвать положительной, социально позитивной, но она есть, и с этим не поспоришь – Е.К.)⁶⁵.

Анализ всех этих возражений, и всей в целом аргументации В.Д. Филимонова позволяет сделать вывод: ученый борется с утверждением о том, что признаки позитивной ответственности включаются в понимание ответственности негативной. Однако, сама концепция позитивной ответственности не ставит под сомнение негативную ответственность, а лишь отстаивает собственные права на существование. И в этом отношении методологически верной представляется именно позиция сторонников выделения в рамках юридической ответственности позитивного аспекта. Это имеет под собой прочное философское и методологическое основание, обусловлено социальной природой

⁶⁵ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: «ЮоИнфоР», 2008. – С. 68-72.

юридической ответственности, а также получает отражение в массиве поощрительных правовых норм.

Однако, позиция сторонников выделения позитивной юридической ответственности как явления, соразмерного ответственности за правонарушение, методологически верной представляется именно в указанном отношении. Профессор Вадим Донатович Филимонов прав в общем и целом, с точки зрения стратегии, но в тактических комбинациях, при конкретной аргументации он не учел некоторых современных тенденций, модифицировавших концепцию позитивной юридической ответственности, и, по существу, бил в те места этой концепции, которые на сегодня закрыты метровой броней. И только поэтому мы подвергли позицию этого выдающегося представителя томской школы уголовного права критике, в целом соглашаясь с его выводами. В завершающем параграфе этой главы мы попытаемся показать слабые места концепции позитивной юридической ответственности, а также в целом концепции Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского «юридическая ответственность как целостное явление», которую нужно рассматривать с позиции таких конструктов, как «механизм правового регулирования» и «правовая система общества», поскольку именно в этой части позиция ведущих теоретиков юридической ответственности страдает принципиальными, на наш взгляд, недостатками. Однако, предваряя критику, необходимо совершенно четко представить себе и читателям суть названной концепции юридической ответственности.

в) юридическая ответственность как целостное явление

В юридической науке предпринята попытка примирить позиции сторонников и противников выделения позитивной юридической ответственности через категорию единой статутной ответственности, а также через рассмотрение юридической ответственности как целостного явления. «Статутная (единая) ответственность – это объективно обусловленная, установленная законом и охраняемая государством обязанность (необходимость) соблюдения правовых предписаний участниками правоотношений, а в случае её нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного

или личного характера»⁶⁶. Установление статутной ответственности, по мнению ученых, имеет место до факта правомерного или противоправного поведения, до его оценки как ответственного или безответственного. Она представляет собой общее требование для всех субъектов права, руководство к действию, к правильному выполнению правовых предписаний, является ориентиром должного поведения и критерием его оценки⁶⁷. Действительно, чтобы применять негативные или позитивные меры ответственности к лицу, государство сначала должно в полном объеме этот вопрос регламентировать. Иначе будут отсутствовать основания для их применения. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский также полагают, что изначально устанавливается статутная юридическая ответственность (юридическая ответственность как целостное правовое явление), а добровольная и государственно-принудительная её формы реализации непосредственно из неё вытекают⁶⁸.

Таким образом, единая статутная ответственность как правовая категория призвана объединить в себе концепции и позитивной, и негативной юридической ответственности, причем они в данном случае выступают лишь как формы её реализации, а сама она обретает нейтральный окрас. Прослеживается аналогия с философским и социологическим понятием ответственности. Единая ответственность, по мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского – это объективно закрепленная в нормах права целевая установка, ориентир должного поведения субъекта права и критерий его оценки как ответственного или безответственного, позволяющий субъекту, ещё не совершившему юридически значимого деяния, заранее знать о своей ответственности, тем самым, дисциплинируя его и сосредотачивая на выполнении общих законодательных правил. Сообразно его поведению по отношению к этим правилам наступает тот или иной вид ответственности.⁶⁹

Рассматривая единую статутную ответственность как юридическую ответственность в статике, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский динамический

⁶⁶ Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 40-41.

⁶⁷ См.: Там же. С. 40.

⁶⁸ См.: Там же. С. 43.

⁶⁹ Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 43.

аспект этой ответственности представляют в двух формах её реализации – добровольной и государственно принудительной. Для добровольной формы реализации характерны следующие признаки: нормативность; юридическая обязанность соблюдения требований, предусмотренных нормой права; четкость и детализированность; обеспеченность государственным убеждением, принуждением или поощрением; правомерное поведение; применение мер поощрения. Государственно-принудительная форма юридической ответственности объединяет следующие признаки: нормативность; формальная определенность, четкость и детализированность; юридическая обязанность претерпевать неблагоприятные юридические последствия, вытекающие из юридического факта совершения правонарушения; осуждение правонарушителя; претерпевание ограничений материального или личного характера; государственное принуждение; состояние наказанности⁷⁰.

Сопоставление всех указанных признаков позволяет Р.Л. Хачатурову и Д.А. Липинскому дать следующее определение: ***юридическая ответственность как целостное явление – это нормативная, гарантированная и обеспеченная государственным принуждением, убеждением или поощрением юридическая обязанность по соблюдению и исполнению требований норм права, реализующаяся в правомерном поведении субъектов, одобряемом или поощряемом государством, а в случае её нарушения – обязанность правонарушителя претерпеть осуждение, ограничение прав имущественного или личного характера и её реализация***⁷¹.

Понимание юридической ответственности как целостного явления – это не только попытка примирения сторонников и противников выделения позитивной юридической ответственности, а это ещё и пример совершенно иного взгляда на проблему юридической ответственности, на её место в правовой системе. Расширяя пределы юридической ответственности с позиций статутной (статической стороны) ответственности, и двух форм её реализации (динамической стороны), авторы данной концепции включают в поле юридической ответственности,

⁷⁰ См.: Там же. С. 47-48.

⁷¹ См.: Там же. С. 50.

помимо последствий того или иного поведения, ещё и требование к самому этому поведению, образцу того, каким оно должно быть. В этом отношении возникает угроза смешения юридической ответственности и права вообще, где статическая стадия ответственности совпадает с нормами права, предусматривающими то или иное поведение. Но в данном случае, на наш взгляд, смешения не происходит, а делается акцент на образце поведения, и причинно-следственной связи между этим установлением и правовыми последствиями его соблюдения/не соблюдения. Кроме того, в пользу приемлемости такой концепции говорит и требование соблюдения структуры правовой нормы (как логической, так и нормы-предписания), где в единстве выступают правило поведения (или определенные юридически значимые обстоятельства) и последствия его выполнения/не выполнения (или последствия наступления этих обстоятельств)⁷².

Таким образом, появление в современной юридической литературе концепции юридической ответственности как целостного явления, с одной стороны, отчасти смягчает проблему признания за позитивной юридической ответственностью права на полноценное существование, с другой – отражает объективные реалии юридизации общественной жизни. Наконец, в целом, такое понимание юридической ответственности корреспондирует структуре правовой нормы и ставит понятие юридической ответственности в ряд правовых категорий. Кроме того, такой подход также сближает юридическую теорию ответственности с теорией социальной ответственности, и позволяет выполнить философско-методологические требования единства содержания понятий и категорий.

г) юридическая ответственность и безответственность

В качестве четвертого компонента рассматриваемого вопроса необходимо затронуть концепцию юридической ответственности, предлагаемую А.С. Бондаревым. Суть первой концепции излагается в следующих аспектах: «а) так как правонарушение есть внешняя сторона

⁷² О логической норме и норме-предписании см. подробнее: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В. 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. – С. 216.

свершившейся юридической безответственности субъекта права, то нелогично правонарушителя привлекать к юридической ответственности, ибо повторить юридически ответственно совершённый юридически безответственно поступок никому не дано. За юридически безответственно совершённое противоправное, виновное деяние, принесшее вред обществу, личности, возможно только, чтоб впредь неповадно было подобным образом поступать самому правонарушителю и другим, только его юридическое наказание»⁷³. Таким образом, А.С. Бондарев предлагает именовать правонарушение следствием юридической безответственности, юридически безответственным поведением, противоположным правомерному юридически ответственному поведению. Мера же государственного принуждения, выступающую следствием такого поведения, он рекомендует обозначать собирательным понятием «наказание».

Суммировано представления А.С. Бондарева об ответственности и безответственности выражаются в следующем: «Юридическая ответственность может носить только позитивный характер, являясь ценным (позитивным) правовым свойством субъектов права. Она предстаёт перед нами своей внешней стороной как социально активное и привычное правомерное поведение субъектов права. Внутренний (психологический её аспект) представляет собой осознанность (в настоящем либо в прошлом) субъектами социально активного и привычного правомерного поведения, установленного регулятивными нормами права, образцов должного поведения, их положительную эмоционально-чувственную оценку и волевое направление своих деяний в соответствии с данными правовыми образцами. Антиподом юридической ответственности является юридическая безответственность субъектов права, выражающаяся вовне в неправомерном поведении (правонарушениях). Внутренний (психологический) аспект юридической безответственности субъектов права выражается в незнании либо в недостаточном осознании ими ценности правовых требований, установленных обязывающими и запрещающими нормами права, пренебрежении к ним, а то и в прямой отрицательной правовой установке и

⁷³ Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб., 2008. С. 21.

волевым направлении своего поведения в противоправное русло»⁷⁴. Перед нами – оригинальная концепция ответственности в позитивном праве, в любом случае, заслужившая своё место в настоящей работе.

Как видим, не только место юридической ответственности в системе права вызывает определённые дискуссии и многообразие взаимоисключающих точек зрения, но и сама сущность этой ответственности на сегодняшний день не определена, а попытки примирить, воссоединить противостоящие друг другу концепции позитивной и негативной юридической ответственности до сих пор не получили всеобщего признания в юридической науке России. Однако и сами концепции позитивной ответственности и ответственности за правонарушение не отличаются единством, поэтому необходимо рассмотреть наиболее распространённые подходы к этим феноменам.

1.3. Концепции позитивной юридической ответственности

Стоит отметить, что в области юридической ответственности многообразие точек зрения не исчерпывается проблемой её позитивного и негативного аспектов. Если взять отдельно теорию позитивной юридической ответственности и отдельно теорию юридической ответственности за правонарушение, можно увидеть не меньшую пестроту и разброс мнений внутри каждой из них о том, что считать юридической ответственностью. Наиболее подробно эти точки зрения анализируются Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским, поэтому нам представляется для освещения вопроса о концепциях юридической ответственности обратиться к их трудам.

Применительно к позитивной юридической ответственности названные ученые выделяют семь концепций:

1) Позитивная ответственность – осознание долга, чувство ответственности. Сторонники – В.Г. Смирнов, Ф.Н. Фаткуллин. Так, последний отмечает, что «позитивная ответственность – это осознание правовых свойств своих действий (бездействия), соотнесение их с действующими законами и подзаконными актами, готовность отвечать за

⁷⁴ См.: Там же. С. 22-23.

них перед государством и обществом»⁷⁵. Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским отмечается, что данное понимание позитивной юридической ответственности подверглось критике, существо которой сводилось к тому, что в этом понятии нет ничего юридического, а лишь одни нравственные и психологические характеристики⁷⁶. Действительно, область осознания социальных норм, пусть даже и правовых, своих действий, их правового значения, и даже соизмерения этих действий с нормами права, и готовность отвечать за правонарушение, правом не регулируется, да и в принципе регулироваться не может, поскольку она должна объективироваться в юридически значимые действия.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский также не отождествляют позитивную ответственность с чувством долга, но полагают, что данная концепция положила начало исследованию вопросов о субъективных признаках юридической ответственности, к которым они относят: «осознание правовых норм, обязанностей, выработка к ним внутреннего психического отношения, стремление совершать определенные действия, мотивы, цели, эмоции»⁷⁷. По сути, здесь ставится и вопрос об основаниях юридической ответственности, о свободе личности, о её осознанном выборе преступного варианта поведения, и о праве государства на наказание. Ответственность же выступает, прежде всего, явлением объективного права, юридически урегулированным феноменом, хотя никто не говорит о том, что субъективный фактор совершенно не важен.

2) Юридическая ответственность – обязанность дать отчет. Представители – В.А. Тархов, Т.Д. Заржевская и др. Так, В.А. Тархов считает, что юридическая ответственность – это регулируемая правом обязанность дать отчет в своих действиях. «Истребование отчета – основной признак и сущность ответственности, а последует ли за отчетом осуждение и наказание – это уже иной вопрос»⁷⁸. Как указывают Р.Л. Хачатуров и Д.А.

⁷⁵ Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань, 1987. – С. 265.

⁷⁶ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 132.

⁷⁷ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 132.

⁷⁸ См.: Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В.А. Тархов. – Саратов, 1973. – С. 4, 11.

Липинский, «обязанность дать отчет в определенной степени отражает только процессуальный аспект юридической ответственности, и то со значительными оговорками, поскольку обвиняемый, подозреваемый имеют право не давать показаний. Указание учеными на то обстоятельство, что сознательный субъект должен дать отчет прежде всего самому себе, сводит позитивную ответственность к её субъективным признакам»⁷⁹. Последнее утверждение, кроме того, сводит вторую концепцию к первой, что ставит вопрос вообще о целесообразности её выделения. По мнению упоминаемых ученых, положительным в этой теории является указание на категорию юридической обязанности, однако это указание порождает ряд новых вопросов. Стремление ученых устранить недостатки данной концепции привело к тому, что позитивную ответственность стали рассматривать как разновидность юридической обязанности, но при этом не сводимую только к ней⁸⁰. Представляется необходимым согласиться с такой критикой данной концепции.

3) Позитивная юридическая ответственность – обязанность соблюдать предписания, требования правовых норм (обязанность действовать правомерно, требование соблюдать правовые нормы). Один из представителей – Б.Т. Базылев. По его мнению, сущность позитивной юридической ответственности заключается в обязанности соблюдать предписания правовых норм, которая должна реализовываться в реальном правомерном поведении⁸¹. По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, обязанность и ответственность как юридические категории тесно переплетены, но не тождественны друг другу, ответственность выступает более широким понятием⁸². «Понятие позитивной юридической ответственности является более широким, чем одна обязанность, это правоотношение, состоящее из нескольких элементов, а всякое правоотношение имеет, по меньшей мере, двух субъектов, права и

⁷⁹ Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 133.

⁸⁰ См.: Там же. – С. 133.

⁸¹ См. подробнее: Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы) / Б. Т. Базылев; отв. ред. Н.В. Витрук. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – С. 25-26.

⁸² См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 134.

обязанности которых обычно корреспондируют друг другу»⁸³, - отмечает В.Н. Кудрявцев. Н.И. Матузов вообще указал, что «обязанность есть конкретная (нормированная) форма выражения ответственности»⁸⁴. «В норме права сформулирован как разрешенный, так и запрещенный вариант поведения. Позитивная ответственность по своему содержанию нормативна, поскольку вытекает из нормы права, образца ответственного или безответственного поведения»⁸⁵, - заключают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский. Таким образом, уже сама нормативная природа юридической ответственности не позволяет свести её к юридической обязанности, даже если мы рассуждаем о позитивной юридической ответственности. Юридическая ответственность, безусловно, наряду с юридическими обязанностями, содержит и субъективные права. В рамках следующей концепции была произведена попытка откорректировать рассмотренную позицию.

4) Статусная юридическая ответственность. Сторонники данной концепции – Н.И. Матузов, А.С. Мордовец. «Статусная ответственность – это и есть позитивная, активная ответственность, т.е. ответственность за надлежащее выполнение своих обязанностей, морально-правового долга. Она обращена в будущее, и поэтому называется перспективной»⁸⁶, - пишет Н.И. Матузов. «Статусная ответственность потому и называется статусной, что вытекает из общего правового статуса субъекта, в какой-то мере определяет его, и поэтому не может не входить в этот статус»⁸⁷. Действительно, можно согласиться с данной позицией, юридическая ответственность, предполагающая определенную меру человеческого поведения, ограничения или расширения (поощрительные санкции) его прав и свобод, однако стоит отметить, что Н.И. Матузов относит к статусной и

⁸³ Кудрявцев В.Н. Закон, поступок, ответственность / В.Н. Кудрявцев. – М., 1986. – С. 286.

⁸⁴ Конституционный статус личности в СССР / под ред. Н.В. Витрука, В.А. Масленникова, Б.Н. Топорнина. – М., 1980. – С. 65 (автор главы – В.Н. Кудрявцев).

⁸⁵ Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 134.

⁸⁶ Матузов Н.И. Правовая система и личность / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. – С. 214.

⁸⁷ Там же. С. 214.

позитивную, и негативную ответственность⁸⁸, что также, на наш взгляд, выступает верным утверждением.

А.С. Мордовец рассматривает категорию статусной ответственности в её соотношении понятий поощрительной (позитивной) юридической ответственности и правового долга: «Долг – это своего рода объективная обязанность. Однако понятие обязанности, в отличие от долга, имеет более конкретный характер... Позитивная юридическая ответственность предполагает самостоятельное, добросовестное, активное выполнение обязанностей, добровольное следование предписаниям норм права. Правовой долг также подразумевает добровольное следование требованиям закона, принципам права. И в этом плане активная юридическая ответственность как бы сливается с правовым долгом»⁸⁹. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, высказывая по поводу данной точки зрения собственную позицию, отмечают, что «правовой долг» - это более широкое понятие, нежели «юридическая обязанность», он может воплотиться в поведении субъекта только при условии осознания им обязанностей и ответственности, кроме того, правовой долг основывается на высоком правосознании личности, что не позволяет выявить его у всех субъектов правовой ответственности: он не характерен для маргинального и конформистского поведения субъектов⁹⁰. Следует согласиться с Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским: в вопросах позитивной юридической ответственности и так довольно-таки сложно провести грань между правовыми и морально-этическими аспектами, а отождествление позитивной ответственности и правового долга, во-первых, исключит из этой сферы значительный массив юридически значимых действий людей, не вытекающих из чувства правового долга, а во-вторых, приведет к смешению морально-нравственной и юридической сторон проблемы.

5) Позитивная юридическая ответственность – правомерное поведение. Представители – А.Н. Тарбагаев, И.С. Ретюнских. По мнению указанных авторов, суть позитивной юридической ответственности

⁸⁸ См. подробнее: Там же. С. 214-215.

⁸⁹ См.: Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А.С. Мордовец. – Саратов, 1996. – С. 232.

⁹⁰ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 135-136.

заключается не в обязанностях индивидов соблюдать закон, не в правах и обязанностях государства, а в их ответственном поведении, позитивная ответственность есть выполнение должного⁹¹. По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, данная концепция отражает динамический аспект позитивной юридической ответственности, её развитие и воплощение в юридически значимые действия, при этом сама эта ответственность не может возникнуть из вакуума, она должна быть предусмотрена правовой нормой, установлена правовой нормой⁹². В самом деле, сводить позитивную юридическую ответственность исключительно к правомерному поведению людей довольно-таки проблематично, должно быть обязательно правовое основание для такого поведения, ответственность должна быть установлена правовой нормой, что позволяет считать позицию Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского адекватно отражающей специфику обозначенной проблемы.

б) Поощрительная позитивная юридическая ответственность. Данной концепции применительно к уголовному праву придерживается Б.Т. Разгильдиев, который не согласен с отождествлением позитивной юридической ответственности и обязанности субъекта. Так, по поводу уголовной ответственности он пишет: «Позитивная ответственность может быть основана на уголовном праве, если она прямо предусмотрена уголовно-правовой нормой, предоставляющей гражданам право на совершение строго определенных действий, направленных на обеспечение задач по охране общественных отношений от преступных посягательств на них»⁹³. Такого рода ответственность, по мнению данного ученого, правильнее называть поощрительной уголовной ответственностью. Как указывают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, поощрение в праве является одним из ярких проявлений добровольной формы реализации ответственности: оно выступает в качестве её меры; меры в двойном смысле: как определенного рычага, инструмента, побуждающего к социально-активному поведению, и как воздаяния за заслуги и достижения общественно полезного результата, при этом

⁹¹ См.: Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994. – С. 11-12; Ретюнских И.С. Уголовно-правовые отношения и их реализация / И.С. Ретюнских. – Воронеж, 1997. – С. 19.

⁹² См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 136-137.

⁹³ Разгильдиев Б.Т. Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация / Б.Т. Разгильдиев. – Саратов, 1993. – С. 152.

законодательное закрепление мер поощрения отражает одну из разновидностей нормативного закрепления добровольной формы реализации правовой ответственности⁹⁴. Можно вообще отметить, что поощрительные правовые меры как раз и позволяют утверждать о правомерности постановки вопроса о существовании позитивной юридической ответственности: они наполняют данное явление конкретным правовым содержанием, выступают, наряду с льготами и иными правовыми мерами позитивного, стимулирующего характера, объективно существующей формой позитивной юридической ответственности, что, в свою очередь, во многом делает данную концепцию вполне обоснованной и научно состоятельной.

Однако, по мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, всю добровольную юридическую ответственность нельзя сводить только к применению поощрительных мер (хотя, при таком подходе проблематично доказывать вообще её существование – *Е.К.*) или к социально активному правомерному поведению – это лишь отдельные грани, аспекты добровольной формы реализации юридической ответственности⁹⁵. Безусловно, подобная постановка вопроса оправдана, ведь юридическая ответственность в той или иной её форме – явление сложное и социально неоднозначное, и в принципе не сводимое к некоему простому отношению. Основываясь на представлениях о единстве негативного и позитивного в явлении юридической ответственности, сочетающихся в выше рассмотренной категории единой статутной ответственности, а также на самой сложности и многоаспектности данного явления, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский формулируют собственную концепцию позитивной юридической ответственности.

7) Добровольная форма реализации юридической ответственности⁹⁶. Прежде всего ученые указывают, что установление правовой нормы выступает формальным основанием реализации добровольной ответственности. При этом, добровольная юридическая ответственность, по мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, в своем развитии проходит несколько стадий:

⁹⁴ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 137-138.

⁹⁵ См.: Там же. С. 138.

⁹⁶ См. подробнее: Там же. С. 138-141.

- закрепление в правовой норме обязанности по совершению позитивных поступков (статика установления ответственности);
- правомерное поведение, его результат;
- одобрение, применение мер поощрения (динамика ответственности)⁹⁷.

Установление в правовой норме определенных обязанностей, одобрений или поощрений является объективным выражением и закреплением добровольной юридической ответственности субъекта. Внешне реализуется добровольная ответственность в реальном правомерном поведении субъекта, за которым следует либо молчаливое одобрение со стороны государства или применение мер поощрения. В качестве субъективного признака добровольной ответственности, при этом, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский выделяют волю лица, без наличия которой невозможно формирование поведения и внутренней ответственности субъекта. Наконец, указанными учеными формулируется следующее определение искомой категории: «Добровольная форма реализации юридической ответственности – это способ закрепления юридических обязанностей соблюдать требования правовых норм, заключающихся в правомерном поведении субъектов юридической ответственности, одобряемом или поощряемом государством»⁹⁸.

Правовое поощрение как основная форма позитивной юридической ответственности. Немаловажным аргументом в пользу существования позитивной юридической ответственности (или, по терминологии Д.А. Липинского, добровольной формы реализации юридической ответственности) на сегодняшний день следует считать наличие в праве поощрительных норм. Правовое поощрение – это антипод наказания, правового взыскания, это одна из разновидностей юридических стимулов, и именно поощрение выступает полноценным юридическим вместилищем позитивной юридической ответственности. Право уже давно превратилось из «ружья ночного сторожа в жезл дневного регулировщика», игнорировать этой тенденции (тенденции юридизации общественной жизни) мы не можем, необходимо, по крайней мере, описать её проявления, чтобы

⁹⁷ См.: Там же. С. 139-140.

⁹⁸ См.: Там же. С. 140-141.

сформировать у будущих юристов целостное представление о юридической ответственности.

Но у обозначенной проблемы соотношения позитивного и негативного аспектов в юридической ответственности есть и ещё один немаловажный аспект. Речь идет о более широком понятии правовой ответственности, включающем, наряду с юридической ответственностью в собственном смысле слова (предусмотренную нормами позитивного права), обычно-правовую, корпоративно-правовую и религиозно-правовую ответственность. Такая ответственность не может обходиться без позитивного компонента: он задает основу, предполагает именно добровольное принятие норм соответствующего регулятора. Обычное право само исходит от народной жизни, религиозное право опирается на веру – самую сильную эмоцию, корпоративное право человек добровольно принимает, становясь участником той или иной корпорации. Получается, что правовая ответственность предполагает позитивный аспект. Позитивный аспект имеет и юридическая ответственность в собственном смысле слова, граждане государства в большинстве своем не могут не принять позитивного права, исходящего от государственной власти. На страхе не удерживается ни одна власть, если она не имеет сознательных сторонников, она обязательно прекращает свое существование.

Метод правовых поощрений есть тот самый «пряник», который обязательно должен быть у государства, наряду с «кнутом» в виде наказания. Говоря научным языком, «поощрительный метод правового регулирования – это присущая поощрительным нормам совокупность регулятивных способов, приемов и форм воздействия на поведение субъектов права»⁹⁹. Поощрительные нормы Н.А. Гущина определяет как «систему обособленных юридических норм, носящих регулятивный характер, направленных на формирование позитивно-стимулирующих механизмов социально активного правомерного поведения и содержащих предписания о мерах поощрения за его совершение»¹⁰⁰. Эти определения как нельзя лучше показывают направленность правового поощрения, его место и назначение в праве.

⁹⁹ Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика / Н.А. Гущина. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. – С. 45.

¹⁰⁰ Там же. С. 50.

«Правовое поощрение – форма и мера юридического одобрения добровольного заслуженного поведения, в результате чего субъект вознаграждается, для него наступают благоприятные последствия»¹⁰¹, - именно такое определение дает указанному феномену А.В. Малько. В этом определении проявляется родство поощрения и наказания в том, что и то, и другое – это реакция на поведение человека, и то, и другое несет для человека определенные последствия. В итоге, и поощрение, и наказание – две стороны одного правового феномена, задача которого – урегулировать общественную жизнь.

А.В. Малько, Н.А. Гущина, Д.А. Липинский, Р.Л. Хачатуров приводят множество примеров поощрительных норм. Эти нормы содержатся в различных отраслях права, они очевидны, лежат на поверхности, затрагивают и охранительные, и регулятивные отрасли права, присутствуют как в уголовном праве, так и в трудовом праве. Наличие поощрительных норм не дает противникам позитивной юридической ответственности оснований утверждать об её отсутствии в праве. Безусловно, можно изобрести новое понятие, чтобы обозначить им правовые льготы, правовые стимулы, правовые поощрения, но общность этих мер с мерами негативной юридической ответственности (разница – только в знаке – как «плюс» и «минус») дает право объединить их в рамках одного целостного явления – юридической ответственности.

1.4. Концепции юридической ответственности за правонарушение

Итак, мы увидели, что в современной юридической науке можно говорить о семи основных концепциях позитивной юридической ответственности, разумеется, при условии допущения её существования. Но если никто не сомневается в существовании юридической ответственности за правонарушение, то по поводу самого понятия в науке наблюдается ещё большая пестрота мнений. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский насчитывают одиннадцать вариантов концепций юридической ответственности за правонарушение. Именно эти концепции мы сейчас и рассмотрим.

¹⁰¹ Теория государства и права: курс лекций / М.И. Байтин [и др.]; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. - С. 755.

1. Юридическая ответственность – это наказание. Сторонники данной концепции отождествляют юридическую ответственность с наказанием. «Наказание – это и есть юридическая ответственность; сущность ответственности, её неотъемлемый признак состоит в наказании, каре правонарушителя»¹⁰², - отмечает Н.С. Малеин. Однако, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский формулируют возражения в отношении данной концепции. По их мнению, сами термины «наказание», «наказательная» не отражают сути юридической ответственности за правонарушение, поскольку юридическая ответственность и наказание – понятия не тождественные, различаемые, например, в рамках уголовного права. «Наказание характеризует юридическую ответственность, но к ней не сводится. Наказанию предшествует обязанность правонарушителя его претерпеть, факт осуждения, а после отбывания наказания следует состояние наказанности»¹⁰³, - завершают свою характеристику данной концепции Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский. Позиция указанных ученых видится нам вполне обоснованной: термин «ответственность» даже в рамках такой отрасли, как уголовное право, не сводится к термину «наказание», тем более в других правовых отраслях, наряду с ним в ответственность включают осуждение и судимость. Поэтому концепция, отождествляющая данные термины, видится не вполне аргументированной.

2. Юридическая ответственность – реализация санкции. Сторонник данной концепции, Л.С. Явич, указывал, что «в самом простейшем подходе юридическая ответственность – это применение соответствующей санкции нарушенной правовой нормы»¹⁰⁴. *(Стоит, однако, отметить, что в другой своей работе Л.С. Явич трактует юридическую ответственность как особый вид правоотношения охранительного характера, в которых одна из сторон (суд) имеет право наказать, а другая сторона (правонарушитель) обязана претерпеть наказание¹⁰⁵).* Высказываясь по поводу данного подхода, О.Э. Лейст утверждает: «...понятие ответственности по своему

¹⁰² Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость / Н.С. Малеин. – М., 1992. – С. 19.

¹⁰³ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 174.

¹⁰⁴ См.: Явич Л.С. Право и социализм / Л.С. Явич. – М., 1982. – С. 136.

¹⁰⁵ См.: Явич Л.С. Сущность права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. – С. 172.

объему шире понятия «применение санкций», поскольку включает такие проблемы, как квалификация правонарушения, гарантии достижения объективной истины по делу, применение мер пресечения (обеспечения), права лица, обвиняемого в совершении правонарушения, основания освобождения от ответственности, «состояние наказанности» при реализации штрафных, карательных санкций, и др.». Очевидно, что О.Э. Лейст не ограничивает юридическую ответственность только применением санкции нормы, выделяя в этом явлении и другие, не менее важные компоненты.

Как отмечают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, анализируемую концепцию можно ещё назвать нормативной, поскольку её ядром выступает норма права, санкция (как структурный элемент нормы права), а ответственность и её меры выполняют служебную роль. Санкция и ответственность – близкие, тесно связанные понятия, но не всякая санкция есть юридическая ответственность (точнее, не всякая санкция выступает юридической ответственностью за правонарушение – *Е.К.*), и не всегда юридическая ответственность сводится к реализации санкции¹⁰⁶, о чем выше мы уже подробно говорили. В этом последнем аспекте правомерно говорить, что по своей сущности концепция «юридическая ответственность – реализация санкции» есть модификация концепции «юридическая ответственность - наказание»: в санкциях норм, предусматривающих юридическую ответственность, закрепляются различные виды и меры наказания (взыскания), а применение к лицу санкции правовой нормы есть не что иное, как применение наказания (реализация санкции)¹⁰⁷.

Подводя итог рассмотрению двух выше обозначенных концепций отметим, что юридическая ответственность как явление ими не охватывается, не исчерпывается, и, в конечном счете, хотя и связана тесно как с наказанием, так и с реализацией санкции, но по объему шире их и охватывает ряд других необходимых компонентов.

3. Юридическая ответственность – мера государственного принуждения. Представители этой концепции, И.С. Самощенко и М.Х. Фарукшин, понимают под юридической ответственностью государственное

¹⁰⁶ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 175.

¹⁰⁷ См.: Там же. С. 176.

принуждение к исполнению требований права, содержащее осуждение деяния правонарушителя государством и обществом¹⁰⁸. Однако, несмотря на то, что юридическая ответственность тесно связана с государственным принуждением, последнее выступает лишь одним из её признаков, кроме того, не всякое принуждение следует признавать юридической ответственностью. Существует множество различных мер государственного принуждения – меры пресечения, следственные действия, меры обеспечения производства, задержание, иные меры уголовно-правового характера, меры безопасности и т.п., и все они не выступают мерами юридической ответственности. Ввиду этого юридическая ответственность значительно уже понятия «государственное принуждение».

Так, например, Н.В. Витрук под мерой (формой) государственного принуждения предлагает понимать обособленную группу принудительных средств, имеющих определенную (конкретную) цель, юридическое и фактическое основание и специфическую процедуру применения, что обуславливает способ принудительного воздействия и характерные для этой группы мер правовые последствия или их отсутствие¹⁰⁹. При этом он указывает, что в науке выделяются следующие меры (формы) государственного принуждения: 1) меры предупреждения (профилактики, превенции); 2) меры пресечения; 3) меры процессуального обеспечения; меры защиты и восстановительные меры; 5) меры юридической ответственности в виде мер наказания¹¹⁰. Как видим, *юридическая ответственность стоит в ряду других мер государственного принуждения, и, следовательно, её можно рассматривать лишь как одну из мер государственного принуждения, а не как меру государственного принуждения в общем.*

4. Юридическая ответственность – реакция общества на правонарушение. Сторонником данной концепции выступает Р.З. Лившиц, который определяет юридическую ответственность как «реакцию общества

¹⁰⁸ См.: Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М., 1971. – С. 6.

¹⁰⁹ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. – С. 60.

¹¹⁰ См.: Там же. С. 61.

на правонарушение»¹¹¹. По поводу данной концепции Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский указывают, что «даже если принимать во внимание только реакцию, основанную на правовых нормах, то и она может выражаться в возбуждении уголовного дела, в выявлении виновных лиц, в других процессуальных действиях, которые характеризуют процессуальную форму осуществления юридической ответственности, но собственно ответственностью не являются»¹¹². Если же иметь в виду всякую реакцию общества на правонарушение, то при подобном подходе понятие юридической ответственности совершенно размывается. Безусловно, любое правонарушение влечет определенную реакцию со стороны общества, но она не исчерпывается и лишь в части охватывается понятием юридической ответственности.

5. Юридическая ответственность – обязанность претерпевать лишения. Ряд авторов трактуют юридическую ответственность как обязанность лица претерпевать определенные лишения государственно-властного характера, предусмотренные законом за совершенное правонарушение¹¹³. «Обязанность, разумеется, выступает в качестве атрибута правоотношения, а следовательно, и юридическую ответственность можно рассматривать как атрибут правоотношения. Вне правоотношений юридической ответственности не существует»¹¹⁴, - отмечают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский. По их мнению эта юридическая обязанность по своей природе имеет особый характер, позволяющий выделять её из системы других юридических обязанностей. Во-первых, эта обязанность предусмотрена правовой нормой, устанавливающей юридическую ответственность; во-вторых, основанием её реализации выступает факт совершенного правонарушения; в-третьих, реализация обязанности возможна только на основании решения компетентного органа; в-четвертых, это обязанность, носящая ущербный характер, нежелательный для субъекта права, на которого она возлагается; в-пятых, неблагоприятные последствия

¹¹¹ Лившиц Р.З. Теория права: учебник / Р.З. Лившиц. – М.: БЕК, 1994. – С. 147.

¹¹² Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 177.

¹¹³ См. например: Алексеев С.С. Общая теория права. В. 2 т. Т. 1 / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 277, и др.

¹¹⁴ Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 179.

прямо предусмотрены санкцией нарушенной нормы; в-шестых, по своему содержанию неблагоприятные последствия являются мерами юридической ответственности, а не мерами защиты¹¹⁵.

Однако, помимо самой юридической обязанности претерпеть неблагоприятные последствия, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский включают в понятие юридической ответственности и само претерпевание этих последствий, утверждая, что при отсутствии реализации этой обязанности ответственность становится невидимой, условной¹¹⁶. «Юридическая ответственность как обязанность правонарушителя характеризует статику государственно-принудительной формы юридической ответственности»¹¹⁷. И кроме того, по мнению указанных ученых, юридическая ответственность не сводится к обязанности, осуждению, реализации санкции, наказанию, - эти юридические явления служат выражением ответственности, и каждое в отдельности в известной степени характеризует её¹¹⁸. *Представляется возможным согласиться с такой оценкой анализируемой концепции: сама по себе обязанность не выражает в полной мере содержание юридической ответственности, для этого необходима реализация этой обязанности.*

6. Юридическая ответственность – обязанность, принудительно исполняемая. Эта концепция разрабатывалась в цивилистической литературе и во многом связана со спецификой гражданско-правовой ответственности, поскольку некоторые ученые-цивилисты не считают добровольное возмещение ущерба юридической ответственностью. С.Н. Братусь, выступая сторонником данной концепции, пишет: «Юридическая ответственность – это та же обязанность, но принудительно исполняемая, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не исполняет её добровольно»¹¹⁹. Ученый утверждает, что «характеристика ответственности как наказания является односторонней, ведет к распространению на общественные отношения, регулируемые гражданским правом, а также на трудовые, имущественные и личные отношения, регулируемые другими отраслями советского права, тех черт

¹¹⁵ См.: Там же. С. 179.

¹¹⁶ См.: Там же. С. 179-180.

¹¹⁷ Там же. С. 180.

¹¹⁸ См.: Там же. С. 180.

¹¹⁹ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С.Н. Братусь. – М.: Городец-издат, 2001. - С. 6.

ответственности, которые присущи уголовной ответственности», т.е. выступает против излишней «криминализации» юридической ответственности¹²⁰. При этом, впрочем, по мнению С.Н. Братуся, «если исполнение нарушенной обязанности невозможно, у правонарушителя возникает новая обязанность, которая должна быть им исполнена»¹²¹, т.е. не отрицается и карательная, наказательная юридическая ответственность.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский высказывают определенные возражения по поводу данной концепции, первое из которых сводится к тому, что она не добавляет ничего нового к двум предшествующим концепциям, а во-вторых, что не все общепризнанные меры ответственности оказываются охваченными данным определением, и, кроме того, возможность обращения к государству за принудительным исполнением должного составляет сущностную черту права в целом и не является типичным свойством только юридической ответственности¹²². Думается, что концепция С.Н. Братуся представляет собой определенный способ обоснования ответственности в гражданском праве и отграничения её специфики от уголовной и административной ответственности, и уже этим представляет собой важную научную ценность. Кроме того, подчеркивается отличие ответственности от добровольного исполнения обязанности. При этом, С.Н. Братусем допускается и карательный компонент ответственности. Компромиссный характер его концепции позволяет считать её вполне применимой к институту юридической ответственности.

7. Юридическая ответственность – это обязанность дать отчет. Сторонники этой концепции рассматривают в качестве основного признака ответственности обязанность правонарушителя дать отчет за совершенное правонарушение; юридическая ответственность – это регулируемая правом обязанность лица дать отчет в своих действиях, к признакам которой относятся: обязанность дать отчет; инстанция ответственности; оценка действий ответственного субъекта; реакция на действия ответственного

¹²⁰ Там же. С. 6.

¹²¹ Там же. С. 6.

¹²² См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 182.

субъекта¹²³. Ещё одна группа авторов в рамках данной концепции понимает юридическую ответственность как «обязанность правонарушителя ответить за совершенное им правонарушение перед обществом и государством и претерпеть действие тех санкций, которые применяет к нему соответствующий орган государства»¹²⁴.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский солидарны с указанными авторами в том, что необходимым компонентом ответственности является обязанность претерпевать неблагоприятные последствия. Но, по их мнению, употребление терминов «отвечать», «отчитываться», «ответить» неприемлемо для характеристики ответственности, т.к. они непосредственно связаны с предоставлением правонарушителем информации. Обязанности же дать отчет, отчитываться законодательство на правонарушителя не возлагает, более того, в соответствии с уголовно-процессуальным законом, подозреваемому, обвиняемому, подсудимому предоставлена возможность не давать показания¹²⁵. Таким образом, данная концепция, во-первых, охватывает процессуальный аспект юридической ответственности, а не материально-правовой, а во-вторых, не отражает специфики правового регулирования процедуры наложения мер юридической ответственности. Если же подразумевать под обязанностью дать отчет таковую в отношении самого себя (В.А. Тархов), то здесь теряется правовое содержание юридической ответственности, она перетекает в область субъективно-психологических процессов, правом не регулируемых.

8. Юридическая ответственность – правоотношение. И.Н. Сенякин, придерживающийся данной концепции, отмечает, что юридическая ответственность представляет собой возникающее из правонарушения правовое отношение между государством в лице его специальных органов, и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах

¹²³ См. например: Карпушин М.П. Уголовная ответственность и состав преступления / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. – М., 1974. – С. 21.

¹²⁴ См. например: Сыроватская Л.А. Ответственность за нарушение трудового законодательства / Л.А. Сыроватская. – М., 1990. – С. 28.

¹²⁵ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 183.

права¹²⁶. По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, несмотря на методологическую важность и научную ценность данной концепции она оставляет неразрешенными ряд вопросов о природе и содержании данного правоотношения, о его соотношении с другими правоотношениями, об элементах состава данного правоотношения и их содержании, и др.¹²⁷. Однако, они делают вывод, что ответственность за правонарушение – атрибут правоотношения, который включает в себя: обязанность правонарушителя; обязанность компетентного органа применить к правонарушителю предусмотренные санкцией правовой нормы меры юридической ответственности; реальное претерпевание неблагоприятных последствий¹²⁸. *Вообще, по поводу данной концепции стоит отметить, что есть все основания рассматривать юридическую ответственность как правоотношение, делая оговорку, что его порождает юридический факт правонарушения, что параллельно с ним развивается соответствующее процессуальное правоотношение, а итоговым актом эти правоотношения завершаются, и возникает исполнительное правоотношение. Самой же юридической ответственности, безусловно, соответствует материально-правовое отношение между государством и правонарушителем, со специфическим правовым содержанием.*

9. Юридическая ответственность – оценка (осуждение). Ряд ученых, в частности, Ю.А. Демидов, Н.А. Огурцов и др., понимают под юридической ответственностью оценку деятельности правонарушителя, которая выражается в приговоре суда или иного компетентного органа¹²⁹. Не вдаваясь в пространные рассуждения можно отметить, что хотя юридическая ответственность и включает в себя эту оценку, осуждение, но ей не ограничивается, а предполагает и реальное претерпевание мер государственного принуждения, и состояние наказанности.

¹²⁶ См.: Теория государства и права: Курс лекций / М.И. Байтин [и др.]; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – С. 599 (автор главы – И.Н. Сенякин).

¹²⁷ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 185.

¹²⁸ См.: Там же. С. 186.

¹²⁹ См. например: Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М., 1975. – С. 163.

10. Субъективная юридическая ответственность. Автором данной концепции выступает В.А. Кучинский. Анализ его концепции, проведенный Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским, позволяет утверждать, что она сводится к концепции «юридическая ответственность есть обязанность»¹³⁰. Субъективный характер ответственности здесь обозначает лишь то, что она, будучи закрепленной в конкретной норме объективного права, конкретизируется по отношению к конкретному субъекту правонарушения.

11. Государственно-принудительная форма реализации юридической ответственности. Подводя итог анализу концепций юридической ответственности за правонарушение, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский предлагают и свое собственное видение данной проблемы. Но перед этим они выдвигают список признаков, которые должны найти свое отражение в определении юридической ответственности за правонарушение: юридическая обязанность, которая состоит в обязанности претерпевания мер государственного принуждения, сопряжена с государственным осуждением правонарушителя, а также имеет своим последствием неблагоприятные для правонарушителя ограничения имущественного или личного неимущественного характера¹³¹. Как мы в дальнейшем убедимся, это несколько не полный перечень признаков негативной юридической ответственности.

По мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, государственно-принудительная форма реализации юридической ответственности характеризуется следующими признаками: юридической обязанностью претерпеть неблагоприятные последствия, вытекающие из факта совершения правонарушения; осуждением правонарушителя; претерпеванием различных ограничений; состоянием наказанности. На основании указанных признаков учеными дается следующее определение данного понятия: **это способ закрепления юридических обязанностей правонарушителя претерпеть осуждение и ограничения имущественного или личного неимущественного характера и их реализации**¹³². Можно давать разные оценки полноте и научно-методологической точности данной концепции, мы

¹³⁰ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – С. 188.

¹³¹ См.: Там же. С. 188.

¹³² См.: Там же. С. 197.

в рамках следующего вопроса рассмотрим несколько подходов к определению юридической ответственности за правонарушение, и выявим необходимые признаки этого юридического явления.

1.5. Рабочее определение и признаки юридической ответственности за правонарушение

Одиннадцать подходов к определению юридической ответственности за правонарушение не позволяют сделать вывод о существовании единого представления об этом феномене. Между тем, в сугубо прикладных целях требуется абстрагирование от обозначенного многообразия, чтобы сформулировать какое-либо рабочее определение юридической ответственности за правонарушение, которое бы позволило в дальнейшем работать с основополагающими характеристиками этого феномена. Инструменталистский подход к правовым явлениям, о взаимосвязи которого с феноменом юридической ответственности мы позднее скажем несколько подробнее, требует, прежде всего, чтобы тот или иной инструмент правового воздействия был работоспособен, следовательно, определяя юридическую ответственность с этих позиций, мы в первую очередь должны опираться на то, как она реализуется, воплощается в общественных явлениях и процессах.

В литературе по общей теории права имеются модели, конструкции, содержащие определение и признаки юридической ответственности (преимущественно, с позиций монистического подхода). Рассмотрение этих моделей, на наш взгляд, позволит сформулировать более-менее приемлемое инструментальное рабочее определение феномена негативной юридической ответственности (юридической ответственности за правонарушение). Именно поэтому в качестве образцов были взяты варианты, предлагаемые в учебной литературе, как, по большому счету, общепринятые в юридической науке.

Автором первой из них выступает С.С. Алексеев (его подхода мы уже частично касались), который определяет юридическую ответственность как «обязанность лица претерпевать меры государственно-принудительного воздействия (санкции) за совершенное правонарушение». В качестве признаков юридической ответственности как правового явления С.С. Алексеев называет следующие положения:

1) По своему содержанию юридическая ответственность – это применение к лицу мер государственно-принудительного воздействия – санкций преимущественно штрафного характера;

2) По своему непосредственному выражению юридическая ответственность – это претерпевание, которое состоит в том, что для правонарушителя наступают известные штрафные отрицательные последствия – лишения личного, имущественного или организационного характера, - последствия, которые он должен принимать, соотносить с ними свое поведение;

3) По своему основанию юридическая ответственность – это реакция, ответная мера за совершенное правонарушение, т.е. за виновное противоправное действие, приносящее вред обществу¹³³.

К положительным сторонам данного подхода выступает его четкость и краткость, а также определение содержания, сути юридической ответственности. Однако, существует ряд вопросов, связанных с её определением, которые не разрешены С.С. Алексеевым.

Несколько иную модель демонстрирует О.Э. Лейст, по представлению которого «юридической ответственностью называется применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в установленном для этого процессуальном порядке»¹³⁴. Данное определение позволяет выделить ряд признаков юридической ответственности:

1) юридическая ответственность рассматривается в качестве результата правонарушения;

2) она представляет собой государственное принуждение и содержит итоговую правовую оценку деяния со стороны государства, государственное порицание правонарушителя;

3) юридическая ответственность влечет за собой наступление неблагоприятных последствий для правонарушителя, предусмотренных санкцией правовой нормы;

¹³³ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3. Проблемы теории права: курс лекций / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. - С. 366-368

¹³⁴ Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Том 3. / В.В. Борисов [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2002. - С. 468.

4) юридическая ответственность всегда реализуется в установленной законом процессуальной форме.

Наконец, в качестве третьей, завершающей модели приведем точку зрения И.Н. Сенякина, который указывает, что юридическая ответственность представляет собой возникшее из правонарушений правовое отношение между государством в лице его специальных органов и правонарушителем, на которого возлагается обязанность претерпевать соответствующие лишения и неблагоприятные последствия за совершенное правонарушение, за нарушение требований, которые содержатся в нормах права, и предлагает следующий перечень основных признаков юридической ответственности:

1) Она опирается на государственное принуждение, на особый аппарат; это конкретная форма реализации санкций, предусмотренных нормами права;

2) Наступает за совершенное правонарушение и связана с общественным осуждением;

3) Выражается в определенных отрицательных последствиях для правонарушителя типа личного, имущественного, организационно-физического характера;

4) Воплощается в процессуальной форме¹³⁵.

Думается, что данный перечень признаков юридической ответственности можно дополнить указанием на компетентный орган, который накладывает юридическую ответственность на конкретного лица, возможно также и указание на деликтоспособность лица, в отношении которого применяются меры юридической ответственности.

В связи с рассматриваемой проблемой нельзя не упомянуть о подходе И.А. Кузьмина, который выделяет юридическую ответственность в объективном смысле и юридическую ответственность в субъективном смысле (как явления, соответственно, объективного и субъективного права), и предлагает для каждой своё определение: «Юридическая ответственность в объективном смысле – это закрепленные в санкциях правовых норм меры государственного принуждения в виде лишения личного, имущественного или организационного характера, которые могут быть применены к лицу за

¹³⁵ См.: Теория государства и права: курс лекций / М.И. Байтин [и др.]; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2003. – С. 598-599 (автор главы – И.Н. Сенякин).

совершение противоправного деяния. Юридическая ответственность в субъективном смысле – субъективная обязанность лица претерпеть меры государственного принуждения в виде лишений личного, имущественного или организационного характера за совершенное противоправное деяние»¹³⁶. В целом, признавая обоснованность такого разделения с точки зрения различения нормативного и индивидуального правового регулирования, хотелось бы отметить, что юридическая ответственность выступает единым явлением, в котором нормативные и индивидуальные элементы неразрывно взаимосвязаны, и понимание юридической ответственности в целом не может быть оторвано от ответственности в частности как ответственности конкретного лица. Обязанность как таковая существует уже на уровне норм права, а меры государственного принуждения воздействуют на лицо в процессе реализации конкретных правоотношений. Поэтому думается, что определение юридической ответственности за правонарушение должно быть единым и универсальным как для объективного, так и для субъективного права¹³⁷.

Синтезируя все сказанное по поводу понятия и признаков юридической ответственности за правонарушение, ***данное понятие необходимо определить как в специально предусмотренных законом целях нормативно закреплённую обязанность деликтоспособного лица претерпеть действие мер государственного принуждения, которое выражается в неблагоприятных последствиях личного, материального или организационного характера, предусмотренных санкцией правовой нормы за совершенное им правонарушение, и налагаемых компетентным государственным органом либо должностным лицом в установленной законом процессуальной форме, а также реальное претерпевание данной обязанности (за исключением особо предусмотренных законом случаев), влекущее за собой протяжённое во времени состояние наказанности.*** В рамках этого определения, на наш взгляд, учтена большая часть замечаний

¹³⁶ Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и её реализация: учеб. пособие / И.А. Кузьмин. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 24.

¹³⁷ На этой проблеме, равно как и на вопросе о системных характеристиках юридической ответственности, мы более подробно остановимся в завершающем параграфе данной главы.

ученых по поводу сущности, содержания и природы юридической ответственности за правонарушение.

К признакам юридической ответственности за правонарушение, исходя из обозначенного её рабочего определения, следует отнести следующие:

1) это нормативно закреплённая обязанность претерпеть действие мер государственного принуждения;

2) меры государственного принуждения выражаются в неблагоприятных последствиях личного, материального или организационного характера;

3) указанные последствия должны быть в обязательном порядке предусмотрены санкцией правовой нормы, произвольное их применение не допускается;

4) указанная обязанность налагается исключительно на деликтоспособное лицо, при условии также, что оно и в момент совершения правонарушения было деликтоспособным;

5) эта обязанность налагается специально уполномоченным или в силу правового статуса правомочным государственным органом или должностным лицом;

6) эта обязанность налагается в четко регламентированной законом процессуальной форме;

7) эта обязанность налагается исключительно за совершение правонарушения при условии наличия в действиях лица всех признаков состава этого правонарушения;

8) юридическая ответственность предполагает также реальное исполнение характеризуемой выше приведенными признаками обязанности, за исключением специально прописанных в законодательстве оснований освобождения от реального претерпевания мер ответственности;

9) в свою очередь, реальное претерпевание мер юридической ответственности влечет протяжённое во времени состояние наказанности¹³⁸;

¹³⁸ Стоит отметить, что по поводу состояния наказанности в юридической литературе нет единого мнения. Так, уже упоминавшийся нами В.Д. Филимонов не включает судимость в состав уголовной ответственности. См. подробнее: Филимонов В.Д. Уголовная

10) для юридической ответственности характерно также наличие закрепленных законодательством целей, для достижения которых на лицо налагается и приводится в исполнение характеризующая выше приведенными признаками обязанность.

Данный перечень признаков юридической ответственности, как и основанное на них определение, можно упрекнуть в излишней подробности. На наш взгляд, такое детальное перечисление существенных черт исследуемого явления дает четкий инструментарий для последовательного отграничения его от смежных феноменов. Рассматривая последующие вопросы мы проследим действие указанных признаков на решение конкретных задач, связанных с пониманием юридической ответственности. Следует также отметить, что мы попытались учесть в таком определении и конструкции признаков юридической ответственности именно инструментальную её сторону – понимание искомого феномена как прежде всего средства юридического воздействия на социальные явления и процессы. В дальнейшем, при рассмотрении более общих вопросов, касающихся места юридической ответственности в компонентах правовой сферы общественной жизни, данное определение будет подвергнуто некоторому уточнению с точки зрения как социально-правовой, так и собственно инструменталистской природы юридической ответственности за правонарушение.

Впрочем, в дидактических целях можно сформулировать и более простое определение искомого феномена: ***юридическая ответственность – это мера государственного принуждения, применяемая к совершившему правонарушение лицу, и выражающаяся в лишениях или ограничениях материального, личного или организационного характера.*** Это определение, не включая в себя всех признаков юридической ответственности, передает суть этого явления по отношению к конкретному субъекту права со стороны государства. В любом случае, задача рабочего определения искомого понятия – это не дать окончательный ответ на вопрос о сути исследуемого феномена, а выступить своеобразным мостом, связующим внешнюю, объективную сторону с глубинными социальными и

правовыми процессами, определяющими внутреннее строение ответственности.

К вопросу о моменте начала и окончания юридической ответственности за правонарушение. Сущность юридической ответственности за правонарушение требует особого отношения к проблеме её временных рамок. Наиболее проблемным выступает вопрос о моменте её начала. Всякое явление, как известно, имеет определенную протяженность во времени. Это касается и юридической ответственности. Поэтому выяснение того, с какого момента начинается юридическая ответственность, позволит нам ограничить это явление во времени, и таким образом определить, в конечном счете, что же оно собой представляет, отграничить от других смежных явлений.

На сегодняшний день в теории права и отраслевых юридических науках имеется несколько подходов к моменту начала юридической ответственности. Сгруппировать их можно в три основные позиции: 1) моментом начала выступает совершение правонарушения как юридический факт, порождающий отношения юридической ответственности; 2) момент начала связывается с каким-либо промежуточным процессуальным решением от предъявления обвинения до утверждения обвинительного заключения; 3) с момента провозглашения/вступления в юридическую силу итогового решения компетентного органа. Вот какую аргументацию первой точке зрения предлагают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский.

«В случае нарушения правовой нормы, несоблюдения и неисполнения её предписаний, возникает государственно-принудительная юридическая ответственность. Мы связываем момент возникновения государственно-принудительной ответственности с моментом совершения правонарушения. Однако, не все ученые согласны с нами. Некоторые связывают возникновение и реализацию ответственности со вступившим в законную силу приговором суда, полагая, что иной подход нарушает Конституцию РФ и УПК РФ. Отметим: вступление в законную силу приговора суда является всего лишь основанием для применения наказания. А наказание и ответственность – не тождественные понятия.

Другая группа авторов связывает момент возникновения и реализации уголовной ответственности с применением норм уголовного процесса,

«поскольку необходимо выполнение определенных уголовно-процессуальных действий»; однако и в рамках данной концепции существует несколько направлений. Так, одни исследователи считают, что уголовная ответственность возникает с момента применения мер процессуального пресечения, вторые связывают её с задержанием подозреваемого, третьи – с предъявлением обвинения, четвертые – с вынесением обвинительного приговора.

Именно с момента совершения правонарушения на правонарушителя возлагается обязанность подвергнуться неблагоприятным последствиям, которые предусмотрены санкцией нарушенной нормы, и понести неблагоприятные последствия. Наша позиция не противоречит Конституции РФ, т.к. в ней подчеркивается, что виновность должна быть установлена. И ни слова не говорится о том, что лицо не является невиновным с момента совершения преступления. В ней указывается, что лицо считается невиновным. Полагаем, что «не является» и «не считается» - разноплановые понятия. Основной закон и УПК РФ лишь подчеркивают обязанность доказывания вины в установленном порядке»¹³⁹. Чтобы выяснить, насколько обоснованы таковые аргументы, обратимся к тексту названных учеными актов.

Ст. 14 УПК РФ «Презумпция невиновности» содержит ряд важных для разрешения настоящего вопроса положений. «Обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном настоящим Кодексом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Подозреваемый или обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном настоящим Кодексом, толкуются в пользу обвиняемого». Ст. 5 УК РФ «Принцип вины» также устанавливает, что «Лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых

¹³⁹ См. подробнее: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. С. 501-508.

установлена его вина. Объективное вменение, то есть уголовная ответственность за невиновное причинение вреда, не допускается». Аналогичные положения содержит ст. 49 Конституции РФ. *Из этих установлений следует вывод: ответственности подлежит только виновное лицо. Виновность лица устанавливается судом, в противном случае оно считается невиновным. Окончательным актом суда, устанавливающим виновность лица, является обвинительный приговор. Следовательно, только с момента его вынесения лицо подлежит уголовной ответственности.*

Стоит сказать, что далее Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, несмотря на категоричность их позиции относительно начала юридической ответственности с момента совершения правонарушения, указывают следующее: «...ответственность так и останется «невидимой», выводимой лишь теоретически, если не произойдет её внешней реализации. Осуждение, несение неблагоприятных последствий (в том числе и состояние наказанности) характеризуют динамику юридической ответственности, хотя по своей сути осуждение уже есть несение неблагоприятных последствий, поскольку оно воздействует на психику правонарушителя. Правонарушитель подвергается осуждению, порицанию от имени государства. Получается, осуждение выступает как начальный этап реализации карательной функции юридической ответственности»¹⁴⁰. *(Разумеется, что осуждение здесь нужно рассматривать в широком смысле как любой акт государственного порицания за совершение любого правонарушения, а не только обвинительный приговор преступнику).* Как видим, ученые также признают, что реальное течение, несение юридической ответственности начинается с момента осуждения правонарушителя, а все остальное лишь «выводится из теоретических измышлений», не имея под собой ни нормативной, ни реальной практической почвы.

Аналогичным образом рассуждает и профессор МГУ Юрий Матвеевич Ткачевский, который также является сторонником начала юридической ответственности с момента вынесения итогового решения по делу (он ведет речь, соответственно, об уголовной ответственности, связывая её начало с моментом вступления в силу обвинительного приговора суда). Он указывает, что «что осуществление уголовно-процессуальных действий, вплоть до

¹⁴⁰ См.: Там же.

вынесения обвинительного приговора (а точнее - до момента его вступления в законную силу) к уголовной ответственности отношения не имеет. Эти действия направлены на объективное установление обстоятельств совершения преступления. С момента совершения преступления возникает основание для уголовной ответственности, но таковая наступает только при установлении виновности лица». А виновность суда устанавливается судом. «Но даже если правонарушитель и будет признан судом виновным в совершении преступления, закон предусматривает возможность освобождения его от уголовной ответственности (см. ст. 75-78 УК РФ). Если согласиться с тем, что уголовная ответственность начинается с момента совершения преступления или возбуждения уголовного дела или привлечения к уголовной ответственности, то в подобных случаях до принятия судом данного решения лицо уже частично понесет уголовную ответственность. Поэтому в подобных ситуациях будет иметь место не освобождение от уголовной ответственности а освобождение от ее продолжения». «Возбуждение уголовного дела, привлечение лица в качестве обвиняемого предполагают осуществление процессуальных действий с предварительной оценкой содеянного и лица, которое привлекается к уголовной ответственности. Окончательно же вопрос об уголовной ответственности определяет приговор, вступивший в законную силу»¹⁴¹. Думается, что эти рассуждения ученого имеют отношение и к юридической ответственности вообще.

Можно сколько угодно рассуждать о теоретическом установлении юридической ответственности до момента вынесения итогового решения по делу. Но, основываясь на положениях норм международного права, Конституции РФ, и законодательстве, окончательный вывод о том, что именно данное лицо совершило это правонарушение и подлежит ответственности за это, а также обо всех обстоятельствах его совершения, и о принимаемых в силу этого мерах, делается в итоговом решении суда. До момента вынесения этого решения мы не можем говорить, что данное лицо совершило правонарушение – мы этого просто

¹⁴¹ См. подробнее например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2014. С. 154-163 (автор главы «Уголовная ответственность» - Ю.М. Ткачевский).

не знаем. Это устанавливает только суд (или иной компетентный орган). И именно с момента установления этого можно привлекать лицо к ответственности. Те же процессуальные меры принуждения (равно как и иные процессуальные действия) направлены на выяснение обстоятельств дела, обеспечение производства по делу и т.п., и мерами ответственности не являются. Юридическая ответственность, таким образом, начинается с момента вынесения итогового решения по делу, в котором содержится осуждение (в широком смысле) правонарушителя, а также меры, которые к нему применяются. Философская же конструкция «вещь в себе», которую использует Н.В. Витрук применительно к юридической ответственности с момента совершения правонарушения до момента его выявления¹⁴², вряд ли применима к данному юридическому средству, серьёзно ограничивающему права и свободы человека и гражданина, конкретность и определенность правовых последствий своих действий – вот главные требования к юридической ответственности за правонарушение¹⁴³.

Вопрос о моменте окончания юридической ответственности не столь дискуссионен, нежели момент её начала. Преобладающей выступает точка зрения, согласно которой юридическая ответственность прекращается в момент, когда прекращаются для лица все юридические последствия совершенного им деяния. К таковым последствиям, наряду с непосредственно наказанием, необходимо отнести и судимость, или, в общем смысле, «состояние наказанности», поскольку оно выступает в качестве системы ограничений прав и свобод человека, связанных с

¹⁴² См. подробнее: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. С. 302-310.

¹⁴³ Тесные рамки работы не позволяют нам более подробно остановиться на данном вопросе, имеющим принципиальное значение как для общей теории юридической ответственности, так и для отраслевых теорий ответственности. Скажем так, с одной стороны – двуединая социально-правовая природа юридической ответственности в виде сужения сферы реализации прав и свобод человека, с другой – основания ответственности, каковыми выступает не только правонарушение, но также и норма права, и акт применения права, в котором обосновывается оценка деяния как правонарушения и определяется конкретные вид и мера ответственности конкретному лицу за им совершенное правонарушение, - в единстве выступают главным аргументом в пользу того момента начала юридической ответственности, который можно именовать «вынесение итогового решения по юридическому делу».

совершением им правонарушения¹⁴⁴. Следует отметить, что речь идет только о прямых последствиях совершенного лицом правонарушения, которые вызваны к жизни непосредственно установлением данного юридического факта, а также факта совершения его именно этим лицом. Думается, что от таковых необходимо отличать косвенные юридические последствия, в частности, предусмотренные на сегодняшний день ТрК РФ ограничения для лиц, имеющих или имевших судимость за определенные категории преступлений, по занятию должностей в сфере образования. Думается, что это уже последствия осуждения лица, вынесения ему обвинительного приговора, и речь идет о его деловых качествах, о его способности работать в соответствующей сфере. Однако, этот вопрос представляется весьма спорным, сегодняшнее его правовое регулирование вступает в противоречие со многими принципами права, и идет в ряду «точечных реакций» законодателя на серьезные социальные проблемы, не способного системно увидеть картину социальных противоречий и соразмерно на них отреагировать.

Итак, временные рамки юридической ответственности определяются с одной стороны, с начала – моментом вынесения итогового решения по юридическому делу, а заканчивается ответственность истечением особого «состояния наказанности», выступающего последним непосредственным последствием совершения лицом правонарушения.

Проблема стадий юридической ответственности. Стадии юридической ответственности подробно рассматриваются Н.В. Витруком. Допуская, в целом, право на существование выделяемой им системы стадий юридической ответственности отметим, что нам, исходя из большей обоснованности другого момента начала юридической ответственности видится несколько иная их картина. Отсюда следует и методологическая предпосылка, согласно которой количество и конкретное содержание стадий юридической ответственности обуславливается точкой отсчета самой юридической ответственности.

Стадии юридической ответственности как явления субъективного права, по мнению Н.В. Витрука, - это этапы (периоды) в динамике бытия

¹⁴⁴ Интересно, что В.Д. Филимонов не относит судимость к элементам уголовной ответственности. См. подробнее: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. – М.: ЮрИнфоР, 2008. С. 108-111.

юридической ответственности от возникновения на основе правонарушения и до ее прекращения в результате реализации правонарушителем назначенной ему меры юридической ответственности.

Первая стадия юридической ответственности начинается с момента ее возникновения, т.е. совершения правонарушения, и является «вещью в себе» до обнаружения правонарушения компетентными органами государства и должностными лицами.

Вторая стадия включает распредмечивание юридической ответственности в процессе властной деятельности компетентных органов и должностных лиц в целях достоверного установления правонарушителя и состава совершенного им правонарушения, объективное и справедливое определение соответственного вида и меры юридической ответственности.

Третья стадия юридической ответственности по своему содержанию представляет реализацию правонарушителем определенной ему меры юридической ответственности в контексте содействующей этому деятельности компетентных органов и должностных лиц.

Переход от одной стадии юридической ответственности к другой сопровождается изменением, конкретизацией правового статуса правонарушителя (равно как и право потерпевшего, компетентных юрисдикционных органов и должностных лиц). Так, определение на основе закона меры юридической ответственности означает установление специального правового статуса субъекта, который несет юридическую ответственность. Статус состоит из обязанностей и прав, представляющих известную конкретизацию и дополнение их общих прав и обязанностей, по существу являющихся известным их ограничением.

Стадия осуществления меры юридической ответственности характеризуется реализацией специального правового статуса правонарушителя, определяемого исходя из содержания видов и меры юридической ответственности. Соблюдение ограничений прав и свобод, законных интересов правонарушителем есть его юридическая обязанность.

Степень ограничения общего правового статуса может быть различной, она зависит от характера и вида правонарушения, соответствующего вида и меры юридической ответственности¹⁴⁵.

Такая картина стадий юридической ответственности возможна, если считать моментом её начала совершение правонарушения. Но, как мы уже неоднократно говорили ранее, так считать никак не можно. Если же моментом возникновения юридической ответственности признать момент вступления в законную силу итогового решения суда по конкретному делу, то формируется совершенно другая картина стадий юридической ответственности. Таковых предполагается также три, но содержание они будут иметь совершенно иное.

Первая стадия – возникновение юридической ответственности. Она протекает с момента вынесения итогового решения по делу, когда уже известна оценка деяния компетентным органом, и назначенные меры воздействия, до момента вступления этого решения в силу, когда утрачивается возможность его обжалования в обычном, ординарном порядке.

Вторая стадия – реализация мер юридической ответственности. Для карательных видов – это отбывание наказания. Она начинается, соответственно, с момента вступления итогового решения в силу, и завершается моментом его полного исполнения. Полное исполнение мер ответственности предполагает окончание их воздействия на правонарушителя.

Третья стадия юридической ответственности в этой системе характерна для карательной юридической ответственности. Это – состояние наказанности, возникающее с момента отбытия мер юридической ответственности, и завершающееся его снятием или погашением. И, таким образом, весь процесс существования правоотношения юридической ответственности протекает с момента вступления в силу итогового решения компетентного органа до момента завершения состояния наказанности правонарушителя.

¹⁴⁵ См. подробнее: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009.

Учет стадий юридической ответственности имеет большое научно-познавательное и практическое значение для законодателя, судов и других правоприменителей. Такой подход позволяет сделать вывод о том, что юридическая ответственность не проявляется и не действует автоматически при совершении правонарушений. Юридическая ответственность - развивающееся, динамичное правовое явление, познание которого происходит в процессе активной властной познавательной-оценочной деятельности компетентных государственных органов и должностных лиц, получившей название правоохранительной (позитивно-правоприменительной, юрисдикционной) деятельности, которая имеет свои особенности в соответствии с конкретными стадиями проявления юридической ответственности.

Соотношение юридической ответственности за правонарушение с иными мерами государственного принуждения. Вопрос о соотношении негативной ответственности с иными видами государственного принуждения, особенно со сходными с нею по фактическому содержанию, был и остаётся одним из наиболее обсуждаемых вопросов по теории юридической ответственности. Прежде всего, он прямо продолжает тематику момента начала и окончания юридической ответственности, но кроме этого имеет значение для более глубоких проблем, в частности, для более чёткого определения природы как самой негативной юридической ответственности, так и иных мер государственного принуждения.

Н.В. Витрук посвящает соотношению юридической ответственности и иных правовых форм государственного принуждения в контексте правоохранительной деятельности целую главу своего исследования общей теории юридической ответственности. По его мнению, «мерой (формой) государственного принуждения является обособленная группа принудительных средств, имеющих определенную (конкретную) цель, юридическое и фактическое основание и специфическую процедуру применения, что обуславливает способ принудительного воздействия и характерные для этой группы мер правовые последствия либо их отсутствие»¹⁴⁶. На основе этого критерия выделяются следующие меры

¹⁴⁶ Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. С. 60.

(формы) государственного принуждения: 1) меры предупреждения (профилактики, превенции); 2) меры пресечения; 3) меры процессуального обеспечения; 4) меры защиты и восстановительные меры; 5) меры юридической ответственности в виде мер наказания¹⁴⁷. Как видим, довольно многообразны по содержанию как система критериев классификации мер государственного принуждения, соотносимых с юридической ответственностью, так и сами виды этих мер. Не вдаваясь в дискуссию по поводу указанных мер и критериев, отметим некоторые соображения, которые при первом приближении обращают на себя внимание.

Представляется необходимым выделить несколько основных критериев, при помощи которых можно производить отграничение юридической ответственности от иных мер государственного принуждения. Прежде всего, это фактическое основание, каковым для ответственности выступает точно установленный юридический факт правонарушения. Для иных мер государственного принуждения – мер защиты, мер безопасности, мер пресечения и т.п. существует собственный перечень оснований, среди которых нет точно установленного факта правонарушения, поскольку таковой устанавливается компетентным органом только в итоговом решении дела по существу. Из этого критерия вытекает временной критерий: юридическая ответственность наступает для лица только после вынесения итогового решения по существу дела, иные меры принуждения применяются до вынесения такого решения, или вообще вне связи с таким решением. Наконец, ещё одним критерием необходимо считать цель мер принуждения, ввиду того, что юридическая ответственность имеет свои цели применения (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, кара, предупреждение совершения новых правонарушений), а для всех иных мер принуждения предусмотрены свои собственные цели (не допустить противодействия расследованию, пресечь преступную деятельность, лишить возможности скрыться и т.п.).

Необходимо отметить, что ключевым критерием разграничения между юридической ответственностью и иными мерами государственного принуждения из названных трех выступает юридический факт

¹⁴⁷ См.: Там же. С. 61.

правонарушения в купе с его точным установлением в итоговом решении компетентного органа по существу дела. Именно это обстоятельство позволяет провести чёткую грань между похожими по содержанию, но разными по целям и юридической природе мерами государственного принуждения. Нет точно установленного факта правонарушения – нет и ответственности за него. Связано это с тем, что правонарушение в сумме всех признаков его состава, наличествующих в действиях субъекта, выступает одним из оснований юридической ответственности.

1.6. Юридическая ответственность в правовой системе общества

В завершение исследования социально-правовых характеристик феномена юридической ответственности необходимо рассмотреть вопрос о том, какое место занимает эта ответственность в правовой системе общества и какими свойствами характеризуется будучи социально-правовым явлением. Важность указанного вопроса состоит в том, что научно обоснованный ответ на него позволит дать оценку концепции юридической ответственности как целостного явления, выстроить соотношение позитивной и негативной ответственности в праве, а также определить регулятивную роль юридической ответственности за правонарушение, и в максимально возможной мере уточнить её понятие. Только определившись с местом юридической ответственности в правовой системе, мы сможем перейти к решению последующих вопросов теории юридической ответственности. Таким образом, к задачам, стоящим перед настоящим параграфом работы следует отнести выяснение взаимосвязи юридической ответственности как явления с явлением правовой системы общества, определение системных характеристик собственно юридической ответственности с внутренней и внешней её стороны.

В общей теории права на сегодняшний день сложилось несколько подходов к определению правовой системы общества. Н.И. Матузов под правовой системой предлагает понимать «совокупность внутренне согласованных, взаимосвязанных, социально однородных юридических средств (явлений), с помощью которых публичная власть оказывает регулятивно-организующее и стабилизирующее воздействие на общественные отношения, поведение людей и их объединения (закрепление,

регулирование, дозволение, обязывание, запрещение, убеждение и принуждение, стимулирование и ограничение, превенция, санкции, ответственность и т.д.); это комплексная интегрирующая категория, отражающая всю правовую организацию общества, целостную правовую действительность»¹⁴⁸. В.Н. Синюков, рассуждая преимущественно об особенностях российской правовой системы, указывает, однако, что «правовая система может рассматриваться как общее явление правовых цивилизаций, как такая сущность, которая служит институциональным «вместилищем» основных компонентов правового воздействия на поведение человека, где бы он ни жил», обозначая, таким образом, предметное поле правовой системы средствами правового воздействия»¹⁴⁹. С другой стороны, ученый выдвигает и другой подход к исследованию искомого понятия, в рамках которого выявляются культурно-исторические и этнотипологические признаки правовой системы, которые позволяют представить её как отдельный, особенный, специфический феномен правового мира¹⁵⁰.

В.Д. Перевалов определяет правовую систему как «целостный комплекс правовых явлений, обусловленный объективными закономерностями развития общества, осознанный и постоянно воспроизводимый людьми и их организациями (государством) и используемый ими для достижения своих целей»¹⁵¹. «Это понятие, - отмечает ученый, - выражает очень важную идею, а именно: право есть комплекс; составляющие его элементы соединены между собой не случайным образом, а необходимыми связями и отношениями; все юридические явления данного общества, существующие в одно и то же время и на одном и том же пространстве, связаны отношениями общности, которые и объединяют их в систему»¹⁵². В.В. Сорокин дает следующее определение правовой системы: «это есть целостный комплекс правовых явлений и процессов (позитивное право, правообразование, реализация

¹⁴⁸ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2013. С. 181.

¹⁴⁹ Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2014. - С. 54.

¹⁵⁰ См.: Там же. С. 55.

¹⁵¹ Теория государства и права: Учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – М.: Норма, 2001. – С. 483.

¹⁵² Там же. С. 483.

права, правосознание), складывающийся в процессе их взаимосвязи и взаимодействия, и характеризующий юридическое воздействие на общественную жизнь»¹⁵³. По мнению В.Н. Протасова и Н.В. Протасовой, «правовая система – это совокупность взаимосвязанных правовых средств, необходимых и достаточных для правового регулирования поведения»¹⁵⁴.

В.Н. Карташов в обстоятельном труде, посвящённом теории правовых систем, отмечает следующее, уточняющее свойства правовой системы как явления и понятия. «Правовая система общества представляет не просто совокупность множества юридических процессов, единиц, а целесообразную, структурно организованную, единую целостность правовых явлений, состояний и процессов, которым присущи новые интегративные качества, не свойственные отдельным компонентам (элементам) или свойственные им не в таких объёмах и степени»¹⁵⁵. Таким образом, речь идёт о целостном образовании, о самостоятельном явлении, образованном не простой совокупностью правовых явлений и процессов, а выступающим их системой.

Несколько иной подход демонстрирует А.В. Поляков. Он выводит понятие правовой системы из его сопоставления с правовой действительностью. «Под правовой действительностью в широком смысле слова понимается не только действительность самого права, но и всех явлений, так или иначе связанных с правом (включая правовую патологию, например, правонарушения). Правовая действительность – это интересубъективная социальная действительность, взятая в особом ракурсе. Это ракурс жизненного мира права, мира «опривыченного», в котором экзистенциально укоренен каждый правовой субъект и в котором создаются правовые смыслы и правовые интерпретации. Правовая система представляет собой явление, интеллектуально вычлененное из правовой действительности, и включает в себя не все правовые феномены, а лишь те, которые непосредственно взаимодействуют с социальным субъектом (обществом), обеспечивая возможность социальной объективации,

¹⁵³ См.: Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: учебник. Барнаул: ООО «Алтайский полиграфический комбинат», 2007. С. 186.

¹⁵⁴ Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. – М.: Городец, 2010. С. 483.

¹⁵⁵ Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: Текст лекций. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. С. 22.

интернализации (включая легитимацию) правовых текстов конкретного общества. Рассмотренная таким образом, правовая система включает в себя все правовые тексты, а также средства правовой легитимации (в том числе общественное правосознание) и собственно право (систему права). Правовая система предстает как система правовой коммуникации и как часть механизма правовой культуры общества»¹⁵⁶.

Необходимость такого подробного рассмотрения понимания категории «правовая система» на данном этапе исследования обусловлена несколькими причинами. Во-первых, определение места юридической ответственности как социально-правового явления в правовой системе общества, понимание юридической составляющей природы этого явления невозможно без полного представления о том, чем является правовая система. Во-вторых, само понятие правовой системы в отечественной юридической науке на сегодняшний день является дискуссионным, поэтому не обойтись без сопоставления подходов к нему разных ученых для получения представления о его сущности. Рассмотрение выше приведенных трактовок правовой системы позволяет выявить в этом понятии по меньшей мере три аспекта:

1) правовая система выступает категорией, интегрирующей определенную часть правовой реальности, выступающей исходным смысловым началом правовых явлений и процессов,

2) при всём этом правовая система есть подход к правовой реальности с системной точки зрения, т.е. с точки зрения взаимосвязи и взаимообусловленности правовых явлений и процессов, и в этой связи она выступает как целостный комплекс;

3) правовая система как категория аккумулирует правовые явления и процессы, оказывающие юридическое воздействие на общественную жизнь. Это, своего рода, инструментальный аспект понимания правовой системы, в рамках которого она охватывает не просто всю совокупность взаимосвязанных и взаимообусловленных правовых явлений и процессов, а только те из них, посредством которых осуществляется юридическое опосредование общественных отношений. В этом аспекте категория

¹⁵⁶ Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Проспект, 2016. С. 590-591.

правовой системы соприкасается с категорией «механизм правового регулирования».

Юридическая ответственность как целостное правовое явление, которую мы рассматривали выше, во взаимосвязи с правовой системой общества подпадает под все три аспекта её понимания. Она выступает одним из элементов правовой системы общества, задача которого – обеспечить её функционирование. Однако для подтверждения этого тезиса необходимо рассмотреть структуру правовой системы. Здесь обобщенно, на основе анализа юридической литературы, можно выделить два основных подхода к устройству правовой системы. Первый, трёхэлементный, представляет В.Н. Карташов, который выделяет следующие компоненты правовой системы общества:

- 1) объективное право, взятое в единстве его содержания и формы;
- 2) юридическая практика (деятельность и социально-правовой опыт), осуществляемая в рамках правовых отношений;
- 3) правосознание, которое находит выражение в юридической деятельности и правоотношениях, праве и законодательстве, юридической культуре и т.п.¹⁵⁷.

С такой точки зрения правовая система включает в себя догматический сегмент (объективное/позитивное право), идеальный сегмент (правосознание) и деятельностный сегмент (правоотношения/юридическая деятельность). Этим охватываются правовые явления и процессы в статике, динамике и обуславливающим их сознании. Однако, есть и другой, четырёхкомпонентный подход, предлагаемый В.В. Сорокиным и также являющийся вполне логичным и обоснованным.

Прежде всего ученый отмечает, что «из всего обилия правовых явлений к элементам правовой системы целесообразнее относить то, что необходимо для эффективного процесса правового воздействия на общественную жизнь, для целенаправленного благотворного влияния на сознание и поведение субъектов права»¹⁵⁸. И далее он выдвигает ряд методологических предпосылок, определяющих компонентный состав

¹⁵⁷ См.: Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: Текст лекций. – Ярославль: ЯрГУ, 1995. С. 24.

¹⁵⁸ Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: Учебник. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2007. С. 161.

правовой системы: «Во-первых, то, что правовая система охватывает все те правовые явления, которые выступают необходимыми и достаточными функциональными единицами, предназначенными для правового воздействия на общественную жизнь и составляют непосредственное его содержание. Во-вторых, правовая система включает в свой объём процессы формирования, систематизации, идеологического обоснования и реализации права. И, наконец, важно учитывать разницу между компонентами и элементами правовой системы»¹⁵⁹. Исходя из этого В.В. Сорокин в качестве самостоятельных компонентов правовой системы предлагает следующие феномены:

- а) позитивное право как совокупность всех источников права, санкционированных государством;
- б) правообразование как процесс формирования источников права;
- в) реализацию права как процесс осуществления норм права;
- г) правосознание как совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей к праву¹⁶⁰.

В названной структуре правовой системы также представлены догматический (статический), деятельностный (динамический) и идеалистический (сознательно-волевой) аспекты, как и в рассмотренном выше трёхсоставном подходе, с той лишь разницей, что в качестве самостоятельного элемента выделяются генетические процессы, определяющие появление позитивного права, и отделяются от процессов его реализации. Думается, что принципиальных противоречий между указанными двумя подходами нет, они оба вполне применимы при разрешении вопроса о месте юридической ответственности в правовой системе общества.

Юридическая ответственность как правовое явление входит во все компоненты правовой системы общества. В позитивном праве она закрепляется (причем, и в позитивном, и в негативном проявлении) посредством правотворчества – составного элемента правообразования, в ходе правообразования выявляются те социальные отношения, которые требуют той или иной внешней стимуляции – либо посредством поощрения,

¹⁵⁹ Там же. С. 167.

¹⁶⁰ См.: Там же. С. 167.

либо посредством наказания, в процессе правоприменительной деятельности ответственность реализуется, воплощается в жизнь, а в правосознании происходят юридически значимые процессы (субъективная сторона правонарушения), оцениваемые в ходе квалификации правонарушения и назначения меры юридической ответственности, а также правовое воздействие юридической ответственности в позитивной и негативной форме рассчитано на сознание и волю человека, определяющие его правомерное или противоправное поведение. В связи с этим необходимо уточнить определение юридической ответственности как социально-правового явления.

Итак, **юридическая ответственность** представляет собой *социально-правовое явление, обеспечивающее функционирование правовой системы общества, опосредованное нормами позитивного права, создающимися в ходе оценки общественных отношений как социально значимых благ, закрепляющими основания и пределы применения мер государственного принуждения в отношении лиц, совершивших правонарушение, или мер поощрения (льгот, стимулов и др.) в отношении лиц, совершивших юридически значимые акты социально активного поведения, реализуемыми в процессе правоприменительной деятельности правомочных или специально уполномоченных государственных органов и должностных лиц, и предполагающими воздействие на волю и сознание людей с целью изменения их поведения для приведения его в соответствие с ожиданиями общества и государства.*

Данное определение исходит из социальной природы юридической ответственности. Однако выше мы также достаточно подробно рассмотрели определение и признаки юридической ответственности (негативной) как обязанности/меры государственного принуждения. Это определение отражает третий аспект взаимосвязи юридической ответственности с правовой системой общества, и выступает инструментальным подходом к понятию юридической ответственности. *Уточним ещё раз: согласно инструментальному подходу юридическая ответственность есть мера государственного принуждения, назначаемая лицу за совершенное им правонарушение и выражающаяся в лишениях или ограничениях личного, материального или организационного характера.*

Этот подход, казалось бы, не учитывает существования феномена позитивной юридической ответственности. Однако думается, что и вторая «сторона» юридической ответственности может быть описана с позиций инструментального подхода (разумеется, если мы возьмем за основу то понимание позитивной юридической ответственности, которое предлагают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский). «Добровольная форма реализации юридической ответственности – это способ закрепления юридической обязанности соблюдать требования правовых норм, реализующаяся в правомерном поведении субъектов юридической ответственности, одобряемом или поощряемом государством. Добровольная форма реализации (позитивная юридическая ответственность) обладает следующими признаками: основывается на правовых нормах и как следствие нормативна, формально определена и обладает четкостью, детализированностью и общеобязательностью; гарантируется государством; обеспечивается государственным убеждением, принуждением или поощрением; реализуется в регулятивном правоотношении; в своё содержание включает юридическую обязанность по соблюдению правовых норм и правомерное поведение; своими последствиями влечет одобрение или применение мер поощрения»¹⁶¹. Как видим, с таких позиций понимаемая позитивная юридическая ответственность вполне соответствует инструменталистской трактовке, выступая, наряду с юридической ответственностью за правонарушение, одним из средств обеспечения правового порядка в обществе.

Постановка в заглавии параграфа вопроса о взаимосвязи правовой системы и юридической ответственности предполагает необходимость критического рассмотрения концепции «юридическая ответственность как целостное явление», которой мы уже касались ранее и, в особенности, такой его части, как статутная ответственность. Прежде всего, вряд ли приемлемо вести речь о явлении ответственности, поскольку авторы не покидают сферы «должного», области позитивного права, и можно говорить о юридическом выражении явления «юридическая ответственность». Но этот момент, на наш взгляд, не настолько принципиален, это, скорее, вопросы

¹⁶¹ Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. С. 172-173.

мировоззренческого характера, вопросы понимания права, нежели вопросы теории юридической ответственности. А вот первый сегмент этой ответственности – статутная ответственность как установление в нормах права общеобязательных вариантов поведения, - с очевидностью по объёму и содержанию совпадает с понятием «объективное право», «позитивное право». Насколько возможно называть эти феномены новым понятием с аналогичным определением содержания, да ещё и использовать при этом термин «ответственность» - вопрос спорный, и скорее всего на него можно дать отрицательный ответ. Нормы права содержат правила поведения, позитивное право выступает как система правил поведения, а система общеобязательных, нормативных, формально определенных, установленных/санкционированных и обеспеченных государством правил поведения – это позитивное право, а не статутная ответственность. Однако, почему-то здесь Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский обходят своим вниманием вопрос о соотношении статутной юридической ответственности и позитивного объективного права и об их разграничении, дабы в дальнейшем не возникало терминологической путаницы. А вопрос этот является, на наш взгляд, принципиально важным и ставит под сомнение саму необходимость выделения конструкта «статутная юридическая ответственность».

Что касается добровольной и принудительной форм реализации юридической ответственности, то здесь допускается смешение этих понятий с реализацией права в форме соблюдения, исполнения и использования и с применением права. Ответственность же – это не реализация права в добровольной или принудительной форме, а последствия реализации/нереализации норм права. Однако опять же, соотношение форм реализации юридической ответственности с реализацией права и правоприменением Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский не проводят по неизвестным для нас причинам.

Думается, что терминологические новации в рассматриваемом вопросе не могут решить старой проблемы позитивной ответственности в праве, а способны лишь создать новые проблемы и вызвать к жизни новые вопросы о соотношении и разграничении понятий. Намного продуктивнее воспользоваться традиционными терминами «позитивная юридическая ответственность» и «юридическая ответственность за правонарушение» и

попытаться определить, что же за феномены реальной жизни за ними стоят. То, что Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский называют явлением юридической ответственности в широком смысле (вместе со статутной ответственностью) совпадает с правовой системой общества, а в узком смысле (только формы реализации) представляет собой юридическое выражение, а не стоящее за ним социальное явление. Возвращаясь к нашей трактовке юридической ответственности как социально-правового явления отметим, что и позитивная, и негативная юридическая ответственность имеют юридическую и социальную стороны, и социально-правовую природу. Позитивная юридическая ответственность представляет собой определенное расширение сферы прав и свобод человека и гражданина в форме правовых поощрений (а также льгот, стимулов и т.д. в том случае, когда они не предшествуют поведению и влияют на мотивацию, а следуют за ним «неожиданно» для субъекта) вследствие совершенных им актов социально активного поведения¹⁶². В силу такого содержания позитивная ответственность, на наш взгляд, не нуждается в особой легитимации и в сложной системе оснований, оправдывающих и объясняющих её установление, а также определяющих пределы её применения.

Иное дело – ответственность за правонарушение. Она в социальной своей части выступает в виде лишений и ограничений прав и свобод человека, сужения его личной, имущественной или организационной сферы, вплоть до лишения жизни. И в этой связи ответственность за правонарушение нуждается в обстоятельной системе оснований, обеспечивающих её легитимацию и обоснованное назначение и применение её мер конкретному субъекту права, чему и будет посвящена следующая глава настоящей работы.

¹⁶² Молчаливое одобрение со стороны государства, рассматриваемое Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским в качестве формы позитивной юридической ответственности наряду с поощрением, и выступающее последствием любого другого юридически значимого поведения, кроме социально активного, необходимо рассматривать в качестве научной уловки, проявления схоластики или даже простого лукавства. Так или иначе, только крайние виды поведения человека должны влечь какие-либо последствия, норма есть норма и государству в этой сфере делать нечего, иначе оно будет бессильно обеспечивать эту норму.

2. ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЕ

2.1. Понятие и виды оснований юридической ответственности

Рассмотрение понятия юридической ответственности и её признаков выявило множество спорных позиций, различных точек зрения практически по всем аспектам этой тематики. Однако более сложной и неразработанной на уровне общей теории права нам видится проблема оснований юридической ответственности. Традиционно выделяют такое основание юридической ответственности, как правонарушение, состав правонарушения, так указывается в ряде учебников по теории государства и права¹⁶³. В отраслевой юридической литературе, и в отраслевом законодательстве (например, ст. 8 УК РФ указывает, что «основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом») можно встретить утверждения о том, основанием правонарушения выступает только состав правонарушения. В других источниках выделяются два (правовое и фактическое) или три (норма права, правонарушение, правоприменительный акт) основания юридической ответственности¹⁶⁴.

Отдельно следует сказать о работах, где перечень оснований юридической ответственности значительно расширен по сравнению с названными выше. В.Д. Филимонов, наряду с правовыми основаниями уголовной ответственности, выделяет философские и социальные её

¹⁶³ См. например: Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. - С. 469; Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.Д. Перевалов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2012. - С. 303; Общая теория права и государства: учебник / В.С. Афанасьев [и др.]; под ред. В.В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. - С. 293; Теория государства и права: курс лекций / М.И. Байтин [и др.]; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. - С. 598; и др.

¹⁶⁴ См. например: Черданцев А.Ф. Теория государства и права: Учебник для вузов / А.Ф. Черданцев. – М.: Юрайт-М, 2002. – С. 316; Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / Н.В. Варламова [и др.]; под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2008. - С. 496; Теория государства и права: учебник для вузов / С.С. Алексеев [и др.]; под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. – 2-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2001. - С. 444; и др.

основания¹⁶⁵. Разработчики концепции позитивной юридической ответственности Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, помимо оснований ответственности за правонарушение, рассматривают проблемы оснований позитивной юридической ответственности¹⁶⁶. Таким образом, есть основания предположить что помимо правового и фактического основания, негативная юридическая ответственность характеризуется наличием философского и социального основания, и, кроме того, собственными основаниями обладает позитивная юридическая ответственность.

Чтобы говорить о содержании оснований юридической ответственности необходимо определить, что же следует понимать под основанием юридической ответственности вообще. Согласно словарю С.И. Ожегова, основание – это: «1. Опорная часть предмета, фундамент; 2. Существенный признак, по которому распределяются явления, понятия; 3. Причина, достаточный повод, оправдывающие что-нибудь, и др.»¹⁶⁷. Кроме того, в качестве одного из значений этого слова С.И. Ожегов называет также «1) источник, главное, на чем строится что-нибудь, что является сущностью чего-нибудь; 2) исходные, главные положения чего-нибудь»¹⁶⁸. Таким образом, с лексической точки зрения основание представляет собой нечто такое, на что опирается то или иное явление, основа, повод для существования явления. Основанием юридической ответственности, в соответствии с этим, будут выступать те явления или аспекты действительности, на которые она опирается, которые оправдывают её существование и т.п.

С философских позиций существует множество определений категории «основание». В Философском энциклопедическом словаре,

¹⁶⁵ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 12-39.

¹⁶⁶ См. подробнее: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. - С. 200-224.

¹⁶⁷ Здесь указаны только наиболее подходящие к предмету обсуждения значения. См. подробнее: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов: под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2010. - С. 696.

¹⁶⁸ Это значения термина «основа». См. подробнее: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов: под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2010. - С. 695-696.

вошедшем в состав Национальной философской энциклопедии, даётся следующая трактовка данной категории. **«Основание – необходимое условие, являющееся предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и служащее их объяснением»**¹⁶⁹. Авторы словаря, при этом, отмечают, что как категория в системе диалектической логики основание нашло свое отражение в философии Гегеля, по словам которого «основание есть снятое и разрешенное противоречие»; в соответствии же с воззрениями марксизма, «истинное основание вещей постигается лишь посредством раскрытия их сущности, внутренне присущих им противоречий как закона их движения и развития»¹⁷⁰. В другом Философском энциклопедическом словаре говорится что *основание есть достаточное условие чего-либо: бытия, познания, мысли, деятельности*; также авторы отмечают, что существуют различные уровни, глубина оснований, при этом в сфере дедукции последними основаниями являются логические законы: каждый из них обосновывает логически правильную связь суждений; поэтому, чтобы обосновать какую-либо связь суждений, надо привести её к форме логического закона¹⁷¹. В качестве одного из логических законов традиционно выделяют закон достаточного основания, Е.И. Иванов даёт этому закону следующее выражение: «ни одно суждение не может быть признано истинным без достаточного основания». «Достаточными являются такие фактические и теоретические основания, из которых данное суждение следует с логической необходимостью»¹⁷².

Философская трактовка оснований, таким образом, приводит нас к выводу, что основанием явления мы можем считать предпосылку его существования, его достаточное условие, служащее объяснением этого явления, постигаемое через раскрытие сущности явления, внутренне присущих ему противоречий как закона его движения и развития, из оснований явление должно следовать с необходимостью, а также что основание есть снятое и разрешенное противоречие. На подобную

¹⁶⁹ Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989 / [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Национальная философская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.termе.ru>

¹⁷⁰ См.: Там же.

¹⁷¹ См.: Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

¹⁷² См.: Иванов Е.А. Логика: Учебник. М., 2001. С. 254.

трактовку основания опирается, например, В.Д. Филимонов, определяя основания уголовной ответственности: «основаниями уголовной ответственности мы должны считать такие явления объективной действительности, которые, во-первых, являются её необходимым условием и предпосылкой существования, во-вторых, служат объяснением существования уголовной ответственности и, в-третьих, содержат в себе снятое и разрешенное противоречие»¹⁷³. Таким образом, **основание юридической ответственности выступает необходимым и достаточным условием, предпосылкой и объяснением её существования, постигается через раскрытие сущности этого явления, внутренне присущих ему противоречий как закона его движения и развития, представляет собой снятое и разрешенное противоречие, при этом ответственность с необходимостью следует из совокупности её оснований.**

Такое понимание оснований юридической ответственности дает возможность построить систему оснований юридической ответственности за правонарушение. Необходимость отдельного рассмотрения оснований негативной и позитивной ответственности диктуется существенными различиями в тех правовых мерах, которые несут эти разновидности юридической ответственности для лиц, совершивших те или иные юридически значимые поступки. Так, если для юридической ответственности за правонарушение существует необходимость рассмотрения философских и социальных её оснований по причине легитимации содержания мер этой ответственности, то для позитивной ответственности такой необходимости нет. Вместо этого можно говорить о нравственных и экономических основаниях этой формы юридической ответственности. Рассмотрим основания юридической ответственности за правонарушение:

1) Юридические основания ответственности за правонарушение: норма права, устанавливающая юридическую ответственность, и правоприменительный акт, в котором эта норма наполняется конкретным содержанием по факту определенного правонарушения в отношении определенного правонарушителя;

¹⁷³ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 20.

2) Фактические основания: правонарушение и его состав – например, согласно ст. 8 УК РФ основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом, - они порождают юридическую ответственность;

3) Философские основания (в широком смысле) – оправдывают право государства наказывать правонарушителей, объясняют возможность и необходимость существования юридической ответственности; включают также и нравственно-религиозные основания ответственности как вариант объяснения, оправдания ответственности (легитимация ответственности);

4) Социальные основания – представляют собой предпосылки необходимости установления юридической ответственности и возложения её на конкретного правонарушителя в обществе; также несут в себе объяснительную функцию.

Иногда правоприменительный акт называют организационным основанием юридической ответственности. Однако, он выступает именно правовым актом, поскольку представляет собой акт хотя и индивидуального, но правового регулирования. Как уже говорилось, основания позитивной юридической ответственности имеют собственную систему. В последнее время в науке теории государства и права появляются труды, обосновывающие духовно-нравственные основания российского права¹⁷⁴. Ряд специалистов в области уголовного права поднимают проблему этических оснований уголовно-правового запрета¹⁷⁵. Необходимость выделения духовно-нравственных (религиозно-этических) оснований юридической ответственности обусловлена ещё и тем, что сочетание юридического запрета (поощрения) с внутренним убеждением субъекта права, основанном на его религиозно-нравственных установках, позволяет достичь максимальной эффективности указанной ответственности.

¹⁷⁴ См. например: Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: Монография / В.В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.; Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 672 с.; Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права / О.И. Цыбулевская; под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004. – 220 с., и др.

¹⁷⁵ См. например: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 149-161.

Социально активная форма правового поведения есть наиболее оптимальная правомерная его разновидность, а она исходит именно изнутри человека. Поэтому без соизмерения юридических запретов с нравственно-религиозными установками общества невозможно организовать эффективное противодействие противоправному поведению.

Можно также говорить о двух уровнях оснований юридической ответственности. Первый, фундаментальный уровень составляют философские и социальные основания юридической ответственности, поскольку именно они оправдывают существование этой ответственности в глазах общества, а также показывают, почему тот или иной запрет появился в праве и почему именно в такой форме, почему именно такие последствия его нарушение влечет. Необходимо выделять этот уровень оснований ответственности в свете юридизации общественной жизни в странах с западной традицией права, чтобы обосновывать эту юридизацию, прежде всего. Всё-таки, процессы всё большего возрастания роли права, замены правом других регуляторов, неумолимы в определенной группе стран, и учёным-юристам нужно вдуматься в суть этих процессов и продумать научно обоснованную концепцию юридизации в т.ч. и в сфере юридической ответственности за правонарушение.

Второй уровень оснований юридической ответственности за правонарушение составляют правовое и фактическое основание. Отличие этих оснований от оснований первого уровня состоит в том, что они выступают в качестве таковых применительно к конкретному «эпизоду» правонарушения и ответственности за него. Таким образом, правовое и фактическое основания являются не основаниями ответственности как социально-правового явления в целом, а основаниями конкретной меры ответственности.

Стоит сказать, что несколько похожую картину оснований юридической ответственности за правонарушение предлагает И.А. Кузьмин. Он исходит из разделения ответственности на ответственность в объективном смысле и ответственность в субъективном смысле. «Основания юридической ответственности в объективном смысле – это объективные, социально обусловленные причины, которые побуждают законодателя закреплять в нормах позитивного права меры юридической

ответственности»¹⁷⁶. В рамках этих оснований он ведет речь о социальных основаниях ответственности, к которым относит необходимость обеспечения фактического правопорядка (действие норм права) и социальную вредность отдельных видов деяний для государства, общества и личности¹⁷⁷. Думается, вряд ли в качестве оснований юридической ответственности в собственном смысле этого термина можно рассматривать признак позитивного права (обеспеченность государственным принуждением) и признак правонарушения (общественная опасность). Происходит смешение оснований ответственности первого уровня (оправдывающих её существование в целом, объясняющих её необходимость) и оснований второго уровня (оснований конкретного «эпизода» ответственности).

«Основания возникновения юридической ответственности в субъективном смысле – факты (обстоятельства, явления) объективной реальности, которые напрямую связаны с человеческой деятельностью и наличие которых в соответствии с нормами позитивного права необходимо для возникновения юридической ответственности и ее правоотношения»¹⁷⁸. К таковым он относит материальное, фактическое и процессуальное основания, - соответственно, норму позитивного права, юридический факт правонарушения и акт применения права¹⁷⁹. Выше мы уже высказывали критические пожелания по поводу такой точки зрения, здесь хотелось бы ещё указать на то, что нецелесообразно разрывать материальное и процессуальное, а есть смысл говорить о едином правовом основании юридической ответственности, которому корреспондирует основание фактическое. В целом необходимо подчеркнуть, что, несмотря на определенные критические замечания, высказанные нами, позиция И.А. Кузьмина имеет высокую научную ценность и заслуживает рассмотрения как постановка вопроса об основаниях юридической ответственности, расширяющая их традиционный перечень.

¹⁷⁶ Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и её реализация: учеб. пособие / И.А. Кузьмин. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 31.

¹⁷⁷ См.: Там же. С. 33.

¹⁷⁸ См.: Кузьмин И. А. Основания возникновения юридической ответственности как общетеоретическая проблема: подходы и суждения // Сиб. юрид. вестн. 2012. № 4. С. 3–10.

¹⁷⁹ См. подробнее: Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и её реализация: учеб. пособие / И.А. Кузьмин. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 33-38.

Подытоживая общий обзор оснований юридической ответственности, констатируем их многообразие в реальной социальной жизни, а также многообразие точек зрения в юридической литературе по обозначенной проблеме. Однако, количество в этом вопросе, увы, не дает нового качества. Вся сложность рассмотрения философских и социальных оснований юридической ответственности за правонарушение обусловлена тем, что преимущественно они разработаны относительно ответственности уголовной. В рамках же юридической ответственности за правонарушение в целом необходимо соответствующим образом интерпретировать ценные для нас рассуждения криминалистов на более высоком уровне абстракции. Также вопрос о такого рода основаниях ответственности за правонарушение должен решаться с учётом положений науки о легитимации права и юридического запрета.

2.2. Концепция философских и социальных оснований ответственности в уголовном праве России

В рамках теории уголовного права на сегодняшний день томской школой разработана концепция социальных и философских оснований уголовной ответственности, которая дает обширный материал для определения легитимации уголовного права и права в целом. Профессор В.Д. Филимонов, опираясь на трактовку основания ответственности как снятого и разрешенного противоречия, рассматривает философские основания негативной юридической ответственности. Так, он выделяет два уровня оснований, возникновение которых обусловлено различным уровнем противоречий в общественной жизни, в том числе и противоречий, появившихся в результате совершения преступления¹⁸⁰.

«Противоречия, порождающие уголовную ответственность, и меры по их снятию и разрешению можно обнаружить прежде всего на уровне тех изменений в системе общественных отношений, которые наступают в результате совершения преступления». Разные преступления разрушают общественные отношения, существовавшие до их совершения, а возникшие новые отношения обычно включают в свое содержание такие интересы

¹⁸⁰ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 21.

субъектов этих общественных отношений, которые противостоят друг другу. «Вред, причиненный обществу совершением преступления, вступает в противоречие с утвердившейся в нем системой общественных отношений, и должен быть устранен. Поэтому уголовная ответственность в пределах своих возможностей принимает участие в его устранении. Тем самым она участвует и в разрешении возникшего противоречия»¹⁸¹.

«Противоречие, возникшее в результате совершения преступления – это противоречие, вызванное несовместимостью нанесенного им ущерба с состоянием и характером общественных отношений, охраняемых уголовным законом». Поэтому указанная ответственность как отрицание преступления направлена на такое воздействие на общественные отношения, которое предполагает, во-первых, ликвидацию тех негативных общественных отношений, которые возникли в результате совершения преступления, во-вторых, устранение негативных последствий преступления из сознания окружающих людей и, в-третьих, уголовная ответственность направлена на снятие и сохранение оставшихся положительных свойств нарушенных общественных отношений¹⁸².

Таким образом, уголовная ответственность на первом уровне имеет дело с противоречиями, порожденными совершением преступления и его последствиями – тем вредом, который нанесен общественным отношениям. Её назначение здесь – устранить негативные последствия (разумеется – по возможности), и снять то положительное, что осталось в нарушенных общественных отношениях.

Вторым уровнем требующих разрешения противоречий выступают противоречия на уровне тех общественных отношений, которые сформировались в общественной жизни в связи с выявлением личности, способной совершать правонарушения, личности, от которой исходит опасность совершения поступков, способных причинить серьезный вред другим людям и обществу в целом¹⁸³. «Конечно в личности преступника обращают на себя внимание прежде всего те его свойства, которые стали

¹⁸¹ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 21-22.

¹⁸² См.: Там же. С. 22-23.

¹⁸³ См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 22.

субъективной причиной его преступного поведения. Они формируют общественную опасность личности преступника. Но наряду с ними в личности преступника можно обнаружить и его социально полезные свойства. Одни из них служат базой для нравственного возрождения человека, другие выражаются в его социально полезных связях с другими людьми, обществом и государством... Совершенное преступление – это показатель существования общественной опасности личности, а совершенные лицом полезные для общества поступки – показатель его общественной полезности»¹⁸⁴.

Действительно, сложно судить обо всей личности в целом, как только по совершенному ею преступлению (правонарушению), так и только по позитивному допротивоправному поведению. В связи с этим В.Д. Филимонов как раз и утверждает, что «в существовании в личности преступника как социально вредных, так и социально полезных свойств выражается её противоречивость. Уголовная ответственность призвана снять и разрешить это противоречие. Снимается все то, что составляет положительное содержание личности преступника, устраняются те свойства его личности, которые способны стать причиной, порождающей совершение им новых преступлений. На основании этого происходит разрешение того противоречия, которое на момент совершения преступления содержалось в личности преступника»¹⁸⁵.

В конечном счете, В.Д. Филимонов заключает, что «при выявлении философских оснований уголовной ответственности необходимо учитывать, прежде всего, выявившееся в результате совершения преступления такое противоречие в системе общественных отношений, которое является следствием противоречия, существующего в личности преступника»¹⁸⁶. «Философским основанием уголовной ответственности является главным образом социальная потребность в таких мерах государственного принуждения, которые способны разрешить противоречия в системе общественных отношений, возникшие в результате совершения

¹⁸⁴ См.: Там же. С. 24-25.

¹⁸⁵ См.: Там же. С. 25.

¹⁸⁶ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 25.

преступлений и выявления лиц, представляющих опасность для других людей, общества и государства»¹⁸⁷.

С другой стороны, возможен несколько иной подход к философским основаниям юридической ответственности. Дело в том, что исходя из работ В.Д. Филимонова грань между философскими и социальными основаниями прослеживается с трудом. Нет ощущения чёткой принципиальной разницы между теми и другими, создаётся какофонический эффект, не вполне понятный для беглого рассмотрения. В этом отношении полезной может оказаться работа Т.А. Плаксиной, развивающая положения, предложенные В.Д. Филимоновым, посвящённая социальным основаниям квалифицирующих убийство обстоятельств. Исходя из содержания этой работы в её совокупном рассмотрении с трудами В.Д. Филимонова становится ясно, что выше приведённая трактовка философских оснований юридической ответственности на самом деле относится к её социальным основаниям. Далее мы рассмотрим и подход Т.А. Плаксиной, а сейчас продолжим анализ концепции В.Д. Филимонова.

В.Д. Филимонов подробно анализирует и проблему социальных оснований уголовной ответственности, причем, в свете различных учений теорий и концепций, рассматривая эти учения и концепции с критической точки зрения¹⁸⁸. Мы остановимся лишь на наиболее важных положениях его подхода. «Социальное основание уголовной ответственности первоначально проявляется в виде совершения лицом общественно вредного деяния, а затем в виде потенциальной способности уголовной ответственности, во-первых, отторгнуть все негативные последствия совершенного правонарушения, во-вторых, снять и сохранить оставшиеся положительные элементы нарушенных общественных отношений и, в-третьих, опираясь на сохранившиеся элементы этих общественных отношений, а также путем воздействия на смежные с ними общественные отношения, сформировать новую систему общественных отношений. Социальным основанием юридической ответственности в этих условиях оказывается осознанная

¹⁸⁷ Там же. С. 26.

¹⁸⁸ См. подробнее: Там же. С. 26-33.

социальная потребность в осуществлении всех указанных преобразований в общественной жизни»¹⁸⁹.

«Социальная потребность в мерах государственного принуждения, - отмечает далее В.Д. Филимонов, - направленных на разрешение отмеченных выше противоречий в общественных отношениях, характеризуется, во-первых, содержанием этих мер, и, во-вторых, условиями, при которых эта потребность может быть с их помощью удовлетворена». Рассмотрим, как ученый трактует оба эти показателя.

1) Содержание мер государственного принуждения может быть установлено двумя способами: во-первых, путем выявления тех их признаков, которые не могут входить в содержание этих мер, во-вторых, путем определения признаков, формирующих качественное своеобразие этих мер государственного принуждения. Так, например, «уголовная ответственность не может состоять, в частности, в применении мер, имеющих своей целью восстановление нарушенных имущественных прав, а также восстановление других прав и свобод человека и гражданина. Эти задачи решаются с помощью мер гражданско-правовой, конституционной и иных видов юридической ответственности. Уголовная ответственность не может состоять в применении таких мер ещё и потому, что подобные меры не способны в полной степени разрешить социальные противоречия, выявившиеся в результате совершения преступлений. Предусмотренная ими угроза лишь возвращения незаконно приобретенного имущества или иного заглаживания причиненного материального ущерба, равно как и иное восстановление нарушенных преступными действиями прав и свобод других лиц, не способно удержать человека от преступного поведения. Такими мерами лица, способные совершить преступные деяния, могут ради удовлетворения своих антиобщественных потребностей просто пренебречь. Для этого нужны меры карательного характера. Но кара преступника необходима не только по этой причине. Она необходима для восстановления социальной справедливости, нарушенной совершением преступления. А восстановление социальной справедливости возможно только лишь при

¹⁸⁹ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 33.

условии применения к преступнику такого наказания, которым будут удовлетворены как потерпевшие, так и другие граждане»¹⁹⁰.

2) Социальная потребность в осуществлении государственно-принудительной деятельности в отношении лиц, совершивших общественно вредные деяния, может стать основанием установления и применения уголовной ответственности не всегда. Для этого необходимы определенные условия установления и применения такой деятельности со стороны государства.

«Объясняется это вот чем. Уголовная ответственность реализуется посредством государственно-принудительной деятельности, которая приводит не только к положительным последствиям. Она связана и с негативным воздействием на общественные отношения. Уголовная ответственность обычно нарушает не только общественно вредные, но и социально полезные связи лица, совершившего правонарушение, с другими людьми, с обществом в целом. Он часто лишается возможности осуществлять свои гражданские права и обязанности, во многих случаях нарушаются его экономические, семейные и другие личные отношения. От нарушения этих отношений нередко страдают другие члены общества, причем, как правило, никак не связанные с совершенным правонарушением. Ущерб от применения уголовной ответственности (особенно, от её крайних видов) в целом может быть достаточно велик».

«По этой причине, пишет В.Д. Филимонов, для установления и применения юридической ответственности должны быть достаточно серьезные причины. Её способность решать выше перечисленные задачи – лишь одна из них. Другая состоит в возникновении таких условий общественной жизни, при которых юридическая ответственность становится практически единственно возможным средством того значительно более тяжкого вреда, который без её применения может быть причинен социуму, а другие виды социальной ответственности не справляются».

На основании изложенного В.Д. Филимонов делает важное заключение: «Устанавливая уголовную ответственность за совершение преступлений, государство поступает правильно только тогда, когда оно

¹⁹⁰ Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 35.

оказывается в состоянии крайней необходимости... когда у государства нет других средств предупредить те тяжкие последствия, которые могут наступить без её применения»¹⁹¹. «Поэтому социальная потребность в осуществлении карательной деятельности в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, может рассматриваться в качестве основания уголовной ответственности лишь в условиях крайней необходимости в установлении мер, способных осуществить восстановление социальной справедливости, нарушенной совершением преступлений, обеспечить исправление преступников и предупредить совершение преступлений как самими преступниками, так и другими лицами»¹⁹².

Наконец, В.Д. Филимонов предлагает следующее определение: «социальным основанием уголовной ответственности следует признать крайнюю необходимость удовлетворения социальной потребности в применении к лицам, совершившим общественно опасные деяния, таких мер государственного принуждения, которые способны осуществить восстановление нарушенной преступлением социальной справедливости, а также исправление лиц, совершивших преступления и предупреждение совершения ими и иными лицами новых преступлений»¹⁹³.

Данное определение обращает на себя внимание двумя аспектами: во-первых, тесной связью социальных и философских оснований ответственности, и, во-вторых, их крайним характером. Это и не удивительно, поскольку само уголовное право как раз и выступает крайним средством правового воздействия на членов общества. Однако, уголовное право – неотъемлемая часть системы права в целом, что позволяет говорить не только об отличиях, но и об общих для всего права чертах социальных оснований ответственности. Поэтому аналогичным образом можно рассматривать и любой другой вид юридической ответственности. В конечном счете, специфика того или иного вида юридической ответственности определяется спецификой отрасли права, которая эту ответственность предусматривает, и нарушение норм которой при совершении общественно вредного деяния происходит. А специфика отрасли зависит от предмета её регулирования и охраны – конкретных

¹⁹¹ Там же. С. 38.

¹⁹² Там же. С. 38.

¹⁹³ Там же. С. 38.

общественных отношений. Характер этих отношений, и степень их повреждения при совершении правонарушения определяют и вид и меру ответственности за это правонарушение.

В рамках настоящей части работы необходимо также рассмотреть то, что предлагает Т.А. Плаксина, развивая положения подхода В.Д. Филимонова применительно к социальным основаниям квалифицирующих признаков его состава. Под социальными основаниями уголовно-правовых норм, устанавливающих уголовно-правовой запрет (т.е., другими словами, предусматривающих ответственность за преступление) она понимает «необходимые причины, предпосылки их существования (появления, изменения) и именно такого их содержания, которое они имеют в тот или иной момент»¹⁹⁴. Далее ученый выстраивает определенную иерархию этих оснований, говоря о нескольких уровнях, слоях оснований нормы уголовного права. Для целостности восприятия точки зрения приведем рассуждения Т.А. Плаксиной по возможности, в полном объеме.

«Глубинный слой оснований нормы уголовного права составляют социальные условия жизни общества. Сложные и противоречивые процессы общественной жизни порождают два вида следствий, значимых с позиций уголовно-правового нормообразования. С одной стороны, происходит отбор тех феноменов, которые важны для общества, входят в систему его ценностей, а, следовательно, социум оказывается заинтересованным в сохранении и воспроизводстве их самих и связанных с ними общественных отношений. С другой стороны, появляются реальные факты антиобщественного поведения, направленного против таких ценностей и общественных отношений (или, как минимум, создается возможность их появления). При наличии соответствующих условий, к числу которых принадлежат прежде всего обстоятельства криминологического характера в виде определенных состояния, распространенности и динамики подобных фактов, между двумя обозначенными противоположностями возникает и обостряется противоречие. Его разрешение приводит к новому состоянию всей системы: образуется особый социальный феномен, который, несмотря на целостность, также содержит в себе противоречивое начало. В его рамках

¹⁹⁴ Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография / под науч. ред. В.Д. Филимонова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 20.

воедино связаны два элемента, не способные существовать один без другого: опасность причинения вреда определенным видам социальных ценностей и общественных отношений вплоть до угрозы их существованию и социальная потребность в устранении данной опасности. Но, будучи элементами единого целого, они в то же самое время являются сторонами нового противоречия, развивающегося в направлении преобладания второй стороны (социальной потребности в устранении опасности причинения вреда общественным отношениям) над первой. Укрепление названной социальной потребности выражается в её конкретизации и осознании её государством. Она превращается в осознанную государством потребность в такой уголовно-правовой охране нуждающихся в защите объектов, которая была бы адекватна угрожающей им опасности. При отсутствии препятствий к установлению уголовно-правового запрета, его допустимости (в т.ч. с учётом состояния, распространенности и динамики деяний) дальнейшее обострение противоречия между этой потребностью и её противоположностью – опасностью причинения вреда общественным отношениям и социальным ценностям – влечет его разрешение посредством качественно иной реальности – нормы уголовного права. Таким образом, социальная потребность в адекватной уголовно-правовой охране тех или иных объектов выступает как предельная форма развития оснований уголовно-правовых норм»¹⁹⁵. Отсюда следует, что Т.А. Плаксина, как и В.Д. Филимонов, под основаниями уголовной ответственности предлагает понимать определенного рода противоречия, которые проявляются, прежде всего, между угрозой причинения вреда определенным социально значимым благам и общественной заинтересованностью в устранении этой угрозы, что является следствием внутренней противоречивости самой социальной действительности. В конечном счёте, эти противоречия приводят к формулированию нормы уголовного права, т.е. к возникновению уголовной ответственности как средства охраны социально значимых благ.

Т.А. Плаксина раскрывает и структуру социальной потребности в адекватной уголовно-правовой охране тех или иных объектов: «она включает в себя, во-первых, потребность в уголовно-правовой охране

¹⁹⁵ Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография / под науч. ред. В.Д. Филимонова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 20-22.

социальных ценностей и общественных отношений с учётом их характера и значимости, во-вторых, потребность в их охране с учётом ряда особенностей источника опасности (антиобщественного поведения) как социального явления. Эти особенности локализуются на уровне признаков деяний, участвующих в формировании их общественной опасности. Другая же часть особенностей источника опасности (определённые состояние, распространённость, динамика деяний)... составляет важное условие возникновения и одно из наиболее существенных условий реализации рассматриваемой социальной потребности»¹⁹⁶. Таким образом, адекватность уголовно-правовой охраны общественных отношений зависит от характера и значимости этих отношений и от особенностей предполагаемого или реального на них посягательства.

Наконец, подытоживая всё сказанное, ученый выделяет три этапа, которые проходят в своем движении основания уголовно-правовой нормы: 1) этап протекания противоречивых социальных процессов, итогом развития которых выступает возникновение двух противоположностей – общественных отношений, социальных ценностей, нуждающихся в уголовно-правовой охране, и антиобщественного поведения, способного причинить вред перечисленным объектам; 2) этап обострения между этими противоположностями противоречия вплоть до его разрешения через формирование социального феномена, сторонами которого также являются две противоположности – опасность причинения вреда определенным видам социальных ценностей и общественных отношений и социальная потребность в адекватной их защите; 3) этап развития и обострения данного нового противоречия с нарастающим перевесом второй стороны над первой вплоть до его разрешения путём образования нормы уголовного права¹⁹⁷. Социальные основания уголовной ответственности в таком свете представляют собой весьма сложную систему социальных противоречий и социальных потребностей в их разрешении и снятии. В конечном счёте, именно задача охраны общественно значимых ценностей выступает краеугольным камнем основания уголовно-правового запрета.

¹⁹⁶ Там же. С. 22.

¹⁹⁷ См.: Там же. С. 22-23.

Далее Т.А. Плаксина пишет о том, что степень зрелости оснований, развивающихся в рамках разных этапов их эволюции, неодинакова: каждому из этапов соответствует свой уровень развития оснований, ввиду чего определенность их влияния на формирование конкретной нормы уголовного права также различна. «Наименьшей она является для оснований первого уровня как самых отдаленных от результата их развития – уголовно-правового запрета. С позиций философского подхода противоречивые социальные процессы, порождающие антиобщественное поведение и его противоположность – нуждающиеся в защите социальные ценности и связанные с ними общественные отношения, так же, как и другие, более зрелые основания, в итоге оказываются в свёрнутом виде снятыми в уголовно-правовой норме. Однако быть отраженными в её юридическом содержании – признаках состава преступления и санкции, а также напрямую определять её установление (изменение) они не способны. Такое положение объяснимо. Очевидно, что те или иные социальные явления и процессы, взятые как отдельные основания первого уровня, не имеют жёстких (инвариантных) связей с основаниями более высокого уровня, в частности, с определенными видами антиобщественного поведения. Напротив, детерминирующие связи, возникающие в процессе эволюции оснований на отрезке их перехода от первого уровня ко второму, характеризуются множественностью, вариативностью и низкой степенью дифференциации. Это проявляется в том, что конкретный вид антисоциального поведения всегда есть следствие многих причин и, наоборот, различные виды антиобщественного поведения могут быть порождены одними и теми же социальными противоречиями. Поэтому говорить о том, что какая-либо норма вызвана к жизни какими-то отдельными типичными процессами и явлениями общественной жизни как основаниями первого уровня можно лишь с большой долей условности»¹⁹⁸. Основания ответственности, таким образом, представляют собой не просто сложную систему социальных противоречий и потребностей, но систему, характеризующуюся определенной последовательностью и взаимосвязью этих противоречий и потребностей. Так, за основаниями второго и третьего уровней Т.А.

¹⁹⁸ Там же. С. 24.

Плаксина признает вполне определенное влияние на установление и содержание уголовно-правового запрета¹⁹⁹.

Ученый раскрывает взаимосвязь между основаниями второго и третьего уровней. «Основания второго уровня (социальные ценности и общественные отношения, нуждающиеся в уголовно-правовой охране, а также антиобщественное поведение, направленное против них), сменяясь в процессе диалектического развития новой целостностью, получают отражение в содержании обеих противоположностей этой целостности – в опасности причинения вреда определенным объектам и в социальной потребности в её устранении. В этом смысле основания третьего уровня можно считать проекцией оснований второго уровня на начальную стадию процесса правообразования»²⁰⁰.

Необходимо подвести итог обзору концепции социальных оснований уголовной ответственности, разработанной Т.А. Плаксиной. Она выделяет три уровня этих социальных оснований:

1-й уровень: социальные процессы и явления и возникающие в ходе их развития противоречия;

2-й уровень: противоречие между социальными ценностями, общественными отношениями, в существовании и воспроизводстве которых заинтересовано общество, с одной стороны, и антиобщественным поведением, направленным против этих социальных ценностей и общественных отношений – с другой;

3-й уровень: противоречие между опасностью причинения вреда социальным ценностям и общественным отношениям, с одной стороны, и социальной потребностью в уголовно-правовой охране социальных ценностей и общественных отношений, адекватной существующей опасности – с другой.

Итогом развития этих противоречий выступает создание соответствующей уголовно-правовой нормы, т.е. установление уголовной ответственности за определенное преступление. в целом можно отметить, что в соответствии с таким подходом социальными основаниями ответственности предлагается считать разного рода

¹⁹⁹ См.: Там же. С. 24-25.

²⁰⁰ Там же. С. 26.

противоречия в общественной жизни, возникающие между интересами общества и конкретным поведением его отдельных членов, несущим угрозу этим интересам. Общество, в целях защиты своих интересов, посредством государства, устанавливает ответственность за поведение, способное причинить вред его интересам, оберегая себя, таким образом, от общественно опасного поведения.

Можно заметить, что подход Т.А. Плаксиной позволяет увидеть в философских и социальных основаниях уголовной ответственности, предлагаемых В.Д. Филимоновым, общее, что дает возможность считать их только социальными основаниями ответственности, пусть и трактуемыми в определенной части с философской точки зрения. В связи с этим, вопрос о философских основаниях ответственности мы пока оставим открытым и попытаемся разобраться, что же именно следует таковыми считать.

2.3. К вопросу о философских и социальных основаниях юридической ответственности за правонарушение (основаниях первого уровня)

На основании проведенного обзора концепций социальных и философских оснований уголовной ответственности, представленных томской школой уголовного права, хотелось бы отметить, что модель социальных оснований, предлагаемая учёными, вполне научно обоснована, и может быть взята в разработку применительно к общей теории юридической ответственности. В соответствии с этим, под ***социальными основаниями юридической ответственности***, на наш взгляд, необходимо понимать *систему противоречий в обществе между потребностью в защите и воспроизводстве социально ценных благ, с одной стороны, и антиобщественным поведением, представляющим опасность для этих благ – с другой, для снятия и разрешения которых требуется установление юридической ответственности.* Только при наличии такого рода оснований конкретная норма юридической ответственности может считаться социально обусловленной. В вопросе об уровнях и конкретном содержании этих оснований необходимо согласиться с подходом Т.А. Плаксиной.

Что же касается философских оснований юридической ответственности, то В.Д. Филимонов, по сути, говорит не о них, а о

философской трактовке оснований уголовной ответственности, именно так называется параграф его работы, посвящённый этим основаниям, следовательно, мы не можем применить его разработки для решения данной общетеоретической задачи. Поэтому для прояснения вопроса о философских основаниях юридической ответственности необходимо обратиться к другим научным трудам. Среди доступных работ теоретиков, как правило, вопрос о философских основаниях ответственности не ставится. Если же обратиться к уголовно-правовой науке, то достаточно подробно о философских основаниях уголовной ответственности рассуждает профессор А.В. Наумов. Рассмотрим его совместную с американским профессором Дж. Флетчером работу «Основные концепции современного уголовного права».

А.В. Наумов рассматривает вопрос о том, какие в истории правовой мысли существовали философские концепции об основаниях уголовной ответственности и наказания. «Философский аспект проблемы связан с ответом на вопрос, в каких случаях (когда) и почему лицо способно и должно отвечать за совершенное им преступление в уголовном порядке»²⁰¹. Учёный отмечает, что примерно с XVIII в. по обозначенной проблеме в философии и юриспруденции идут споры между детерминистическим направлением (признававшим всеобщую закономерную связь и причинную обусловленность явлений в природе и обществе) и индетерминистическим (отрицавшим её). «Индетерминизм как философское направление исходил из признания полной (абсолютной) свободы воли, в конечном счете не зависящей от внешних условий и обстоятельств»²⁰². Идея индетерминизма о свободе воли преступника как основания уголовной ответственности, по мнению А.В. Наумова, явилась обоснованием так называемой *классической школы уголовного права* как о причинах преступного поведения, так и следующих за ним уголовно-правовых последствиях, фактически же эта концепция приводила к отказу от исследования проблемы причин преступности, что учёный признает одним из самых слабых мест указанной школы, и называет причиной разочарования в конце XIX века юристов в её

²⁰¹ Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юрист, 1998 С. 128.

²⁰² См.: Там же. С. 128.

исходных концепциях²⁰³. На сегодняшний день необходимость исследования причин преступности ни у кого не вызывает сомнений, ведущие криминологи подробно аргументируют значимость такого рода исследований²⁰⁴.

«По иному обосновывалось основание ответственности, в том числе и уголовной, представителями детерминистического направления. Последнее проявлялось в двух разновидностях: механистического и диалектического детерминизма. С позиций первого человек – слепая игрушка внешних обстоятельств. Он никогда и ни в чём не бывает свободным, его поступки всегда детерминированы внешними обстоятельствами. Такие взгляды в наиболее полном виде были развиты представителями французского детерминизма XVIII в. К отрицанию свободы воли у человека их привело отождествление проблемы необходимости в природе и в обществе. Они считали, что поведение людей в обществе предопределено в такой же мере (такой же необходимостью), как и любые процессы в природе. Этим обусловлено их отрицание активной роли человеческого сознания и человеческой воли... Какие же выводы из этого делали французские материалисты применительно к проблеме оснований уголовной ответственности и наказания? Ведь если человек не свободен в своих поступках (тот же преступник, совершая преступление), то какие принципы должны быть положены в основание его ответственности? В чём будут заключаться нравственные отправления его наказания? Их позиции на этот счёт также были обусловлены общей предпосылкой об отождествлении необходимости в природе и обществе. На действия преступников, причиняющих вред обществу, они смотрели так же, как на причинение ему вреда в результате естественных природных процессов (например, наводнения). В связи с этим общество, по их мнению, должно бороться с преступниками, так же, как и со стихийными бедствиями. Общество поэтому и может и должно в целях самосохранения наказывать тех, кто пытается вредить ему. И как преступник фатально предрасположен к совершению

²⁰³ См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998 С. 128-129.

²⁰⁴ Например, В.В. Лунеев в недавнем Курсе мировой и российской криминологии пишет, что «причинность преступления в криминологии – вопрос главный». См.: Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть / В.В. Лунеев. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 460 и далее.

преступления, в такой же мере общество неизбежно должно прибегать к защите своих интересов путём его наказания»²⁰⁵. Перед нами две крайности, два «радикальных» объяснения права общества и государства на наказание. И, хотя истина должна быть, видимо, где-то между ними, думается, что для определения граней содержания философских оснований юридической ответственности необходимо рассмотреть и другие подходы к этому вопросу, тем более, что А.В. Наумов достаточно подробно их анализирует в дальнейшем изложении.

«К иным выводам приходили представители другого направления в детерминизме – так называемого вульгарного материализма (Молешот, Бюхнер), что предопределялось и их исходными философскими посылками. По их мнению, решающее влияние на поведение личности оказывают факторы естественно-биологического цикла. Сюда они относили пищу, климат, почву страны проживания, наследственность, характер. Среди них самыми решающими признавались наследственные начала. Это привело их к мысли о существовании прирожденного преступника... Эти философские взгляды легли впоследствии в основу антропологической школы уголовного права и в известной мере социологической школ. Основоположником первой был итальянский врач-психиатр Ч. Ломброзо (1835-1909), пытавшийся доказать, что преступность – явление биологического характера. Он считал, что преступник – это особый биологический тип, имеющий свои антропологические признаки, что тот или иной человек рождается преступником, и он не может быть исправлен... Социологическая школа уголовного права (Лист, Принс, Ван-Гамель, И.Я. Фойницкий) восприняли у теоретиков «вульгарного» материализма положения о влиянии естественной среды (климата, питания) на деятельность человека и на преступное поведение, включив в учение о факторах преступности и главное их положение – о фатальной предопределённости человеческого, в том числе и преступного, поведения, отрицающего роль сознания человека»²⁰⁶. Представители антропологической школы на основе своих данных предлагали упразднить уголовное наказание и его судебную процедуру,

²⁰⁵ Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998 С. 129-130.

²⁰⁶ См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998 С. 130-131.

заменив суд специальными административными органами, призванными определять наличие у того или иного субъекта черт «преступного человека» и решать вопрос о мерах безопасности, которые должны были быть применены к нему; социологическая же школа выдвинула теорию «опасного состояния личности», в соответствии с которой в обществе есть люди, образ жизни которых или их физические или психические особенности опасны для общества, причём эта опасность может быть и не связана с совершением конкретного преступления, поэтому, в целях защиты общества представители данной школы предлагали, в отличие от представителей антропологической школы, наряду с наказанием за совершенные преступления применять меры безопасности²⁰⁷.

Таким образом, мы наблюдаем ещё два направления крайнего порядка, допускающие разного рода категоричные суждения по вопросу обоснования ответственности человека. Стоит сказать, что и антропологическая, и социологическая школы существенно обогатили деликтологию и юриспруденцию, привлекая внимание исследователей к личности преступника и к причинам и условиям внешней среды, побудившим его к совершению преступления. На сегодняшний день встречается точка зрения, согласно которой школа Ч. Ломброзо выступает более гуманной, нежели современное уголовное право. «Современная теория юридической ответственности гораздо менее «человечна», чем, например, органическая теория Ч. Ломброзо. Сегодня каждый человек «подсажен на иглу» свободы воли, каждый рассматривается как носитель генератора свободных чисел: современное правопонимание предполагает, что любому человеку в любой момент может прийти в голову идея совершить правонарушение. Отсюда «обоснованность» пусть и мягкого, но постоянного превентивного контроля над членами общества, ведь всякий рассматривается в качестве потенциального правонарушителя. В электропоезде, здании аэропорта и т.п. часто можно услышать: «В целях вашей безопасности ведется видеонаблюдение». Скорее, не для безопасности членов общества, а для оправдания и поддержания системы. Если Ч. Ломброзо объявлял правонарушителями лишь часть общества, то современная «гуманная» концепция свободы воли возводит такое обвинение в принцип и

²⁰⁷ См. подробнее: Там же. С. 131.

рассматривает каждого как потенциального нарушителя права. Причём такой подход «постоянно подогревает время от времени исчезающее чувство виновности: истощающаяся вина подогревается законом»²⁰⁸. Трудно не согласиться с автором этой точки зрения, в этом свете объяснимы и появившиеся на сегодняшний день концепции позитивной уголовной ответственности, и позитивной ответственности в целом²⁰⁹.

Вернемся к рассмотрению концепций философских оснований юридической ответственности, предлагаемых А.В. Наумовым. Он пишет о диалектико-материалистическом детерминизме, в рамках которой была произведена попытка объединить детерминизм с индетерминизмом (причинную обусловленность человеческого поведения со свободой воли), оказавшая серьёзное влияние на решение проблемы оснований уголовной ответственности в науке советского уголовного права. «Диалектический материализм (Ф. Энгельс), признавая детерминирующую роль внешней среды, одновременно признавал и активную роль человеческого сознания, однако фактически отдавал предпочтение в конечном счёте всё-таки первому»²¹⁰. Исходя из этой концепции формулировалось и доминировавшее в советской юриспруденции уголовно-правовое толкование свободы воли, длительное время служившее методологическим обоснованием уголовной ответственности. «В соответствии с ним, с одной стороны, поведение людей в конечном счёте детерминировано их общественным бытием, с другой – последнее не исключает ответственности человека за свои поступки. Подвергающийся воздействию внешних обстоятельств человек, в том числе и преступник, способен принимать решения и действовать определенным образом для достижения своих целей. Выбор лицом варианта поведения в каждом конкретном случае основан на знании и понимании им существующих связей между явлениями внешнего мира и на учёте требований, предъявляемых ему законом. Выбирая определенное поведение, совершая, например, преступление, человек в сложившейся ситуации для

²⁰⁸ Васев И.Н. Субъективное право как общетеоретическая категория: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 28-29.

²⁰⁹ См. например: Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. С. 144-165. и др.

²¹⁰ См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998. С. 133.

достижения поставленных целей может эти требования сознательно игнорировать либо сообразовывать с ними свои поступки. Способность преступника действовать «со знанием дела» и выступает обоснованием его уголовной ответственности»²¹¹.

А.В. Наумов выступает с критикой такого подхода к определению оснований ответственности. Он отмечает, прежде всего, что распространение этой концепции на неосторожные преступления, особенно совершенные по небрежности, представляет собой определенного рода лукавство. Кроме того, он отмечает, что такая трактовка основания ответственности означала признание «жесткого двойного детерминирования преступного поведения. Во-первых, это детерминированность его условиями и обстоятельствами, в которых оказалось лицо, совершившее преступление. Во-вторых, это детерминированность уровнем его сознания, нравственными и другими личностными качествами субъекта. Получалось, что всякий раз, хотя для преступника вроде бы и существовал выбор, конечное его решение было «обречено» в пользу выбора преступного поведения. Думается, в подобных случаях налицо явная механистичность и упрощённость подхода к рассматриваемой проблеме с её «креном» в сторону излишней детерминации преступного поведения за счет снижения богатства содержания психической (в первую очередь интеллектуальной) деятельности человека»²¹².

Как видим, в истории правовой мысли существовало значительное количество школ, тем или иным образом объясняющих, оправдывающих существование юридической ответственности, т.е. формулирующих её философские основания. В основном, выше названные школы в этой проблеме касаются вопроса о свободе воли человека, о его способности осознавать характер и содержание своих действий и руководить ими. Между тем, на наш взгляд, этим не ограничивается проблема философских оснований, другой её аспект связан с легитимацией права общества и государства наказывать преступников.

Из современных учёных проблему легитимации уголовного права поднимает в своих работах Ю.Е. Пудовочкин. Под легитимацией уголовного

²¹¹ См., например: Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 2. М., 1970. С. 217-236; Советское уголовное право. Общая часть. М., 1988. С. 24-26.

²¹² См.: Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристъ, 1998. С. 135.

права учёный понимает обоснование либо отрицание социальной и правовой необходимости как самого существования, а тем самым и применения уголовно-правовых норм, так и в оценке права государства на насилие, осуществляемого путём применения наказания и мер социальной безопасности, возможных даже при отсутствии виновности в совершении преступления²¹³. «В современных условиях право государства на наказание преступников следует выводить из самого понятия государства и его основных социальных функций... право государства на наказание преступника детерминировано его сущностью и функциями, заключающимися в поддержании установленного в интересах каждого отдельного человека и общества в целом правопорядка»²¹⁴. Отсюда следует, что право государства на наказание преступников определяется уже самой его природой: «Наиболее важной, качественно постоянной чертой государства является то, что оно во всех своих разновидностях всегда выступает как единственная организация политической власти, управляющая всем обществом. В научном и практическом смысле всякая власть есть управление. Государственная же власть это особый вид управления, характеризующийся тем, что обладает наряду с колоссальными организационными возможностями еще правом применения насильственного принуждения для исполнения государственных велений»²¹⁵.

Ю.Е. Пудовочкин выделяет и другие аспекты легитимации уголовного права (права государства на наказание, т.е. на применение мер ответственности по отношению к преступникам). «Рассуждения о легитимации уголовного права, наряду с анализом потребности общества в устойчивом развитии, требуют обращения к вопросу о возможности уголовно-правовой реакции на преступление, который, как представляется, непосредственно связан с философским аспектом детерминации преступности, а именно с вопросом о свободе воли человека, который в процессе удовлетворения своих потребностей сталкивается (или не

²¹³ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 7.

²¹⁴ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 9-10.

²¹⁵ Теория юриспруденции: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. Калуга: Изд-во РАП, 2007. С. 53.

сталкивается) с необходимостью выбора той или иной модели поведения»²¹⁶. Дальнейшие рассуждения автора как раз связаны с теми крайностями в решении этого вопроса философами, которые мы выше рассматривали в интерпретации А.В. Наумова.

Таким образом, философский сегмент оснований юридической ответственности первого уровня включает в себя три аспекта: 1) обоснование права общества на применение мер принудительного воздействия по отношению к тем его членам, которые своим поведением причиняют вред общественным или личным интересам, или создают угрозу причинения такого вреда; 2) обоснование представления о государстве как о единственном представителе и выразителе интересов всего общества; 3) обоснование концепции свободы воли человека. При сочетании указанных трёх аспектов ответственность обосновывается и оправдывается «сверху» - с точки зрения государства, его деятельности, и «снизу» - с точки зрения способности субъекта руководить своими действиями и осознавать причины и характер применяемых к нему мер принуждения.

Нельзя не обратить внимание на то, что Ю.Е. Пудовочкин ведёт речь ещё и о правовых основаниях легитимации уголовной ответственности. Он указывает на международно-правовую базу ограничений прав и свобод человека и гражданина: в качестве допустимых целей ограничений прав и свобод человека в международных документах указываются интересы государственной (национальной) безопасности, общественного благосостояния, общественной безопасности, общественного порядка и общественного спокойствия, охрана территориальной целостности, интересы экономического благосостояния, предотвращение беспорядков и преступлений, охрана морали, здоровья, прав и свобод других лиц, защита их репутации; кроме того, особые требования к указанным ограничениям устанавливает и Конституция РФ²¹⁷. В итоге, система легитимирующих уголовную ответственность, уголовное право юридических факторов, выдвигаемая Ю.Е. Пудовочкиным, сводится им в несколько компонентов:

²¹⁶ Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 11.

²¹⁷ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 13.

1) легитимации уголовного права служит не только высокое правовое обоснование возможности ограничения прав человека, но также соблюдение строго установленной формы, процедуры принятия и применения уголовно-правовых актов;

2) легитимация уголовного права также предопределяется прочно устоявшимся пониманием уголовного наказания в качестве необходимого, но «последнего» из средств, имеющихся в распоряжении государства для поддержания правопорядка²¹⁸;

3) уголовное право является лишь одним из возможных, при этом далеко не главным, не всеобъемлющим, не универсальным, не приоритетным, но при всём при этом крайне необходимым, средством воздействия на преступность;

4) не требует особого доказывания положение о том, что государство имеет право на применение уголовного наказания лишь в том случае, когда им (или при его участии) была налажена система профилактического воздействия на преступность и лиц, склонных к совершению преступления, проведен комплекс общесоциальных и специально-криминологических мер профилактики, созданы условия, обеспечивающие населению непреступный путь удовлетворения их основных потребностей, в связи с чем очевидно, что уровень легитимности уголовного права будет тем выше, чем выше будет качество функционирования системы социальной профилактики преступности;

5) учет возможностей и последствий применения уголовного наказания в практике предупреждения преступности выступает в качестве одного из обязательных условий признания уголовного права легитимным;

6) легитимность уголовного права напрямую связана с его социальной, криминологической, научной обоснованностью, с его способностью адекватно отражать потребности общества в защите основных благ.²¹⁹

Такое обильное цитирование труда Ю.Е. Пудовочкина требует особого обоснования. Дело в том, что из всех пунктов легитимации уголовного

²¹⁸ На крайнюю необходимость использования уголовной ответственности в упорядочении общественных отношений указывает В.Д. Филимонов. См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству. М.: ЮрИнфоР, 2008. С. 45.

²¹⁹ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. С. 14-20.

права, приводимых ученым, с необходимостью вытекает целесообразность рассмотрения не только оснований юридической ответственности второго уровня (фактических и правовых), но и глубинных оснований первого уровня (философских и социальных). Игнорирование составляющих эти основания обстоятельств, или хотя бы непризнание за ними статуса самостоятельных оснований юридической ответственности, на наш взгляд, способно привести к неоправданным и необоснованным законодательным решениям в области установления ответственности за то или иное деяние.

Итак, философский сегмент оснований юридической ответственности первого уровня включает в себя обоснование права общества на применение мер принудительного воздействия по отношению к тем его членам, которые своим поведением причиняют вред общественным или личным интересам, или создают угрозу причинения такого вреда; обоснование представления о государстве как о единственном представителе и выразителе интересов всего общества; обоснование концепции свободы воли человека. При сочетании указанных трёх аспектов ответственность обосновывается и оправдывается «сверху» - с точки зрения государства, его деятельности, и «снизу» - с точки зрения способности субъекта руководить своими действиями и осознавать причины и характер применяемых к нему мер принуждения. Под социальными основаниями юридической ответственности, на наш взгляд, необходимо понимать систему противоречий в обществе между потребностью в защите и воспроизводстве социально ценных благ, с одной стороны, и антиобщественным поведением, представляющим опасность для этих благ – с другой, для снятия и разрешения которых требуется установление юридической ответственности. Только при наличии такого рода оснований конкретная норма юридической ответственности может считаться социально обусловленной.

Обозначив содержательные рамки оснований юридической ответственности первого уровня можно перейти к исследованию оснований второго уровня – уровня конкретного юридического казуса, разрешением которого будет, при наличии оснований первого уровня, назначение конкретному субъекту обусловленной характером и содержанием

совершенного им деяния и его личности меры юридической ответственности.

2.4. Правовые и фактические основания юридической ответственности за правонарушение (основания второго уровня)

Перейдём теперь к анализу оснований юридической ответственности второго уровня – уровня конкретного правонарушения. К таковым относятся правовые основания и фактические основания – норма права, предусматривающая ответственность, юридический факт правонарушения при наличии в нём всех признаков состава этого правонарушения, и акт применения права, в котором устанавливается соответствие между нормой и фактом и определяется мера юридической ответственности правонарушителя.

Прежде всего, рассмотрим юридическую сторону вопроса – правовые основания ответственности. В качестве таковых общепризнанным считается выделение нормы права (нормативного основания юридической ответственности) и акта применения права (организационного или процессуального основания юридической ответственности). Касательно приведенных оснований отметим лишь то, что по своей сути любая логическая норма несет в себе потенциал ответственности, располагая таким структурным элементом как санкция, которая вступает в действие в случае нарушения правила, содержащегося в диспозиции. Поэтому проблематично говорить о какой-то особой норме юридической ответственности, если таковой способна стать любая норма права (логическая). Главным здесь является то обстоятельство, что ответственность, для того чтобы ей обязательно наступить, нормой права должна быть предусмотрена. То же самое касается и акта применения права. Мы не выделяем его в самостоятельное основание юридической ответственности по той простой причине, что его невозможно от нормативного основания отделить, без него он просто немыслим. То же самое можно сказать и про норму права, которая сама по себе, даже при наличии юридического факта правонарушения, не способна повлечь юридическую ответственность, поскольку заключение об этой ответственности, её основании, виде и размере, может быть сделано только в рамках соответствующего акта применения права, принятого

компетентным органом в установленном законом порядке. Именно поэтому на сегодняшний день есть можно утверждать о наличии единого правового основания юридической ответственности, включающего нормативный и организационный (правоприменительный) элементы.

Более подробно представляется необходимым рассмотреть фактические основания юридической ответственности за правонарушение. Сложность построения системы таковых оснований обусловливается взаимосвязями внутри компонентов этих оснований, их соотношением между собой, а также неоднозначной трактовкой отдельных составных частей таких оснований. Речь идет, разумеется, о правонарушении и о его составе.

Предварительно стоит отметить, что юридическая ответственность в объективной правовой действительности выражается в двух правоотношениях – материально-правовом и процессуально-правовом. Всякое же правоотношение, наряду с нормой права, должно иметь порождающий его юридический факт. «Юридический факт – это конкретное жизненное обстоятельство, с которым нормы права связывают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение правоотношений)»²²⁰, - отмечает С.С. Алексеев. Таким юридическим фактом – событием социальной действительности, жизненным обстоятельством, порождающим правоотношения ответственности, выступает правонарушение. Необходимо также увязать правонарушение с понятием фактического основания ответственности. Что такое «основание» мы выяснили, что же касается характеристики «фактическое», то под ней необходимо разуметь реальное жизненное обстоятельство, порождающее юридическую ответственность самим фактом своего существования. Кроме того, необходимо отметить, что при рассмотрении правонарушения в теоретико-правовой литературе традиционно освещается ещё ряд смежных вопросов, которые мы тоже не можем не рассмотреть.

Юридически значимое поведение: понятие, разновидности. Поведение людей имеет разное отношение к нормам права. То поведение, которое подпадает под действие правовых норм, которое образует предмет правового

²²⁰ Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. С. 336.

регулируемого, необходимо считать правовым поведением. По мнению академика В.Н. Кудрявцева, «правовое поведение в самой общей форме можно определить как социально значимое поведение индивидуальных или коллективных субъектов, подконтрольное их сознанию и воле, предусмотренное нормами права и влекущее юридические последствия»²²¹. Правовое поведение по сути своей неоднородно, оно может быть как соответствующим нормам права, так и осуществляемым вразрез с правовыми предписаниями. Отсюда принято говорить о правомерном и противоправном поведении людей. Таким образом, мы имеем в соответствии с обозначенным подходом две большие классификационные группы – неправомерное поведение, которое безразлично нормам права, не входит в предмет правового регулирования, и правомерное поведение, урегулированное правом. В свою очередь, опосредуемое правом поведение распадается на правомерное и противоправное поведение.

Впрочем, на сегодняшний день для обозначения указанного в качестве правового поведения в теории права используется и другой, на наш взгляд, более удачный термин – юридически значимое поведение. Например, по мнению В.Л. Кулапова, «юридически значимое поведение – это урегулированное правом типичное социально значимое и сознательно волевое поведение субъектов, влекущее юридические последствия»²²². По сути, это определение идентично определению правового поведения, приводимого В.Н. Кудрявцевым, нам сам термин видится более точным и подходящим для характеристики поведения, входящего в предмет правового регулирования. Указанный автор приводит систему признаков юридически значимого поведения: 1) это поведение представляет собой систему деяний, совершаемых в продолжительный период времени, реализующих внутренние и внешние побуждения человека; 2) это социально значимое, типичное и сознательное волевое поведение, поддающееся как внутреннему (со стороны самого субъекта), так и внешнему (со стороны органов, представляющих государство) контролю; 3) это поведение получает государственную оценку и официальное документальное закрепление в правовых предписаниях, четко и детально определяющих границы

²²¹ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982. С. 41.

²²² Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 567.

запрещенного и дозволенного; 4) оно влечет юридически значимые (позитивные или негативные) последствия²²³. Таким образом, по сути, юридически значимое поведение идентично предмету правового регулирования, т.к. представляет собой совокупность общественных отношений, поддающихся внешнему воздействию и требующих такого воздействия со стороны позитивного права. В качестве разновидностей юридически значимого поведения с точки зрения его соответствия нормам права необходимо назвать правомерное поведение и противоправное поведение, о них речь пойдёт далее.

Правомерное поведение представляет собой поведение людей, осуществляемое в соответствии с правовыми предписаниями, поощряемое государством, или получающее от государства молчаливое одобрение. Последняя разновидность государственного реагирования трудно выводима из объективной действительности, и задумывалась учёными в целях заполнения вакуума между позитивной (поощрение) и негативной (наказание) реакциями государства на поведение людей. Так или иначе, но и опровергнуть существование молчаливого одобрения государством правомерного поведения, не подпадающего под меры поощрения, так же проблематично, однако, необходимо заметить, что коль скоро государство закрепляет какие-то правила на уровне устанавливаемых им правовых норм, то разумеется исполнение этих правил оно будет одобрять, пусть даже и не выказывая это одобрение в виде каких-то актов. Само существование норм позитивного права говорит в пользу одобрительного отношения субъекта их установления к их соблюдению.

В науке на сегодняшний день представлены различные подходы к определению правомерного поведения. Так, по мнению В.В. Оскомытного, правомерное поведение личности представляет собой обусловленную её культурно-нравственными воззрениями и жизненным опытом деятельность в сфере социального действия права, основанную на сознательном

²²³ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 567.

выполнении его целей и требований, которое выражается в их соблюдении, исполнении и использовании²²⁴.

Правомерное поведение в своей массе неоднородно, существует, по меньшей мере, пять основных его разновидностей. Социально активное поведение не только является поведением, соответствующим нормам права, но и предполагает гражданскую активность индивида, его инициативность, когда он, условно говоря, «перевыполняет» возложенные на него государством обязанности, и заслуживает этим самым поощрение со стороны государства. Это, по-видимому, самый желательный для государства вид правомерного поведения. В качестве основного, доминирующего вида правомерного поведения необходимо рассматривать законопослушное правомерное поведение, когда субъект соблюдает нормы в силу того, что они есть. Не настолько сознательным, но от того не менее положительным будет являться такой вид правомерного поведения, как поведение привычное, когда субъект права поступает в соответствии с правовыми нормами в силу привычки, просто потому, что он не представляет иного варианта поведения, потому что привык вести себя правомерно. Три указанных вида характеризуются ещё и тем, что индивид не совершает правонарушений ввиду того, что неправомерное поведение противоречит его внутренним установкам, а правомерное поведение – соответствует.

Два других варианта поведения хотя и относятся к ряду правомерных, однако уже не являются с очевидностью положительными, одобряемыми, как социально активное, законопослушное и привычное. При конформистском поведении индивид ведёт себя правомерно постольку, поскольку правомерно ведут себя окружающие его люди. При смене же окружения, и ввиду отсутствия чётких социальных установок, субъект меняет и своё поведение «в угоду толпе», т.е. если окружение настроено противоправно, то и индивид начинает вести себя таким же образом. Маргинальное поведение являет собой иную аналогичную разновидность правомерного поведения, с тем лишь отличием от предыдущей, что в этом случае индивид ведёт себя правомерно из страха перед наказанием, при

²²⁴ См.: Оскамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы). Дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Оскамытный. – Киев, 1990. С. 13.

наличии же возможности так или иначе избежать ответственности, легко отступает от требований правовых предписаний. Маргинальное и конформистское поведение, таким образом, выступают хотя и правомерными, но пограничными видами поведения человека, и удостоиваются не более чем молчаливого одобрения со стороны государства.

Такое обзорное рассмотрение видов правомерного поведения, без углубления в дискуссию об их сущности, вызвано тем, чтобы показать картину, своего рода шкалу, по которой распределяются виды юридически значимого правомерного поведения. Сама же классификация видов правомерного поведения в науке обусловлена необходимостью прогнозирования поведения тех или иных типов людей и планирования государственно-правовых мероприятий с целью повышения уровня правосознания членов общества.

Противоправное поведение представляет собой такое поведение людей, которое так или иначе вступает в противоречие с правовыми предписаниями. Оно, безусловно, влечёт и определённую реакцию со стороны государства, хотя эта реакция имеет определённое своеобразие и далеко не всегда выражается в наказании либо иных мерах юридической ответственности. К разновидностям противоправного поведения необходимо относить, прежде всего, правонарушения, а также объективно противоправные деяния и злоупотребление правом. Правонарушение – базовая разновидность противоправного поведения, определяемая как общественно опасное виновно совершённое деяние, запрещённое законом под угрозой наказания. *Объективно противоправное деяние* отличается от правонарушения тем, что в нём отсутствуют субъективные признаки – виновная совершённость, или ввиду отсутствия у человека, совершившего деяние, необходимых признаков субъекта правонарушения, или ввиду отсутствия необходимого юридически наказуемого психического отношения к содеянному (вины в правовом смысле). Это, однако, не устраняет сам факт нарушения правовых норм указанным деянием, факт причинения им вреда законом защищаемым отношениям, хотя лицо, причинившее этот вред, наказанию не подлежит в силу отсутствия требуемого по закону субъективного критерия.

Третьей разновидностью противоправного поведения выступает *злоупотребление правом*, которое заслуживает несколько более подробного рассмотрения. Своеобразие этого вида противоправного поведения заключается в том, что прямого нарушения правовых норм не происходит, однако уже само название данного феномена говорит о его «недоброй» направленности. Анализ содержания статьи 10 ГК РФ приводит к выводу о том, что в ней содержится общий запрет на злоупотребление правом, а также указывается на общие последствия нарушения этого запрета: «1. Не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

2. В случае несоблюдения требований, предусмотренных пунктом 1 настоящей статьи, суд, арбитражный суд или третейский суд с учётом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом.

3. В случае, если злоупотребление правом выражается в совершении действий в обход закона с противоправной целью, последствия, предусмотренные пунктом 2 настоящей статьи, применяются, поскольку иные последствия таких действий не установлены настоящим Кодексом.

4. Если злоупотребление правом повлекло нарушение права другого лица, такое лицо вправе требовать возмещения причинённых этим убытков.

5. Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются»²²⁵.

Здесь мы наблюдаем весьма любопытный пример т.н. общего запрета. Проблеме общих запретов и общих дозволений специальную монографию посвятил С.С. Алексеев. По его мнению, термин «общее» в этом случае понимается как исходное, направляющее начало и, следовательно, не только

²²⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 5 декабря 1994. - № 32. - Ст. 3301.

к кругу лиц, но и к разнообразным жизненным ситуациям, типичным случаям, ряд из которых также получил нормативное закрепление в «противоположных» исключительных предписаниях – исключительных дозволениях или запретах²²⁶. Это мы как раз и видим в сопоставлении пп. 1 и 2 анализируемой статьи. Как пишет далее С.С. Алексеев, общие запреты не могут порождать непосредственные юридические последствия: они как таковые не могут быть непосредственным критерием неправомерного поведения, во всех без исключения случаях значение оснований для определения неправомерности могут иметь только конкретные нормы – либо запрещающие (при наличии общего дозволения либо абсолютного запрета), либо обязывающие и управомочивающие, неисполнение которых, или же выход за границы которых (дозволения) и свидетельствует о правонарушении²²⁷. Отсюда следует, что анализируемая статья 10 ГК РФ, всё-таки, не превращает злоупотребление правом в правонарушение, поскольку является именно общим запретом. Такого рода запрет, прежде всего, не соответствует принципу правовой определённости (одна из ипостасей категории меры), важность которого очевидна в особенности в сфере юридической ответственности.

Однако, даже такой запрет на злоупотребление правом не может не обращать на себя внимание. Конечно, он не переводит это явление в разряд правонарушений, но делает меру гражданского, частного права более определённой, устанавливает, что осуществление субъективного права не только не должно прямо нарушать закон, но и производиться «в обход закона», с явным намерением причинения вреда другому лицу, или же просто недобросовестно. Оперирование такими категориями позволяет вывод, что субъект правотворчества пытается упорядочить отношения гражданского оборота не только с позиции буквы, но и духа закона.

Рассмотрим, однако, как злоупотребление правом трактуется в юридической литературе. В.И. Крусс предлагает несколько вариантов трактовки этого феномена, делая уклон не на гражданско-правовое, а на конституционное понимание злоупотребления правом. «С позиций

²²⁶ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 309.

²²⁷ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М., 2010. С. 302.

конституционного правопонимания наиболее общим образом злоупотребление правом может быть определено как недобросовестное деяние, направленное на осуществление намерений (целей), противных идее конституционного правопорядка, включая несправедливое (неконституционное) приобретение благ посредством: 1) нарушения конституционных принципов правопользования в их актуальном (казуально-ситуационном) сочетании; 2) нарушения основных прав и свобод человека и гражданина (в значении, коренным образом отличном от позитивистского понимания правонарушения); 3) деформации (умаления) конституционных ценностей в силу фактического нарушения их актуального конституционного баланса»²²⁸. В другом месте своей работы, рассуждая о дефинитивных аспектах определения злоупотребления правом, он дает искомому явлению несколько иное толкование: «Злоупотребление правом – это конституционно недопустимое (неправомерное по сути) формально законное недобросовестное деяние (действие или бездействие) субъекта права, нарушающее права и свободы человека и гражданина и способное причинить вред частным или публичным конституционным интересам, а также другим конституционным ценностям. Оно выражается в основных формах: 1) ненадлежащего (недолжного) пользования конституционными правами и свободами человека и гражданина либо уклонения от выполнения конституционных обязанностей; 2) публично-властного противодействия надлежащему (должному) конституционному правопользованию либо не обеспечения необходимых для этого юридических предпосылок»²²⁹. Данную трактовку злоупотребления правом можно считать вполне состоятельной, особенно ввиду того, что её автор рассматривает злоупотребление правом не с традиционных цивилистических, а с конституционно-правовых позиций, предполагая тем самым гораздо более общую характеристику искомого феномена.

Несколько иной подход к пониманию злоупотребления правом демонстрирует А.А. Малиновский. По его мнению, к основным признакам, характеризующим злоупотребление правом как правовое явление, относятся: причинение субъектом в процессе осуществления субъективного права вреда

²²⁸ Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие / В.И. Крусс. – М.: Норма, 2010. С. 33-34.

²²⁹ Там же. С. 61.

другим участникам общественных отношений (личности, обществу, государству), а также осуществление конкретного субъективного права в противоречие с его назначением. «Всё это позволяет сформулировать дефиницию злоупотребления субъективным правом, под которым необходимо понимать такой способ осуществления субъективного права в противоречие с его назначением, посредством которого субъект причиняет вред другим участникам общественных отношений»²³⁰. По сути, автор говорит примерно о том же, о чем говорит и исследование предыдущего ученого, однако, позиция В.И. Крусса нам видится несколько более обоснованной, поскольку он не только говорит в общем о причинении вреда и об использовании субъективного права не по назначению, но и указывает на ту меру, которой следует руководствоваться при определении наличия злоупотребления правом в данном конкретном случае.

Исходя из выше рассмотренного злоупотребление правом можно определить как использование субъективного права с намерением причинить вред другому субъекту права, прямо не нарушающее норму права, но противоречащее её смыслу. Злоупотребление правом как правовое явление лежит в плоскости решения более общей юридической проблемы соотношения «буквы» закона и «духа» закона. Во избежание упрека в ненаучности утверждений думается более рациональным использовать терминологическую конструкцию «смысл закона», которой часто пользуется Пленум Верховного суда РФ, толкуя те или иные положения уголовного закона. Под смыслом закона условимся понимать такую формулировку логической нормы, которая с необходимостью применима для правового регулирования данных общественных отношений, для разрешения данного юридического казуса (ad hoc). Отсюда грань между злоупотреблением правом и правонарушением состоит в том, что если первое нарушает только смысл закона, не нарушая букву, то второе нарушает и смысл, и букву закона одновременно.

Таким образом, необходимо говорить о двух больших разновидностях правового поведения – противоправном и правомерном поведении. Второе распадается на социально-активное, социально-пассивное

²³⁰ См.: Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007. С. 109-110.

(законопослушное), привычное, конформистское и маргинальное, Первое представлено правонарушением, объективно противоправным деянием и злоупотреблением права. Основной разновидностью противоправного поведения, и, ввиду этого, ключевым объектом правоприменительного реагирования государства, выступает правонарушение, к анализу которого мы переходим.

Понятие и признаки правонарушения. Правонарушение характеризуется особенной природой и содержанием как по отношению к видам правомерного поведения, так и по отношению к другим разновидностям противоправного поведения. На сегодняшний день существует несколько законодательных дефиниций правонарушения в зависимости от того или иного вида.

УК РФ в ч. 1 ст. 14 закрепляет положение, согласно которому «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания»²³¹. Ч. 1 ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях указывает, что «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность»²³². Ст. 106 Налогового кодекса РФ дает определение налогового правонарушения: «Налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, налогового агента и иных лиц, за которое настоящим Кодексом установлена ответственность»²³³.

Бюджетный кодекс РФ в 2013-м году перешел от понятия «нарушение бюджетного законодательства» к термину «бюджетное нарушение», и в соответствии с п. 1 ст. 306.1 БК РФ, таковым признается «совершенное в

²³¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17 июня 1996 г. - № 25. – Ст. 2954.

²³² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002. № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

²³³ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31 июля 1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 3 августа 1998. - № 31. - Ст. 3824.

нарушение бюджетного законодательства Российской Федерации, иных нормативных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения, и договоров (соглашений), на основании которых предоставляются средства из бюджета бюджетной системы Российской Федерации, действие (бездействие) финансового органа, главного распорядителя бюджетных средств, распорядителя бюджетных средств, получателя бюджетных средств, главного администратора доходов бюджета, главного администратора источников финансирования дефицита бюджета, за совершение которого главой 30 настоящего кодекса предусмотрено применение бюджетных мер принуждения»²³⁴. В этом определении, помимо своеобразия подхода к субъектному составу, можно увидеть и другие особенности трактовки такого рода деяний в бюджетном законодательстве. Необходимо обратить внимание на второй и третий пункты указанной статьи, которые развивают положения указанной первой части. В соответствии с п. 2 анализируемой статьи БК РФ, «действие (бездействие), нарушающее бюджетное законодательство Российской Федерации, иные нормативные правовые акты, регулирующие бюджетные правоотношения, совершенные лицом, не являющимся участником бюджетного процесса, влечет ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Казалось бы, о чем здесь стоит говорить: специальная ответственность лиц, являющихся специальным субъектом. Однако, п. 3 данной статьи закрепляет правило, согласно которому «применение к участнику бюджетного процесса, указанному в пункте 1 настоящей статьи, бюджетной меры принуждения не освобождает его должностных лиц при наличии соответствующих оснований от ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации». С одной стороны, речь идёт об ответственности коллективного субъекта (участника бюджетного процесса), с другой стороны то, что применяется к этому субъекту, ответственностью прямо не называется, и по содержанию только такая мера принуждения из предусмотренных в ст. 306.2 БК РФ, как пеня (по сути - штраф), может быть названа мерой ответственности, т.е. вступает дополнительной обязанностью субъекта, остальные же мерами ответственности не выступают.

²³⁴ Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 3 августа 1998. - № 31. - Ст. 3823.

Наконец, необходимо затронуть трактовку правонарушения в Трудовом кодексе РФ. В соответствии со ст. 192 ТрК РФ, дисциплинарным проступком выступает неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине трудовых обязанностей²³⁵. Вся же формулировка этой части указанной статьи звучит следующим образом: «За совершение дисциплинарного проступка, то есть неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей, работодатель имеет право применить следующие дисциплинарные взыскания: 1) замечание; 2) выговор; 3) увольнение по соответствующим основаниям». Воспринимая конструкцию дисциплинарного проступка *таким* образом мы можем легко увидеть её типичность и близость по основным характеристикам другим отраслевым конструкциям правонарушений.

К сожалению, иное отраслевое законодательство – гражданское, природоохранное, конституционное, процессуальное и т.д., - не содержит легальной характеристики собственного вида правонарушения. Это может говорить о многом, в том числе о том, что соответствующие виды ответственности ещё не сформировались, либо традиционно в рамках отрасли не принято определять правонарушение на уровне закона. Так или иначе, думается, что названных отраслевых легальных подходов к определению правонарушения вполне достаточно для проведения теоретического обобщения и выведения конструкции признаков и универсального определения правонарушения.

При этом нам видится задача не просто вывести из буквального текста выше приведенных определений общие прописанные в тексте признаки, но дать рабочее определение правонарушения с системой необходимых и достаточных признаков, которое было бы в наибольшей степени универсальным, учитывало бы законодательный подход к видовым определениям правонарушений, и отвечало бы социальным характеристикам деяния, именуемого в праве правонарушением. Последнее требование обусловлено двойственной природой правонарушения, которое не является чисто юридическим явлением, поскольку обладает способностью причинять

²³⁵ Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002, № 1 (ч. 1). - Ст. 3.

вред социальным ценностям, благам, значимым общественным отношениям, в силу чего в определении правонарушения, в конструкции его признаков должно быть выделено место для материального признака правонарушения, характеризующего его социальную природу.

Анализ выше приведенных легальных определений правонарушений разной отраслевой принадлежности позволяет вывести ряд *общих признаков правонарушения как социально-правового явления*:

1. Любое правонарушение – это деяние, это акт внешнего поведения человека. Это означает, что один только голый умысел на что-то противоправное не может выступать основанием привлечения к ответственности, если лицо, его имеющее, не совершило каких либо действий, направленных на его реализацию. По этому поводу часто приводят высказывание В.И. Ленина: «Лишь постольку, поскольку я проявляю себя, постольку я вступаю в область действительности, — я вступаю в сферу, подвластную законодателю. Помимо своих действий я совершенно не существую для закона, совершенно не являюсь его объектом. Мои действия — это единственная область, где я сталкиваюсь с законом»²³⁶. Однако, возникает резонный вопрос: как на сегодняшний день оценивать причинение вреда с помощью таких вещей, как гипноз, нейро-лингвистическое программирование, и т.п.? Можно ли такого рода вредоносные акты считать актами внешнего поведения, т.е. расценивать как деяния, которые в принципе можно квалифицировать как правонарушения, а лиц, их совершивших, привлекать к юридической ответственности?

Традиционная, основанная на методологии, принятой ещё в советское время, материалистической и диалектической, по форме, дает на указанные вопросы однозначно отрицательный ответ. Если мы обратимся к разъяснениям Верховного Суда РФ, посвященным преступлениям, наиболее близким по объективной стороне к названным актам поведения, - мошенничеству, а также причинению имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием без признаков хищения (постановление Пленума ВС РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве,

²³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 12, С. 104. Цит. по: Малеин Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. С. 7.

присвоении и растрате» от 27 декабря 2007 г. № 51²³⁷), то можем увидеть, а вернее не можем увидеть в характеристике обмана как способа совершения названных преступлений, а также в характеристике злоупотребления доверием чего-то, отдаленно напоминающего «нетрадиционные» способы причинения вреда. Пп. 2 названного постановления гласит: «Обман как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество, ответственность за которое предусмотрена статьей 159 УК РФ, может состоять в сознательном сообщении заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение»²³⁸. Получается, что обман заключается в том или ином сообщении / несообщении каких-либо сведений о фактах, информации, вводящей потерпевшего в заблуждение. В дальнейшем содержании постановления ВС РФ также не упоминает ни о чем, похожем на названные нетрадиционные способы. Вопрос о них ставится исключительно в юридической литературе, в отдельных источниках, и лишь в рамках дискуссии. В данном случае юридическая наука движется в русле других наук, которые до сих пор не готовы воспринять гипноз, нейро-лингвистическое программирование и т.п. как точно установленные научные факты. Однако, на сегодняшний день ситуация меняется, и названные, пока паранаучные, феномены вполне имеют возможность войти в число научно признанных феноменов, а значит, корректировать методологию юридической квалификации придется и юридической науки.

Деяние традиционно рассматривается как совершённое в форме действия или в форме бездействия, в зависимости от того, какую обязанность предполагает нарушенной закон: или совершение запрещённых актов поведения, или не совершение обязательных для данного лица актов

²³⁷ «Российская газета», № 4, 12 января 2008 г.

²³⁸ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // «Российская газета», № 4, 12 января 2008 г.

поведения. Другими словами, разграничение между формами деяния исключительно юридическое и исходит из того, какой способ правового регулирования (позитивное или негативное обязывание) в данном случае применяется. Итак, деяние, центральный признак правонарушения, – это акт внешнего поведения, с юридической точки зрения рассматриваемый в двух формах, одна из которых нарушает запрет (действие), а другая – не выполняет обязанность (бездействие). Все последующие признаки правонарушения так или иначе характеризуют деяние, определяют то, каким оно должно быть, чтобы считаться правонарушением.

2. *Это общественно опасное деяние*; данный признак традиционно именуется материальным признаком правонарушения, выступает детищем советской юридической доктрины; общественная опасность означает, что совершённое деяние либо причинило реальный вред личности, обществу или государству, либо в момент совершения создавало угрозу такого причинения²³⁹. Следует сказать, что именно общественная опасность, а не общественная вредность или что-то иное, выступает признаком правонарушения. Если мы обратим внимание на выше названные легальные определения отраслевых видов правонарушений, то можем заметить, что материальный признак на сегодняшний день называется только в определении преступления по УК РФ – общественная опасность. Однако, тот факт, что остальные законы умалчивают о материальном признаке вообще, не говорит с необходимостью о том, что общественной опасностью обладает только преступление. Тому есть ряд причин, самая главная из которых – правонарушение, в отношении которого не установлена общественная опасность в качестве признака, например, гражданско-правовой деликт, может влечь более строгую меру юридической ответственности, чем преступление, которое этой общественной опасностью характеризуется (речь идёт о том, что максимальная сумма возмещения убытков может превышать даже максимальный размер уголовного штрафа; тот же административный арест намного строже, чем обязательные работы, или лишение права занимать определенные должности или заниматься

²³⁹ Ю.Е. Пудовочкин указывает: «Общественная опасность деяния проявляется в том, что оно причиняет или создает угрозу причинения вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям». Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. С. 22.

определенной деятельностью, т.к. предполагает ограничение не только трудовых прав, но и свободы)²⁴⁰.

Более того, если осмыслить эту проблему на более высоком уровне абстракции, то на сегодняшний день отсутствует чёткая лестница между мерами юридической ответственности, предусмотренными разными отраслями права, и нигде не закреплено правило, согласно которому самое мягкое уголовное наказание, которое может быть назначено за общественно опасное преступление, должно превышать самое строгое наказание, предусмотренное за правонарушение другими отраслями права. На сегодняшний же день наблюдается пересечение, к примеру, систем уголовных и административных наказаний. Другие авторы, например, Н.С. Малеин, также разделяют универсальность признака «общественная опасность». По мнению ученого, правонарушение – это сознательный, волевой акт общественно опасного противоправного поведения²⁴¹. Об этом пишет и Л.М. Прокументов в своей недавней работе «Криминализация и декриминализация деяний»: «Отметим, что термин «общественная опасность» в законодательстве применяется только к преступлениям. Что касается других правонарушений, то законодатель применительно к ним не использует данный признак... Тем не менее, данное обстоятельство вовсе не означает, что правонарушениям не присущ признак общественной опасности, поскольку она определяется тем вредом, который причиняется или может быть причинен общественным отношениям. Административные, дисциплинарные, гражданско-правовые правонарушения также причиняют вред интересам государства, общества и отдельным гражданам и в силу этого представляют общественную опасность»²⁴². Далее ученый отмечает, что практически все исследователи по данному вопросу были единодушны в главном – в понимании материальной сущности правонарушений как антиобщественных, т.е. вредных в той или иной мере антисоциальных

²⁴⁰ Подробную аргументацию этого аспекта обоснования общественной опасности как универсального признака правонарушения приводят Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский: См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: Монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007.

²⁴¹ См.: Малеин Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. С. 11.

²⁴² Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 21.

явлений, в силу чего дискуссия по существу носила терминологический характер: как называть вредность преступлений и иных правонарушений – одним термином «общественная опасность» либо различными терминами (так, можно говорить, что иные правонарушения не общественно опасны, а общественно вредны); а порождена эта дискуссия была тем, что некоторые авторы желали подчеркнуть их различие²⁴³.

Получается, что мы имеем, по большому счету, не более чем спор о словах, за которым, по сути, не скрывается объективного социального основания, поскольку даже с обыденной точки зрения различить «опасность» и «вредность» крайне сложно, тем более с точки зрения их способности негативно воздействовать на общественные отношения. Хотя нам термин «общественная опасность» кажется более удачным, чем даже «особая вредоносность», который предлагается В.И. Плоховой²⁴⁴, и далее мы укажем, почему, а пока же приведем ещё одну цитату из работы Л.М. Прокументова. «Представляется, что разграничение понятий «общественная опасность» и «общественная вредность» вряд ли правомерно, поскольку мы имеем дело с однопорядковыми явлениями. Если бы признак общественной опасности был присущ исключительно преступлениям, то не возникало бы никаких вопросов при установлении уголовно-правового запрета или при его отмене, а теории криминализации и декриминализации деяний не существовало бы вовсе. Поэтому признак общественной опасности присущ всем правонарушениям»²⁴⁵. Конечно, даже отсылка к классикам науки не является безапелляционным аргументом в дискуссии, ведь это всего лишь ещё одно мнение²⁴⁶. Но ценность любого мнения заключается в его адекватности реально существующим социальным условиям, и думается, что Л.М. Прокументов вполне реально оценивает отсутствие каких бы то ни было различий между общественной опасностью и общественной

²⁴³ См.: Там же. С. 22-23.

²⁴⁴ См.: Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. С. 264-265.

²⁴⁵ Прокументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 23.

²⁴⁶ Этот вопрос весьма интересно с точки зрения постклассической методологии юриспруденции рассматривает И.Л. Честнов. См. подробнее: История и методология юридической науки: учебник для вузов / под ред. Ю.А. Денисова, И.Л. Честнова. – СПб.: ИВЭСЭП, 2014. С. 240-245.

(социальной) вредностью, оба эти термина в данном случае обозначают одно и то же понятие – свойство деяния причинять реальный вред социальным ценностям, или, по меньшей мере, создавать угрозу для причинения такого вреда. К сторонникам признания общественной опасности свойством не только преступлений, но и иных правонарушений, относится и Ю.Е. Пудовочкин, по мнению которого опасность преступлений по отношению к иным правонарушениям проявляется в её характере и степени²⁴⁷. Из административистов сторонником общественной опасности как признака любого правонарушения выступает, к примеру, П.П. Серков, который в недавней своей работе подробно в рамках рассмотрения административной противоправности анализирует и понятие общественной опасности применительно к разного рода правонарушениям, в частности, к административному правонарушению²⁴⁸.

На наш взгляд, даже некоторые изменения трактовки административного правонарушения в проекте Кодекса об административных правонарушениях РФ, предложенного в минувшем 2015-м году группой депутатов Государственной Думы ФС РФ, не способны существенно повлиять на рассмотрение общественной опасности в качестве признака любого правонарушения, а не только преступления. В соответствии со ст. 3.1 названного Проекта, «административным правонарушением признается виновно совершенное противоправно причиняющее вред охраняемым законом общественным отношениям деяние (действие или бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность»²⁴⁹. В данном определении материальный признак именуется как «противоправно причиняющее вред охраняемым законом общественным отношениям» (на возможность причинения вреда указывает

²⁴⁷ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. С. 25

²⁴⁸ Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 480 с.

²⁴⁹ См.: Проект Федерального закона N 957581-6 "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" // Электронный ресурс. – Электрон. дан. - Проект нового Кодекса РФ об административных нарушениях. – режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/law/doc/pr_koan/

ст. 2.6 Проекта, посвященная принципу справедливости и соразмерности), то же самое можно сказать и про характеристику общественной опасности как признака преступления, которая, как уже говорилось, помимо причинения вреда охватывает и угрозу такого причинения, что делает конструкцию «общественная опасность» более точной в данном аспекте. Также в законопроекте сохранилось понятие малозначительности административного правонарушения. Кроме того, если обратиться к предлагаемой авторами проекта системе административных наказаний (ст. 4.2 Проекта), то обнаружим, что тот же административный штраф может быть назначен в куда большем размере, нежели минимальный штраф по УК РФ, то же самое касается и иных видов наказаний: очевидной лестницы наказаний нет, и даже неочевидной не наблюдается, следовательно, общественной опасностью (способностью причинить вред или создать его угрозу) обладают и те, и другие правонарушения, и речь идет лишь о степени такой опасности, которая определяется индивидуально применительно к каждому определенному составу преступления и административного правонарушения.

В другом законопроекте, также внесенном в ГД РФ в 2015-м году²⁵⁰, также посвященном административным правонарушениям и административной ответственности, предложенным депутатом А.А. Агеевым, дается несколько иное понимание административного правонарушения. Ч. 1 ст. 14 указанного проекта гласит: «Административное правонарушение представляет собой противоправное, то есть противоречащее положениям законов, иных нормативных правовых актов, признанных обязательными для исполнения нормативно-технических документов, действующих на территории Российской Федерации, общественно вредное, то есть причиняющее реальный вред (физический, имущественный, моральный, репутационный, организационный) охраняемым государством общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда, виновное действие (бездействие) индивидуально определенного физического или юридического лица,

²⁵⁰ Кодекс Российской Федерации об административной ответственности: Проект N 917598-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.10.2015) // Электронный ресурс. – Электрон. дан. - Проект нового Кодекса РФ об административных нарушениях. – режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>

обладающего юридической способностью нести административную ответственность, за которое настоящим Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административной ответственности установлена административная ответственность». Как видим, автор, по сути, не привел ни каких характеристик общественной вредности, принципиально отличающих её от общественной опасности преступления. Более того, наличие в ст. 29 Проекта понятия малозначительности административного правонарушения, аналогичного малозначительности преступления, вообще сводит позиционируемое А.А. Агеевым отличие преступлений и административных правонарушений на нет. Правда, в отличие от выше нами рассматриваемого законопроекта, в законопроекте А.А. Агеева, в ч. 2 ст. 14 есть интересная оговорка: «Административная ответственность за правонарушения, предусмотренные Особенной частью настоящего Кодекса или законами субъектов Российской Федерации об административной ответственности, наступает, если данные правонарушения по своему характеру не признаются преступлениями и не влекут за собой в соответствии с законодательством Российской Федерации уголовной ответственности». Но эта оговорка, по нашему мнению, во-первых, озвучивает вполне очевидную вещь, а во-вторых, касается не материального, а формального признака административного правонарушения. Кроме того, исходя из содержания положений Проекта об административных наказаниях, нельзя сказать, что они в любом случае меньше возможных уголовных наказаний. Таким образом, и второй законопроект в области административно-деликтного права не дает нам оснований считать, что предлагается принципиальное изменение подхода к материальному признаку правонарушения, которое провело бы непроходимую черту между преступлениями и административными правонарушениями.

Из сказанного может следовать с достаточным основанием вывод о том, что общественной опасностью характеризуются не только преступления, но и любые правонарушения, вследствие чего необходимо рассмотреть, что же собой представляет это свойство деяния, как оно трактуется в судебной практике, в разъяснениях Верховного Суда РФ, в частности, посвященных назначению уголовного наказания, а также в уголовно-правовой литературе, поскольку именно там анализируется

названная категория. Необходимо отметить, что разница между преступлениями и иными правонарушениями традиционно проводится по показателям, характеризующим общественную опасность. Таковыми в современной российской юридической науке и практике принято считать, по меньшей мере, два:

а) *характер общественной опасности* – это показатель, который, согласно указанию Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 г. в постановлении «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания» (ныне утратившем силу), определяется объектом посягательства, формой вины и категорией преступления (применительно к общей теории права последний критерий можно прочесть как: определяется самим законодателем), и именуется качественной характеристикой правонарушения; по характеру общественной опасности можно различать, во-первых, преступления и административные правонарушения с одной стороны, и все остальные виды правонарушений – с другой, а также, во-вторых – отдельные виды преступлений и административных правонарушений между собой. Это вытекает из того обстоятельства, что в уголовном и административно-деликтном праве под охрану взят примерно схожий круг объектов, одинаковым является и подход к определению форм вины;

б) *степень общественной опасности* – это показатель, который, согласно всё тому же указанию, определяется в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от размера вреда и тяжести наступивших последствий, степени осуществления преступного намерения, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, наличия в содеянном обстоятельстве, влекущих более строгое наказание в соответствии с санкциями статей Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации. То есть, степень общественной опасности правонарушения, если экстраполировать это суждение на общую теорию права, зависит от всех иных обстоятельств совершённого правонарушения и личности правонарушителя, которые не влияют на характер общественной опасности.

Необходимо проанализировать в настоящей работе изменение правовой позиции Верховного Суда РФ по данному вопросу, произошедшее

в самом конце 2015-го года. 22 декабря 2015-го года Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» № 58²⁵¹. В этом постановлении Пленум определяет характер и степень общественной опасности деяния в связи с тем, что уголовный закон требует назначение справедливого наказания, а «согласно ст. 6 УК РФ справедливость наказания заключается в его соответствии характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (абз. 2 пп. 1 указанного Постановления). А справедливость наказания, в соответствии с предшествующим абзацем этого же Постановления, находится в тесной взаимосвязи со строго индивидуальным подходом к назначению наказания, а также способствует решению задач и достижению целей, стоящих перед УК РФ. Все это подчеркивает важность определения содержания понятий «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности», а также необходимость в отслеживании того, как же именно изменилась в этом отношении правовая позиция ВС РФ, а также в предположении возможных причин такого изменения.

«Характер общественной опасности преступления определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления. При учете характера общественной опасности преступления судам следует иметь в виду прежде всего направленность деяния на охраняемые уголовным законом ценности и причиненный им вред»²⁵². Как видим, в отличие от предшествующего постановления, здесь Верховный Суд ставит характер общественной опасности в зависимость от того, на какие ценности посягает деяние и в какой мере. Другими словами, высший судебный орган РФ отказался от использования понятия «объект преступления», а конкретизировал, что имеются в этом случае ввиду охраняемые уголовным законом ценности, видимо, вследствие дискуссионности первого понятия в теории и отсутствия в уголовном законе. Отказался ВС РФ и от связи характера общественной опасности с категорией преступлений, по причине, как думается, расширения в 2011-м году

²⁵¹ См.: Российская газета. Федеральный выпуск № 6861 от 23 декабря 2015 г.

²⁵² О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. Федеральный выпуск № 6861 от 23 декабря 2015 г.

судейского усмотрения, когда суды получили право в силу введенной в действие 16-го декабря 2011-го года ч. 6 ст. 15 УК РФ понижать категорию преступления в соответствии с реально назначенным подсудимому наказанием, что лишило категории преступлений былой жесткости и категоричности, сделало их более неопределенными и, следовательно, эта классификация запрещенных под угрозой уголовного наказания деяний стала не вполне подходящей для качественной характеристики их общественной опасности. Вместо этого Верховный Суд РФ указал, что характер общественной опасности определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления, т.е. произошел переход к более универсальной но, вместе с тем и более абстрактной формулировке. Отказался ВС РФ и от связи характера общественной опасности с формой вины, как это было в предыдущем постановлении. *Таким образом, на сегодняшний день в соответствии с правовой позицией Верховного Суда РФ, характер общественной опасности деяния – это такой её показатель, который определяется уголовным законом и зависит от установленных судом признаков состава преступления, и в первую очередь – от объекта посягательства и причиненного ему вреда.* Качественная характеристика общественной опасности приобрела в большей степени объективный характер и поставлена фактически в зависимость от того, на что посягает деяние, а также в каком объеме.

Однако, анализ понимания Верховным Судом РФ количественной характеристики общественной опасности заставляет несколько уточнить содержание её качественного показателя. «Степень общественной опасности преступления устанавливается судом в зависимости от конкретных обстоятельств содеянного, в частности от характера и размера наступивших последствий, способа совершения преступления, роли подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии, от вида умысла (прямой или косвенный) либо неосторожности (легкомыслие или небрежность). Обстоятельства, смягчающие или отягчающие наказание (статьи 61 и 63 УК РФ) и относящиеся к совершенному преступлению (например, совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания, особо активная роль в совершении преступления),

также учитываются при определении степени общественной опасности преступления»²⁵³. Сопоставление перечня элементов, включаемых ВС РФ в состав характера общественной опасности и степени общественной опасности, позволяет говорить о том, что из элементов состава преступления на характер общественной опасности влияет лишь объект преступления, а также такой показатель, как причиненный объекту вред. При этом, возникает сложность в разграничении указанного показателя с включаемыми в состав степени общественной опасности характером и размером наступивших последствий.

Единственное объяснение, приемлемое при различении указанных характеристик – применительно к степени общественной опасности речь идет о последствиях как признаке состава преступления, касательно же характера общественной опасности говорить о вреде, причиненном объекту преступления, не ограниченном составом преступления, а включающем всё негативное, что несет совершенное деяние охраняемым законом ценностям²⁵⁴. С.В. Землюков, например, пишет, характеризуя преступный вред, что данному феномену присущи два признака: 1) это конструктивный, системообразующий элемент преступного деяния, состоящий из вредного изменения объекта посягательства и являющийся основным объективным показателем его общественной опасности (социальной вредности); 2) обязательный признак состава преступления, влияющий на квалификацию преступления и индивидуализацию ответственности²⁵⁵. Разумно предположить, что Пленум ВС РФ применительно к характеру общественной опасности имеет ввиду первый аспект преступного вреда, а применительно к степени – второй, именуя вред последствиями.

Помимо сказанного можно отметить, что Верховный Суд РФ перенес субъективный признак преступления в степень общественной опасности, причем, если ранее характер общественной опасности деяния зависел в т.ч.

²⁵³ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. Федеральный выпуск № 6861 от 23 декабря 2015 г.

²⁵⁴ О разграничении указанных понятий (последствия, вред, результат) обстоятельно пишет С.В. Землюков. См. например: Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. С. 24.

²⁵⁵ См.: Там же. С. 24.

от формы вины, то ныне степень общественной опасности определяется видом вины. Следует отметить, что если соотношение между умыслом и неосторожностью с т.з. большей или меньшей их опасности более-менее ясно и определено в теории юриспруденции, то с соотношением видов форм вины не все настолько ясно и понятно, кроме того, при формулировке категорий преступлений о видах вины речь не ведется, а указываются именно формы вины. Тем не менее, определенность позиции высшего судебного органа России в новом постановлении стала более ощутимой, нельзя отрицать, что совершенству нет предела, и далеко не все, что хорошо выглядит в теории, будет приемлемо работать при регулировании конкретных общественных отношений. В частности, положительно можно оценить включение ВС РФ смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, указанных в ст. 61 и 63 УК РФ, поскольку на характер общественной опасности они оказывают влияние только тогда, когда выступают конституирующими или квалифицирующими обстоятельствами, да и то не всегда, в иных же случаях, влияя на индивидуализацию наказания, вряд ли есть смысл говорить об определении характера общественной опасности деяния.

При исследовании вопроса о понимании Верховным Судом РФ характера и степени общественной опасности не стоит забывать и про достопамятное Постановление Пленума ВС РФ «О практике назначения судами уголовного наказания» от 11 июня 1999 г. № 40, утратившем силу в январе 2007 года в связи с принятием нового постановления с аналогичным названием. В постановлении от 11 июня 1999 года говорится, что «при учете характера и степени общественной опасности преступления надлежит исходить из того, что характер общественной опасности преступления зависит от установленных судом объекта посягательства, формы вины и отнесения Уголовным кодексом преступного деяния к соответствующей категории преступлений (статья 15 УК РФ), а степень общественной опасности преступления определяется обстоятельствами содеянного (например, степенью осуществления преступного намерения, способом совершения преступления, размером вреда или тяжестью наступивших последствий, ролью подсудимого при совершении преступления в

соучастии)»²⁵⁶. Пожалуй, это наиболее простая трактовка качественного и количественного показателей общественной опасности, утерянная в постановлении от 11 января 2007 г. и вновь возвращенная практически в аналогичном виде в постановлении от 29 октября 2009 г. Но, скажем ещё раз, что простота формулировки, как и её теоретическая точность, сами по себе не говорят о её безусловной применимости в юридической практике и однозначном соответствии уголовному закону. Можно говорить об определенной эволюции понимания Верховным Судом РФ характера и степени общественной опасности, эволюции, с некоторыми оговорками, позитивной и ориентированной в большей степени на практические потребности, нежели на теоретические рекомендации.

Таким образом, на сегодняшний день характер общественной опасности деяния как её качественный показатель, зависит от объекта уголовно-правовой охраны и вреда, причиняемого (причиненного) этому объекту. Степень общественной опасности деяния как её количественный показатель, определяется всеми остальными обстоятельствами совершения этого деяния, в т.ч. теми, которые перечислены в законе как смягчающие и отягчающие наказание. По сути, такой подход позволяет вести речь о сходстве по характеру общественной опасности между преступлениями, административными и налоговыми правонарушениями, и о различии между ними – с одной стороны, и дисциплинарными проступками, гражданско-правовыми деликтами – с другой, ввиду принципиальной разницы в объектах охраны. Но общественной опасностью обладают они все, поскольку причиняют вред охраняемым законом ценностям, или создают угрозу причинения такого вреда. Необходимо, однако, для более полного представления о категории «общественная опасность», рассмотреть, как она определяется в юридической науке.

В юридической литературе по уголовному праву представлены различные варианты содержания концепта «общественная опасность». «Общественная опасность представляет собой объективную реальность, присущую некоторым деяниям в определенных условиях места, времени,

²⁵⁶ О практике назначения судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 № 40 // [Электронный ресурс] – электрон. дан. – «Консультант Плюс» - законодательство РФ: кодексы, законы, указы, постановления Правительства РФ, нормативные акты. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>

обстановки, характера их совершения»²⁵⁷, - отмечает Л.М. Прозументов. Следующее высказывание ученого раскрывает очень важный аспект общественной опасности деяния – её объективность, и, одновременно, субъективность (но не как признак, относящийся к субъекту, а в силу того, что общественная опасность деяния определяется той эпохой, тем историческим временем, в которое оно совершается, и в этом представляется необходимым согласиться с профессором). «От законодательного запрета или его отсутствия не повышается и не понижается объективно причиненный ущерб, выраженный, как правило, в материальных показателях. Общественная опасность определяется с позиций социальных ценностей, принятых в обществе, и является таковой независимо от воли законодателя... Законодатель, выявив факт общественной опасности деяния, может этот факт только зафиксировать в уголовном законе, т.е. «признать» его в качестве преступления, но не «придумать» или «предположить». В то же время общественная опасность как результат социальной оценки деяния субъективна. Социальная оценка деяния в качестве преступления исходит от сознания его (деяния) как общественно опасного. Экономические, политические, социально-психологические, научно-технические, криминологические факторы определяют социальную оценку общественно опасного деяния»²⁵⁸. Отсюда вытекает, что общественная опасность деяния объективна, поскольку её наличие либо отсутствие не зависит от воли законодателя и может всего лишь быть им замечено и учтено при установлении запрета такого деяния под угрозой наказания. Общественная опасность деяния (любой отраслевой принадлежности, направленного на любой объект охраны) субъективна постольку, поскольку, не являясь зависимой от субъективной воли законодателя, она зависит от субъективной оценки того или иного деяния обществом как для него опасного (или не опасного). Таким образом, общественная опасность – это объективно-субъективная категория, поскольку объединяет в себе объективное и субъективное начало в их единстве и борьбе. Из сказанного, кроме того, вытекает и тот факт, что в силу наличия общественной

²⁵⁷ Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 22.

²⁵⁸ Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. С. 23.

опасности в правонарушении (преступлении) первичным выступает социальный сегмент, а правовой является вторичным, но тесно связанным при этом с первым, ввиду чего можно предположить, что правонарушение есть социально-правовое явление, как и предусмотренная за его совершение юридическая ответственность, о чем будет далее сказано несколько подробнее. Пока же продолжим рассматривать теоретическое содержание концепта «общественная опасность».

Т.А. Плаксина проводит обобщение существующих в уголовно-правовой науке позиций в пять пунктов: 1) общественная опасность деяния – это его качественная характеристика, которая детерминируется взаимодействием элементов деяния и общественных отношений как объекта охраны; 2) общественная опасность, являясь качественной характеристикой деяния и придавая ему известное своеобразие, в то же время имеет и свое количественное выражение через категорию степени общественной опасности; 3) для уголовно-правового нормообразования важной представляется общественная опасность не каждого отдельно взятого деяния определенного вида, а так называемая типовая общественная опасность (а точнее, типовая степень общественной опасности) такого рода деяний, определяемая, наряду с объектом, их типичными признаками; 4) распространенность определенного вида деяний не влияет на типовую степень их общественной опасности, т.к. не входит ни в одну из подсистем, результатом взаимодействия которых становится общественная опасность, - ни в объект охраны, ни в элементы деяния как составляющей источника опасности; 5) общественная опасность деяния может рассматриваться: а) как результат взаимодействия объекта охраны (общественных отношений) и источника опасности (деяния); б) как возможность вредоносного воздействия источника опасности на объект охраны²⁵⁹. Такая характеристика общественной опасности дается автором в свете предлагаемой ею конструкции социальных оснований уголовной ответственности.

Обстоятельно раскрывает составляющие общественной опасности и Н.Ф. Кузнецова. По её мнению, общественная опасность характеризуется следующими чертами: 1) Общественная опасность деяния по природе есть

²⁵⁹ См.: Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография / Т.А. Плаксина; под научн. ред. В.Д. Филимонова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 28-30.

объективное свойство преступления, т.е. не зависящее от правовой их оценки законом. Однако становится она свойством именно преступления только после такой её оценки уголовным законом. 2) Общественная опасность – объективно-субъективная категория, определяемая совокупностью всех обязательных элементов состава преступления. 3) УК РФ употребляет понятие и термин «общественная опасность» в двух разновидностях: как объективной и как объективно-субъективной вредоносности. 4) Общественная опасность деяний служит основанием их криминализации законом. 5) Общественная опасность выступает основанием привлечения виновного лица к уголовной ответственности. 6) Характер и степень общественной опасности определяют категоризацию преступлений. 7) Общественная опасность преступления – первый критерий индивидуализации наказания. 8) Общественная опасность – такое специфическое свойство преступления, которое позволяет его отграничивать от иных правонарушений и малозначительных деяний²⁶⁰. Соглашаясь со всеми характеристиками искомой категории, мы бы поправили последнюю: характер и степень общественной опасности позволяют отграничивать преступления от иных правонарушений, а её наличие – от малозначительных деяний.

Стоит отметить, что понятие малозначительности известно не только уголовному законодательству, что также служит подтверждением в пользу универсальности признака общественной опасности для любого вида правонарушения. Ст. 2.9 Кодекса РФ об административных правонарушениях гласит: «При малозначительности совершенного административного правонарушения судья, орган, должностное лицо, уполномоченные решить дело об административном правонарушении, могут освободить лицо, совершившее административное правонарушение, от административной ответственности, и ограничиться устным замечанием»²⁶¹. В соответствии же с ч. 2 ст. 14 УК РФ, «не является преступлением действие (бездействие), хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния,

²⁶⁰ См.: Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 3. Понятие преступления. / отв. ред. В.Б. Малинин. – Издание профессора Малинина. СПб., 2005. С. 68-69 (автор главы – Н.Ф. Кузнецова).

²⁶¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002. № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности»²⁶². И хотя КоАП РФ не предполагает такой строгий подход при малозначительности, исключаящий преступность деяния вообще, но сам факт наличия в нем такой юридической конструкции говорит об обладании административным правонарушением именно общественной опасностью.

Таким образом, *общественная опасность представляет собой такую характеристику деяния, которая выражается в том, что это деяние причиняет вред социально значимым общественным ценностям, либо способно причинить такой вред, т.е. создает угрозу причинения вреда. Учитывая вторую составляющую признака необходимо говорить именно об общественной опасности, как собирательном понятии, охватывающем как сам вред, так и угрозу его наступления.* В связи с этим представляется необходимым не согласиться с А.А. Гогиным, предлагающим заменить признак «общественная опасность» на эквивалент «социальная вредность деяния». «Термин «общественная опасность» - есть субъективное представление и оценочное предположение органов государственной власти, партий, движений, объединений или отдельного индивида о степени социальной вредности конкретного явления, основанное на идеологических, политических, личных и иных взглядах, воззрениях и пристрастиях. В свою очередь, вред – это неблагоприятные последствия психологического, морального, физического или материального характера»²⁶³. Она носит, на наш взгляд, сугубо теоретико-правовой характер и весьма далека от отраслевых юридических реалий. Не вполне ясно, с чего автор приводит именно такую трактовку общественной опасности. Как мы выше убедились, общественная опасность – объективно-субъективная категория, причем, субъективность её может быть признана таковой лишь в самом широком абстрактном и весьма условном смысле, в масштабах же того или иного социума, находящегося на определенном историческом этапе своей жизнедеятельности (культурно-исторического типа) общественная опасность деяний вполне объективна, так как обусловлена бытующими в этом социуме

²⁶² Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17 июня 1996. - № 25. - Ст. 2954.

²⁶³ Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф. дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Гогин. – Казань, 2011. С. 8.

общественными отношениями. А конструкция «социальная вредность деяния», предлагаемая названным, и некоторыми другими авторами, на наш взгляд, не охватывает угрозы причинения вреда. И потом, что мешает всем тем названным А.А. Гогиным субъектам точно также вольно трактовать социальную вредность, как они, по его мнению, толкуют общественную опасность.

Итак, материальный признак правонарушения стоит, с определенными оговорками, признать определяющим, в силу наличия в ряде отраслевых законов конструкции малозначительности, исключающей ответственность или дающей возможность для такого исключения даже при наличии формальной противоправности. Кроме того, этот признак носит преимущественно социальный характер, показывает социальную сущность правонарушения как деяния, причиняющего вред социально значимым благам, так и создающего угрозу причинения такого вреда.

3. *Это виновно совершённое деяние*, т.е. деяние, которое совершено деликтоспособным субъектом при наличии определённой в законе формы психического отношения к содеянному, т.е. вины. Данный признак не следует отождествлять с виной, поскольку он не ограничивается охватом особого, предусмотренного законом психического отношения субъекта к им содеянному (вина), но и предполагает наличие субъекта права, а точнее – субъекта правонарушения (деликтоспособного лица), в принципе способного иметь вину за содеянное в юридическом смысле. Этот тезис вытекает из самой конструкции признака – «деяние, совершенное виновно», поскольку речь идет не о вине, а о совершении деяния виновно, т.е. акцент делается на действующем виновно лице, ведь виновно может действовать только субъект правонарушения – деликтоспособное лицо.

Можно даже предположить (исключительно гипотетически), что такая трактовка признака правонарушения снимает вопрос о том, как быть с ответственностью владельца источника повышенной опасности при отсутствии его вины: становясь владельцем такого источника субъект принимает на себя риск нанесения вреда охраняемым законом интересам, берёт на себя ответственность за последствия владения таким источником, в силу чего его психическое отношение на этапе вступления во владение источником повышенной опасности выступает как предусмотренное

законом и распространяется на весь период владения таким источником. Разумеется, сказанное имеет смысл только в том случае, если мы признаем аксиоматичным утверждение о том, что, возмещая ущерб, его владелец несет именно юридическую ответственность. Однако, рассмотренное нами выше определение юридической ответственности (в негативном смысле) не дает оснований так утверждать, поскольку то, что претерпевает владелец источника повышенной опасности, не характеризуется всей совокупностью признаков юридической ответственности. Исходя из этого, на наш взгляд, т.н. случаи ответственности за невиновное причинение вреда по гражданскому праву, нельзя считать ответственностью – это меры защиты субъективного права, способы обеспечения исполнения обязательств и т.п., но не юридическая ответственность²⁶⁴.

В ряде законодательных определений отраслевых правонарушений используется конструкция «виновное деяние», из буквального толкования которой может быть сделан недвусмысленный вывод о том, что виновным является не лицо, а само деяние, что нельзя назвать иначе как абсурдом. Тем же, кого не смущает словосочетание «виновное деяние», хотелось бы задать вопрос: что есть деяние и что есть вина? Если вину мы будем трактовать с точки зрения её психологической концепции, то она имеет отношение исключительно к субъекту. Деяние же как акт внешнего поведения, совершаемое человеком (здесь, кстати, встает очень большой вопрос о допустимости с т.з. социальной обоснованности юридической конструкции вины юридического лица и рассмотрения такого лица не только как субъекта ответственности, но и как субъекта правонарушения), виновным быть не может по той простой причине, что не является одушевленным, не имеет психики. Кроме того, обращение к иным законодательным актам, и прежде всего, к Конституции РФ, и к УПК РФ, позволяет вести речь именно о виновности и вине субъекта права, а не его поступков (признание виновным/невиновным, презумпция невиновности и т.п.).

Думается в силу сказанного, что конструкцию «виновное деяние» нельзя признать удачной, образцом могла бы выступить применяемая в УК

²⁶⁴ Впрочем, этот вопрос, особенно применительно к квалификации правонарушений, требует более подробного рассмотрения, и хотя мы оставим его за рамками настоящей работы, но рассмотрим в последующих исследованиях проблематики правонарушения и юридической ответственности.

РФ модель «виновно совершенное деяние». Субъективным признаком деяния, таким образом, будет выступать виновная совершенность деяния (правонарушение – это деяние, совершенное виновно). Другими словами, деяние, акт внешнего поведения человека, помимо общественной опасности, должно быть совершено лицом виновно, т.е. при наличии определенного законом в таком качестве (в качестве вины) психического отношения этого лица к содеянному. Чтобы иметь такое психическое отношение, лицо, совершившее правонарушение, должно быть ещё и деликтоспособным. При этом, на наш взгляд, такой признак правонарушения, как совершение его деликтоспособным лицом, не имеет самостоятельного значения, поскольку охватывается таким признаком, как «виновно совершенное деяние»: вполне логично утверждать, что виновно совершить деяние может только деликтоспособное лицо. Исходя из этого, с точки зрения принципа правовой экономии, достаточным признаком правонарушения выступает понимание его как виновно совершенного деяния, который охватывает своим содержанием и субъекта правонарушения²⁶⁵.

На сегодняшний день в теории права, а также в отраслевых юридических науках, прежде всего – в науке уголовного права и в науке административно-деликтного (и административного, если не рассматривать систему норм об административных правонарушениях и административной ответственности за их совершение) права довольно подробно разработана концепция вины и виновной ответственности (ответственности за виновно совершенное деяние). Для уточнения представления о содержании анализируемого признака правонарушения представляется необходимым рассмотреть основные положения этой концепции в названных отраслевых юридических науках.

²⁶⁵ Стоит отметить, что в литературе подобного рода точка зрения, согласно которой признак «виновно совершенное деяние» включает в себя и наличие деликтоспособного лица, имеет место быть. Так, Ю.Е. Пудовочкин указывает на то, что предпосылкой виновного отношения субъекта к своему деянию является его способность к осознанному, свободному выбору того или иного варианта поведения, которая определяется внутренними характеристиками субъекта: вменяемостью, достижением определенного возраста, уровня личностной и социальной зрелости, а также внешними обстоятельствами: отсутствием физического или психического принуждения, наличием реальной альтернативы и возможности безопасного выбора той или иной модели поведения. См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. С. 25-26.

Прежде всего, обратимся к доктрине уголовного права России. Как отмечает Ю.Е. Пудовочкин, такой признак преступления, как «наличие вины лица в совершенном им общественно опасном деянии», предопределен содержанием принципа вины, согласно которому лицо может нести уголовную ответственность только за те действия (бездействие) и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина; уголовная ответственность за невиновное поведение не допускается. «Вина с точки зрения её социальной характеристики, представляет собой пренебрежительное или откровенно негативное внутреннее отношение субъекта к охраняемым уголовным законом ценностям, которое ограничено рамками психического отношения лица к совершенному деянию и его последствиям и выражается в определенном сочетании сознательных и волевых процессов (умысле или неосторожности)»²⁶⁶.

При рассмотрении субъективного признака правонарушения нельзя обойти вниманием позицию мэтра учения о субъективной стороне преступления в современной отечественной науке уголовного права Алексея Ивановича Рарога. Он отмечает, что вина в соответствии с психологическим её пониманием, господствующим в отечественной правовой науке, - это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям; основными категориями, характеризующими вину, являются содержание, форма, сущность, степень и объем²⁶⁷. При этом ученый дает авторское определение вины: «Вина есть психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная или недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей»²⁶⁸. Как видим, в уголовном праве вина связывается исключительно с психическим отношением, что предполагает существование только физического лица в качестве субъекта преступления. Однако, даже такая трактовка вины не

²⁶⁶ Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. С. 25.

²⁶⁷ См.: Энциклопедия уголовного права. В 35 томах. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В.Б. Малинин – 2-е изд. – СПб.: Издание профессора Малинина, СПб ГКА. С. 711-712 (автор главы – А.И. Рарог).

²⁶⁸ Там же. С. 727.

исключает допустимость применения мер ответственности к юридическим лицам, правда, в данном случае правильным, на наш взгляд, будет рассмотрение юридического лица не как субъекта правонарушения, и даже не как субъекта ответственности (которая также возможна только при наличии правонарушения), а как субъекта, в отношении которого применяются иные меры государственного принуждения (меры безопасности, меры пресечения, восстановительные меры, меры защиты субъективного права и т.п.).

При этом теория уголовного права на основе законодательства предлагает также разграничивать вину правонарушителя, и виновность. «Используемый уголовно-процессуальным законодательством термин «виновность» означает наличие в деянии лица состава преступления. На таком понимании основывается принцип презумпции невиновности, закрепленный в ст. 49 Конституции РФ. В данном случае вина понимается как констатация совершения преступления, наличия в действиях лица не только его вины, но и состава преступления в целом. Аналогичное положение с вердиктом присяжных: «Виновен», что равносильно «Преступен, совершил преступление», «Не виновен», т.е. «Не преступен, не совершил преступления»²⁶⁹. Указанное обстоятельство, между прочим, также свидетельствует в пользу наименования субъективного признака правонарушения «виновно совершенное деяние», а не «виновность», поскольку виновность – объективно-субъективная категория, означающая констатацию наличия в действиях лица всех признаков состава правонарушения.

Обратимся теперь к трудам ученых-административистов. Прежде всего отметим неопределенность, неясность позиции А.Б. Агапова, который много пишет о квалификации вины, но при раскрытии признаков правонарушения о виновном совершении деяния даже не упоминает²⁷⁰. В учебной литературе наиболее подробно субъективный признак административного

²⁶⁹ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. 2-изд., стереотип. – М.: Статут, 2014. С. 180; также см.: Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 3. Понятие преступления. / отв. ред. В.Б. Малинин. – Издание профессора Малинина. СПб., 2005. С. 71-72.

²⁷⁰ См. подробнее: Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник. – М.: Юрайт, 2013. С. 136-206.

правонарушения характеризует А.П. Алехин: «Виновность деяния физического лица означает, что оно совершено умышленно или по неосторожности. Юридическое лицо признается виновным в совершении правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых КоАП РФ или законами субъектов РФ предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению»²⁷¹. Данная трактовка вины основана на ст. 2.2 КоАП РФ, а также на ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ. Что характерно, норма об ответственности юридического лица помещена не в статью о формах вины, а в статью о понятии административного правонарушения. При этом используется формулировка «юридическое лицо признается виновным», т.е. речь идет не о вине юридического лица, а о виновности, т.е. о наличии в деянии юридического лица признаков административного правонарушения. Понятие же вины используется применительно к физическому лицу, что вполне понятно в связке с психологической концепцией вины в российском праве. В данном случае есть и ещё одно различие: правонарушение – виновно совершенное деяние (о неприемлемости конструкции «виновное деяние» мы уже говорили выше), а юридическое лицо «признается виновным в совершении правонарушения» при наличии определенных обстоятельств, которые в совокупности выступают основанием его ответственности. Не вдаваясь в дискуссию о субъективном основании административной ответственности юридического лица отметим, подводя итог, что даже наличие в административно-деликтном праве ответственности юридического лица не опровергает существование признака правонарушения «виновно совершенное деяние», поскольку юридическое лицо также признается виновным в совершении деяния.

Подводя итог анализу субъективного признака ещё раз отметим, что таковым необходимо считать конструкцию «виновно совершенное деяние», рассматривая её как форму, поскольку содержательно он может иметь различную наполненность в зависимости от конкретной отраслевой конструкции вины и перечня субъектов, способных совершить общественно

²⁷¹ Алехин А.П., Кармолицкий А.А. Административное право России: Учебник. – М.: «Зерцало», 2006. С. 330.

опасное и запрещенное под угрозой ответственности деяние виновно. При этом необходимо различать вину в совершении деяния как определенное психическое отношение субъекта к содеянному, и виновность в совершении правонарушения как констатацию юридического факта совершения этого деяния этим лицом при наличии всех необходимых и достаточных признаков состава правонарушения. Признак правонарушения «виновно совершенное деяние» предполагает именно вину правонарушителя, а не виновность, которая охватывает объективные и субъективные признаки содеянного.

4. Это деяние, запрещённое законом под угрозой применения мер юридической ответственности; на наш взгляд, именно такой вариант редакции этого формального признака правонарушения выступает более точным и объединяет в себе такие его традиционные признаки, как противоправность и наказуемость. Дело в том, что сама по себе противоправность характеризует не только правонарушение, но и иные разновидности противоправного поведения (объективно противоправное деяние, где противоправность называется уже в наименовании, а также злоупотребление правом, которое, как мы выше убедились, хотя букве закона и не противоречит, за исключением общего запрета в ст. 10 ГК РФ, но духу и смыслу закона не соответствует), и потому не отделима от наказуемости, т.е. деяние не просто должно быть запрещено законом, но запрещено под угрозой применения мер юридической ответственности. Таким образом, поведение человека необходимо признать правонарушением не просто когда оно нарушает закон, но когда нарушается предусмотренный законом запрет, установленный под угрозой наступления для субъекта, его нарушающего, неблагоприятных последствий личного, материального или организационного характера. В силу этого формальный признак правонарушения всегда двусоставный, не нужно искусственно его разделять на противоправность и наказуемость, поскольку всё, что наказуемо, противоправно, а то, что противоправно, но не наказуемо, правонарушением не является.

В остальном же содержание анализируемого признака существенно менее проблематично, нежели признаков «общественно опасное» и «виновно совершенное» деяние. Разве что необходимо добавить, что поскольку применение ответственности предполагает ограничение прав и свобод

человека, то оно должно быть предусмотрено федеральным законом, как гласит ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства»²⁷². Что интересно, в этой не изменяемой в обычном порядке статье Конституции РФ не предусмотрено ни каких оговорок по поводу законов субъектов РФ, в связи с чем вызывает определенные сомнения возможность принятия законом об административных правонарушениях на уровне субъектов РФ. Более того, и ч. 1 ст. 72 Конституции РФ говорит о том, что в совместном ведении РФ и субъектов РФ находятся административное и административно-процессуальное законодательство, но ничего не говорит о законодательстве об административных правонарушениях. В связи с этим возникает вопрос о соответствии Конституции РФ ст. 1.1, 1.3 и 1.4 Кодекса РФ об административных правонарушениях. Однако, если такого рода вопрос и будет поставлен, например, перед Конституционным Судом РФ, он вполне будет способен найти аргументы в пользу того, что такое положение вещей не противоречит Основному закону страны. *На сегодняшний же день, с учетом действующего законодательства, «запрещенность законом под угрозой применения мер юридической ответственности» предполагает, что такого рода запрет устанавливается как федеральными законами, так и законами субъектов РФ об административных правонарушениях, разумеется в пределах, установленных КоАП РФ.*

Необходимо также остановиться на обосновании тезиса о том, что правонарушение представляет собой социально-правовое явление, как и юридическая ответственность за него. Социальность правонарушения вытекает из имманентно присущего этому виду человеческого поведения признака «общественная опасность», в силу наличия которого законодатель признает (ну или не признает, если не считает нужным по соображениям

²⁷² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>

деликтно-правовой политики) такое поведение правонарушением. Общественная опасность есть то единственно внешнее свойство деяния, в силу наличия которого это деяние причиняет вред социально ценным благам, общественным отношениям, интересам, или создает угрозу причинения такого вреда. То есть именно общественная опасность выступает сущностным свойством правонарушения, определяя его запрещенность под угрозой наказания, а также объективным свойством правонарушения, поскольку существует в реальной общественной жизни, а не в голове законодателя (как формальный признак правонарушения) и не в голове правонарушителя (субъективный признак правонарушения). Кроме того, отсутствие общественной опасности при наличии формальных признаков правонарушения, исключает (в уголовном праве), или дает возможность исключить (в административно-деликтном праве) юридическую ответственность субъекта правонарушения. Исходя из этого социальная природа правонарушения в силу приоритета и первичности его общественной опасности перед запрещенностью законом под угрозой наказания, имеет преимущественное значение перед юридической его природой, однако, не исключая последнюю. Они соотносятся между собой как причина и следствие, поэтому правонарушение, как и юридическая ответственность – это социально-правовое явление.

Таким образом, предложенный вариант признаков правонарушения и его определения может наименоваться формально-материальным, объективно-субъективным, поскольку сочетает в себе всю совокупность необходимых и достаточных признаков данного правового явления. *Такая трактовка правонарушения позволяет **определить его** как социально-правовое явление, представляющее собой общественно опасное виновно совершенное деяние, запрещенное позитивным правом (в России – федеральным законом) под угрозой применения мер юридической ответственности.*

Однако, наряду с наличием признаков правонарушения деяние должно характеризоваться и более широким перечнем особенностей, признаков,

соответствующих определённой законодательной модели (юридической конструкции), именуемых в совокупности составом правонарушения²⁷³.

2.5. Состав правонарушения – синтез правового и фактического оснований юридической ответственности

Ст. 8 УК РФ устанавливает положение, согласно которому основанием уголовной ответственности выступает наличие в действиях лица всех признаков состава определённого преступления. Однако, как мы уже не раз обращали внимание, юридическая ответственность имеет развитую систему оснований, и состав правонарушения выступает даже не в роли одного из оснований юридической ответственности, а в качестве модели, описывающей фактическое основание этой ответственности – правонарушение, с точки зрения значимых его признаков. Тем не менее, значимость категории «состав правонарушения» и конструкции элементов и признаков, стоящих за этой категорией, не умаляется от того, что состав правонарушения сам по себе не выступает самостоятельным основанием юридической ответственности.

Первый вопрос, который встаёт на пути построения полноценной картины понимания термина «состав правонарушения» - это вопрос об определении этого термина. Ввиду детальной разработанности учения о составе преступления в рамках науки уголовного права мы в дальнейшем будем опираться на разработки учёных-криминалистов, время от времени абстрагируясь до уровня теоретико-правовых проблем. Из наиболее свежих трудов, посвящённых составу преступления, хотелось бы отметить 4-й том 35-ти томной Энциклопедии уголовного права, впервые вышедший в 2005-м году, а в 2010-м году увидевший своё второе издание. Эта работа, подготовленная выдающимися учёными-юристами В.Н. Кудрявцевым, Н.И.

²⁷³ К сожалению, ограниченный объем работы и её тематическая направленность не на квалификацию правонарушений, а на юридическую ответственность в целом, вынуждает оставить нас на данном этапе исследования без рассмотрения проблематику выделения видов правонарушений, причин правонарушения, невиновного поведения и его квалификации, а также на достаточно подробном уровне проблематику состава правонарушения. Однако, мы планируем в последующих работах расширить и углубить анализ заявленных в данной работе проблем оснований ответственности, в том числе и фактических, и рассмотреть указанные вопросы на должном уровне. Пока же вниманию читателя предлагается, скорее, постановка ряда проблем, вопросов, ответ на которые предстоит дать в дальнейшей исследовательской деятельности.

Коржанским, В.Б. Малининым, В.Г. Павловым и А.И. Рарогом, представляет собой в полной мере подлинную энциклопедию состава преступления. Если же обратиться к истории проблематики, то нельзя не упомянуть труды Арона Наумовича Трайнина, выпустившего ряд крупных работ, посвящённых учению о составе преступления. Кроме того, отдельные элементы и признаки состава преступления получили на сегодняшний день полноценное освещение в юридической литературе, что позволяет говорить о высокой научной разработанности проблематики состава преступления.

Особое внимание необходимо обратить на относительно недавно вышедшее учебное пособие Ю.Е. Пудовочкина «Учение о составе преступления», в котором подробно и доходчиво изложены основные современные концепции состава преступления. Как указывает Ю.Е. Пудовочкин, современная отечественная литература демонстрирует два основных подхода к пониманию сути состава преступления, две концепции. В рамках концепции реального состава преступления (Н.Ф. Кузнецова) последний понимается как структурированное по подсистемам ядро (основа, сущность) преступления, состоящее из обязательных элементов, образующих общественную опасность деяния, признаки которых обрисованы в диспозициях уголовно-правовых норм; состав преступления согласно этой концепции выступает как явление объективной реальности, как часть преступления как социальной действительности (т.е. преступление и состав преступления – это целое и его часть)²⁷⁴. Логически завершённой такая модель выступила бы в том случае, когда законодательно закреплялся бы состав каждого отдельного преступления. Если же проанализировать действующее охранительное законодательство, то мы в нём увидим не детальную характеристику признаков индивидуально определённого деяния, а описание неких абстрактных признаков «кражи вообще», «мелкого хулиганства вообще» и т.д. Следовательно, концепцию реального состава преступления на сей момент можно признать не вполне пригодной (а то и вполне непригодной) для осуществления задач, стоящих перед деликтным правом России. Обосновывается это ещё и тем, что законодатель в принципе не может предусмотреть признаки конкретного состава правонарушения, это

²⁷⁴ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 5.

бы в разы увеличило нормативную правовую массу и усложнило правоприменение, в силу чего он вынужден производить обобщение.

Следовательно, куда более приемлемой для описания состава правонарушения может считаться вторая концепция состава преступления, приводимая Ю.Е. Пудовочкиным. В её рамках состав преступления представляет собой некую теоретическую, юридическую абстракцию: законодательное понятие о преступлении, указывающее на те его признаки, которые закреплены в уголовном законе (А.Н. Игнатов); описание признаков общественно опасного деяния (И.Я. Гонтарь); в отличие от предыдущей концепции здесь состав не выступает в качестве части реальности, части преступления, а переносится в номинальную сферу, его же соотношение в преступлением определяется по принципу соотношения явления (преступления) и понятия о нём (состав преступления)²⁷⁵.

Так, вполне удачным выступает определение состава преступления, данное Н.А. Лопашенко, согласно которому «под составом преступления следует понимать совокупность его объективных и субъективных признаков, необходимую и достаточную для признания конкретного общественного деяния преступлением»²⁷⁶. Как отмечал академик В.Н. Кудрявцев, состав преступления представляет собой систему таких признаков, которые необходимы и достаточны для признания, что лицо совершило соответствующее преступление: они необходимы в том смысле, что без наличия всех признаков состава в их совокупности лицо не может быть обвинено в преступлении, а следовательно, и привлечено к уголовной ответственности; они достаточны потому, что нет необходимости устанавливать какие-либо дополнительные данные, чтобы иметь основание предъявить соответствующему лицу обвинение в совершении преступления²⁷⁷. Ученый не просто раскрывает определение понятия состава преступления, но и добавляет в проблему процессуальный аспект, соединяя

²⁷⁵ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 5.

²⁷⁶ См.: Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб., 2005. С. 134 (автор главы о составе преступления – Н.А. Лопашенко).

²⁷⁷ См.: Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 4. Состав преступления. / отв. ред. В.Б. Малинин. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2-е изд. СПб., 2010. С. 3 (автор главы – В.Н. Кудрявцев); также см.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристь, 2007. С. 59.

нормативное и процессуальное основания ответственности. По мнению же самого Ю.Е. Пудовочкина, «состав преступления представляет собой законодательное понятие о преступлении определённого вида, суждение о признаках, необходимых и достаточных для признания деяний данного вида преступлением»²⁷⁸.

Представители иных отраслевых наук также касаются анализируемого понятия. Так, А.Б. Агапов пишет, что «квалификация преступления и административного правонарушения (проступка) предполагает наличие состава правонарушения – субъективных и объективных элементов, позволяющих установить наличие признаков противоправного деяния или их отсутствие»²⁷⁹. «Состав административного правонарушения представляет собой оптимально необходимую совокупность имеющих индивидуальное содержание элементов, которая позволяет отделить каждое проявление противоправности административного характера от всех других»²⁸⁰, - отмечает П.П. Серков. «Под составом административного правонарушения следует понимать установленную правом совокупность признаков, при наличии которых конкретное деяние – административное правонарушение»²⁸¹, - пишет Б.В. Росинский. В теоретико-правовых работах также присутствует понимание состава правонарушения. Как указывает Е.В. Грызунова, «состав правонарушений — научная абстракция, отражающая систему наиболее общих, типичных и существенных признаков (элементов) отдельных разновидностей правонарушений»²⁸². *Подытоживая всё сказанное, состав правонарушения можно определить как законодательную модель (конструкцию), представляющую собой совокупность наиболее типичных признаков общественно опасного деяния определённого вида, необходимых и достаточных для оценки этого деяния как правонарушения.*

²⁷⁸ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 7.

²⁷⁹ Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 139.

²⁸⁰ Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 115-116.

²⁸¹ Бахрах Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Росинский, Ю.В. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008. С. 552-553.

²⁸² Грызунова Е.В. Правонарушение: юридический состав и его особенности (применительно к различным видам правонарушений): учебное пособие / под ред. М.И. Байтина. Саратов: СГАП, 2002. С. 5

Такое понимание состава правонарушения позволяет считать его юридической конструкцией. По мнению М.Л. Давыдовой, «юридическую конструкцию можно определить как разработанную доктриной и принятую юридическим научным сообществом идеальную модель, позволяющую теоретически осмыслить, нормативно закрепить, обнаружить в правовом тексте и в реальных юридических отношениях закономерную, последовательную, логичную взаимосвязь структурных элементов различных правовых явлений»²⁸³. Природа состава правонарушения как юридической конструкции позволяет говорить о том, что в нём синтезируются правовое и фактическое основание ответственности за правонарушение. Состоит это в том, что в нормах права содержатся типичные признаки правонарушения определенного вида, а конкретным содержанием они наполняются при установлении обстоятельств определенного правонарушения, совершенного определенным лицом. То есть в составе со стороны закона присутствует правовой элемент, со стороны объективной действительности – фактический, а объединяются они в рамках итогового правоприменительного акта по юридическому делу, в котором между ними устанавливается точное соответствие.

«Состав преступления не является хаотичным нагромождением признаков, характеризующих преступление определённого вида. Эти признаки образуют целостную, упорядоченную систему, элементы которой тесно взаимосвязаны и структурированы определённым образом. Наукой уголовного права установлена единая структура составов всех преступлений, а для её исследования используются такие понятия, как «элемент» и «признак»²⁸⁴. Эта выдержка из работы Ю.Е. Пудовочкина показывает, что состав преступления, а следовательно и состав правонарушения как более общая юридическая конструкция, имеют сложную систематизированную структуру, состоит из разного уровня компонентов, и выступает в их единстве и взаимосвязи. Признак состава преступления, по мнению учёного, представляет собой видовой признак преступлений определённой группы, отобранный в процессе криминализации общественно опасного деяния и зафиксированный в законе; это – наиболее существенный отличительный

²⁸³ Давыдова М.Л. Юридическая техника. Общая часть: учебник. М.: Проспект, 2015. С. 94-95.

²⁸⁴ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 9.

признак преступлений определённого вида, свойственный всем посягательствам этого вида²⁸⁵. Таким образом, признак состава правонарушения – это не признак его как понятия, а специфическая черта, характерная для правонарушений определённого вида, позволяющая их к этому виду отнести²⁸⁶.

Здесь необходимо сделать определённое отступление в целях уточнения того уровня абстракции, на котором обычно рассматривается конструкция состава правонарушения. В традициях уголовного права принято выделять состав единичного правонарушения, конкретный состав правонарушения (предусмотренный Особенной частью УК) и общий состав правонарушения²⁸⁷. Говоря об элементах и признаках состава правонарушения мы имеем в виду как раз третий вариант употребления этого понятия. Такое рассмотрение состава правонарушения требуется именно в рамках общих правил квалификации для уяснения общего содержания признаков, составляющих элементы состава, конкретные же составы правонарушений, при конкретной наполненности признаков, анализируются уже когда речь идет об особенной части уголовного или административно-деликтного права.

Итак, общий состав правонарушения представляет собой теоретическую модель, включающую в себя систему элементов и признаков, получающих в дальнейшем конкретизацию на уровне состава правонарушения определённого вида, а также содержательные черты этих элементов и признаков. Другими словами, общий состав правонарушения – это совокупность абстрактных элементов и признаков, применимых для любого правонарушения, своего рода каркас, остов, который затем наполняется типичными видовыми признаками правонарушений, а в итоге – признаками конкретного правонарушения.

Общий состав правонарушения складывается из четырёх элементов, наличие которых обязательно для установления состава того или иного

²⁸⁵ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 10.

²⁸⁶ См. подробнее о признаках состава: Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 4. Состав преступления. / отв. ред. В.Б. Малинин. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2-е изд. СПб., 2010. С. 46-75.

²⁸⁷ См. например: Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. С. 153.

правонарушения, а отсутствие хотя бы одного из элементов не позволяет говорить и о существовании правонарушения. Таким образом, наряду с признаками самого правонарушения существует ещё и вторая часть фактического основания юридической ответственности – элементы состава правонарушения, которые, наряду с признаками правонарушения, должны присутствовать в том или ином деянии для признания его правонарушением. Только опираясь на эти две конструкции можно сделать вывод о том, что то или иное лицо подлежит за содеянное юридической ответственности. Фактическое основание венчает всю систему оснований юридической ответственности, выступает непосредственной предпосылкой этой ответственности, без которой все иные основания есть не что иное, как отвлечённые рассуждения о должном и не должном. Смыкаясь с правовым основанием, оно образует состав правонарушения. Именно в силу того, что в составе правонарушения соединяются фактическое и юридическое основание ответственности, многие ученые считают состав правонарушения единственным основанием юридической ответственности²⁸⁸. Хотя если присмотреться к формулировкам законодательных актов, то можно увидеть, что там единственным основанием юридической ответственности считается наличие в действиях лица всех признаков состава правонарушения, предусмотренных законом, т.е. наличие фактических (действия лица) и юридических (признаки, предусмотренные законом) обстоятельств (оснований). Состав же правонарушения как юридическая конструкция – это правовой инструмент оценки правоприменителем поведения лица как правонарушения для привлечения его к юридической ответственности. И с этой, инструментальной, точки зрения сам по себе состав правонарушения основанием ответственности вообще не выступает: он лишь связывает фактическое и правовое основание воедино и позволяет на их основе привлечь правонарушителя к ответственности.

Состав правонарушения (общий) как система объединяет четыре элемента: объект, объективную сторону, субъективную сторону и субъект.

²⁸⁸ Хотя далеко не все ученые даже в рамках уголовного права так считают. Так например, придерживающийся весьма оригинальных научных взглядов профессор КрасГАУ А.П. Козлов довольно последовательно отстаивает точку зрения о том, что не состав преступления, а именно совершение преступления выступает основанием уголовной ответственности. См.: Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2013. С. 101-115.

Каждый из этих элементов, подсистем состава правонарушения, в свою очередь, представляет собой систему признаков состава правонарушения. Причём, ввиду сложившихся законодательных традиций, указанные признаки подразделяются на обязательные и факультативные. Обязательными считаются такие признаки состава правонарушения, которые присущи всем без исключения составам правонарушения с точки зрения квалификации реальных правонарушений по этим составам. Т.е. обязательные признаки имеют всегда квалификационное значение. Факультативные же признаки приобретают квалификационное значение только в том случае, когда они прямо закрепляются в той или иной статье закона в качестве обязательных. Получается, что указанная градация признаков состава правонарушения на обязательные и факультативные имеет значение лишь в процессе квалификации правонарушений. Установление же в процессе расследования требуют все признаки состава правонарушения, либо в силу их присутствия в перечне обстоятельств, смягчающих или отягчающих меру ответственности, либо в перечне составляющих предмет доказывания. Исходя из этого в широком смысле все признаки состава правонарушения необходимо рассматривать в качестве обязательных для установления в процессе исследования обстоятельств правонарушения.

Система элементов и признаков состава правонарушения.

Объект правонарушения – это то, на что посягает правонарушение, то, что страдает от его совершения. По поводу того, что является объектом правонарушения/преступления с содержательной стороны, существует на сегодняшний день масса точек зрения. Наиболее адекватной действующему законодательству о правонарушениях представляется последовательно отстаиваемая в науке уголовного права Н.И. Коржанским позиция, согласно которой «объектом преступления по русскому уголовному праву являются существующие общественные отношения, охраняемые уголовным законом от преступных посягательств»²⁸⁹. С этой точкой зрения согласен Ю.Е. Пудовочкин, который отмечает, что наука «постепенно выработала более-менее универсальный взгляд на объект именно как на общественное отношение, которое поставлено под охрану уголовного закона, которому в

²⁸⁹ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 101.

результате совершения преступления причиняется или создаётся угроза причинения вреда»²⁹⁰. Среди современных работ по теории юридической ответственности состоятельность этой концепции доказывают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский²⁹¹. Представляется необходимым согласиться с указанными авторами: правонарушение нарушает целостность определённых социальных связей, т.е. общественных отношений, которые и страдают в ходе его совершения, т.е. выступают объектом правонарушения.

К признакам объекта правонарушения необходимо относить:

а) обязательные

- основной непосредственный объект – те отношения, на повреждение которых непосредственно направлено совершаемое правонарушение;

- дополнительный непосредственный объект (если есть) – это те отношения, которые всегда страдают наряду с основным объектом, хотя на их целостность правонарушение и не направлено непосредственно;

б) факультативные

- факультативный объект – это те отношения, которые могут страдать, а могут и не страдать в случае совершения того или иного правонарушения;

- предмет правонарушения – это определённые материальные объекты, воздействием на которых причиняется вред объекту правонарушения;

- потерпевший: таковой признак появился в перечне признаков объекта в основном из этических соображений, поскольку не вполне корректно называть предметом человека.

Объективная сторона правонарушения. Учение об объективной стороне было очень основательно разработано в советском уголовном праве в трудах В.Н. Кудрявцева, Г.В. Тимейко и др. Из современных ученых интересное определение с перечислением признаков объективной стороны дает В.Б. Малинин: «Объективная сторона преступления представляет собой внешний акт преступного деяния (действие или бездействие), совершенное определенным способом в конкретных условиях места, времени и обстановки, иногда с применением орудий или других средств, повлекшее в

²⁹⁰ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 43.

²⁹¹ См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 273-284.

материальных составах вредные последствия»²⁹². Классическим же определением, с которым согласны многие ученые, стало определение объективной стороны, данное академиком В.Н. Кудрявцевым: «Объективная сторона преступления есть процесс общественно опасного и противоправного посягательства на охраняемые законом интересы, рассматриваемый с его внешней стороны, с точки зрения последовательного развития тех событий и явлений, которые начинаются с преступного действия (бездействия) субъекта и заканчиваются наступлением преступного результата»²⁹³. Интересно определяет объективную сторону применительно к административным правонарушениям А.Б. Агапов: «Объективная сторона правонарушения – конкретная разновидность противоправного деяния (действия или бездействия), наносящего вред или ущерб правам граждан или общегосударственным (публично-правовым) интересам, охраняемым КоАП»²⁹⁴. Все вышеприведенные мнения можно свести к тому, что объективная сторона правонарушения (как элемент его состава) представляет собой внешнюю сторону правонарушения, отражение в признаках состава правонарушения поведения лица, его совершающего, а также результата этого поведения, и характеризуется следующими признаками:

а) обязательные

- деяние в форме действия/бездействия; оно характеризуется следующими свойствами: общественно опасное, противоправное, осознанное, волевое, сложное по характеру и конкретное по содержанию, направленное на нарушение общественных отношений, охраняемых законом²⁹⁵; Этот признак является обязательным (квалификационно необходимым) для всех без исключения составов правонарушения;

- последствия деяния – тот вред, который причинён объекту в результате совершения правонарушения; характерной особенностью этого признака выступает то, что формально-юридически он выступает

²⁹² Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 231.

²⁹³ Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Юрид.лит., 1960. С. 9.

²⁹⁴ Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 140.

²⁹⁵ См. например: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2007. С. 118.

обязательным только для т.н. материальных составов, а если уж быть предельно точным, то такая разновидность составов правонарушений, как материальные составы, в принципе выделяется потому, что не во всех составах последствия указаны как обязательные для квалификации, хотя очевидно, что не бывает правонарушения без последствий, просто они в случае факультативности такого признака перетекают в условия назначения наказания и в предмет доказывания по делу;

- причинная связь между совершённым деянием и наступившими последствиями; значимость этого признака для квалификации зависит от значимости для квалификации преступных последствий; учению о причинной связи посвящено большое количество работ, теория причинной связи на сегодняшний день может считаться вполне разработанной в отечественной юридической науке;

- способ совершения правонарушения показывает конкретный внешне выраженный вариант причинения вреда общественным отношениям; опять же имеет значение для квалификации только если прямо закреплён, но в то же время любое деяние всегда совершается каким-либо способом, что в промежуточное положение ставит и этот признак²⁹⁶;

б) факультативные

- место совершения правонарушения
- время совершения правонарушения
- обстановка совершения правонарушения
- орудия совершения преступления (непосредственно участвуют в его совершении);
- средства совершения правонарушения (способствуют совершению правонарушения, играют вспомогательную роль).

Субъективная сторона состава правонарушения – традиционно именуется его внутренней стороной, её, по мнению Ю.Е. Пудовочкина, образуют «лишь отдельные стороны некоторых психических процессов,

²⁹⁶ Преимущественно умозрительный характер классификации признаков состава правонарушения на обязательные и факультативные наиболее ярко прослеживается на примере объективной стороны, где значительная часть признаков не может быть определённо отнесена ни к обязательным, ни к факультативным, или одновременно и к тем, и к другим. Ввиду этого точнее будет классификация на признаки, которые всегда значимы для квалификации, и на признаки, которые значимы для квалификации только в случае их указания в законе.

протекающих в сознании и воле лица, и которые в своей совокупности выражают личностное отношение субъекта к своему поступку и его последствиям»²⁹⁷. А.И. Парог характеризует субъективную сторону преступления следующим образом: «Под субъективной стороной преступления в науке уголовного права понимается психическая деятельность лица, непосредственно связанная с совершением преступления. Образуя психологическое содержание общественно опасного деяния, субъективная сторона преступления является его внутренней (по отношению к объективной) стороной. Если объективная сторона преступления характеризуется признаками, отражающими реальные явления, и поэтому воспринимается непосредственно с помощью органов чувств (осязания, слуха, зрения), то субъективная сторона преступления отражает внутренний мир человека и не может восприниматься непосредственно. Она познается только путем анализа и оценки объективных характеристик преступления – содержания действий или бездействия, способа их совершения, используемых при этом орудий и средств и т.д.»²⁹⁸. Из представленного понимания субъективной стороны вытекает её органичная взаимосвязь с объективной стороной, поскольку содержание субъективных признаков правонарушения устанавливается на основе его объективных признаков.

По мнению В.А. Якушина, «субъективная сторона – это элемент состава преступления, представленный в виде субъективной реальности, существовавшей у личности в период совершения преступления, и выраженный в предусмотренной законом форме вины, мотиве, цели и эмоциональных составляющих»²⁹⁹. «Субъективная сторона преступления – это внутренняя психологическая характеристика преступного поведения, заключающаяся в психическом отношении преступника к совершаемому преступлению в целом и его отдельным юридически значимым элементам объективного характера»³⁰⁰, - так определяет субъективную сторону В.В. Лунеев. Последнее определение нам видится наиболее удачным, поскольку

²⁹⁷ Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 123.

²⁹⁸ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления / отв. ред. В.Б. Малинин. СПб., 2005. С. 697 (автор главы – А.И. Парог).

²⁹⁹ Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. – СПб.: Питер, 2005. С. 178 (автор главы – В.А. Якушин).

³⁰⁰ Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. С. 261 (автор главы – В.В. Лунеев).

оно дает ответ на вопрос «что есть субъективная сторона преступления», а не на вопрос «из чего субъективная сторона состоит», т.е. раскрывает не объём искомого понятия, а его содержание, и при этом в нем подчеркивается взаимосвязь субъективных и объективных признаков состава преступления (правонарушения).

Нельзя обойти вниманием подход к субъективной стороне, предлагаемый в административно-деликтном и административном праве России. Так, по мнению А.Б. Агапова, субъективная сторона административного правонарушения характеризует психоэмоциональное отношение физического лица к деянию и предполагает выявление признаков вины в форме умысла или неосторожности, КоАП РФ исключает объективное вменение – административную ответственность за невиновное причинение вреда; применительно к деянию юридического лица вина квалифицируется только при наличии объективных и субъективных критериев деяния³⁰¹. Примечательность этого определения состоит ещё и в том, что его автор связывает понятие субъективной стороны исключительно с ответственностью физического лица, применительно же к юридическому лицу он ведет речь о виновности, а не о вине, т.е. о наличии в действиях юридического лица оснований для его ответственности, которые существенно отличаются от оснований ответственности физических лиц. Аналогичный подход демонстрирует и Б.Н. Росинский³⁰².

К признакам субъективной стороны относятся

а) обязательные:

- вина – психическое отношение лица к содеянному, выраженное в предусмотренной законом наказуемой форме; таковых форм законодательство предусматривает две, а также ряд разновидностей выделяется как законом, так и теорией;

Разновидности форм вины по отечественной теории права, в особенности права уголовного, определяются сочетанием интеллектуального и волевого элементов психического отношения лица к содеянному. Интеллектуальный элемент предполагает осознание общественной

³⁰¹ См.: Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 141.

³⁰² См.: Бахрах Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Росинский, Ю.В. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008. С. 558-559.

опасности совершаемого деяния и предвидение наступления общественно опасных последствий. Волевой элемент говорит о волевом отношении лица к совершаемым им действиям и наступившим последствиям. Иногда говорят ещё и о существовании эмоционального элемента вины, который в общем и целом выступает как эмоциональный фон, который приобретает квалификационное значение лишь в отдельных специально предусмотренных законом случаях.

Прямой умысел предполагает что субъект осознаёт общественную опасность своих действий, предвидит неизбежность или реальную возможность наступления общественно опасных последствий и желает их наступления. Косвенный умысел, соответственно, имеет место быть, когда субъект осознаёт общественную опасность своих действий, предвидит реальную возможность наступления общественно опасных последствий, не желает, но сознательно допускает их наступление (намерение направлено на что-то другое), или к их наступлению относится безразлично. Неосторожность в виде преступного легкомыслия означает, что лицо предвидит абстрактную возможность наступления общественно опасных последствий, но самонадеянно рассчитывает на то, что они не наступят. Небрежность имеет место быть, когда лицо не предвидит наступления общественно опасных последствий, хотя при должной внимательности могло и должно было их предвидеть. Существует множество других классификаций того же умысла, но по большому счёту они нас не интересуют в рамках настоящей работы, а станут предметом дальнейших исследований по теоретико-правовым проблемам квалификации правонарушений.

Отдельно нормативно регламентируется феномен невиновного причинения вреда. Первый вариант невиновного причинения: лицо не осознавало и по обстоятельствам дела не могло осознавать общественной опасности своих действий. Второй вариант – не предвидело возможности наступления общественно опасных последствий и по обстоятельствам дела не должно было или не могло их предвидеть. Третий вариант обусловлен действием принципа гуманизма, деяние признаётся также совершённым невиновно, если лицо, его совершившее, хотя и предвидело возможность наступления общественно опасных последствий своих действий (бездействия), но не могло предотвратить эти последствия в силу

несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

б) факультативные

- мотив - это определяемое потребностями лица внутреннее побуждение к совершению правонарушения;

- цель – возникшая в мыслях субъекта идеальная модель желаемого для правонарушителя результата совершения противоправного деяния;

- эмоции – факультативный признак субъективной стороны состава правонарушения, характеризующий эмоциональное состояние субъекта правонарушения, имеющее значение для квалификации.

Субъект правонарушения – тот, кто его совершает и способен понести ответственность за совершённое деяние. С точки зрения общей теории права таковой обладает следующими признаками:

- физическое или юридическое лицо;

- деликтоспособность.

В качестве факультативного признака традиционно называют специального субъекта, объединяющего в себе разного рода дополнительные признаки – должностное лицо и др.³⁰³.

Таким образом, состав правонарушения представляет собой законодательную конструкцию с определённым набором элементов и признаков, среди которых имеются как признаки, без которых ни один состав не может быть квалифицирован, так и признаки, которые приобретают квалификационное значение только в специально установленных в законе случаях.

В связи с подразделением признаков состава правонарушения на обязательные и факультативные, представленных в рамках объективной стороны, иногда говорят о формальных, материальных и усечённых составах правонарушений. В пользу критерия данной классификации, предложенного Н.И. Манцевым и В.С. Прохоровым, основанного на моменте юридического

³⁰³ Представители науки административного права также подробно анализируют составляющие субъекта административного правонарушения, отдельно характеризуя должностное лицо, индивидуального предпринимателя, юридическое лицо и т.д. См. например: Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2012. С. 143-157; и др.

окончания преступления³⁰⁴, убедительные аргументы приводит Ю.Е. Пудовочкин, ввиду чего мы также ею воспользуемся. В соответствии с указанным критерием, преступление с материальным составом считается оконченным с момента указанных в законе (не обязательно в диспозиции) последствий (примерами материального состава можно считать убийство и кражу); преступление с формальным составом окончено с момента совершения деяния, образующего признак объективной стороны состава (например, изнасилование, клевета); преступление с усечённым составом окончено с момента начала совершения деяния, образующего признак объективной стороны (например, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов)³⁰⁵. У подобного критерия классификации составов есть и ещё одно достоинство: благодаря ему снимается вопрос о т.н. беспоследственных преступлениях/правонарушениях, поскольку за основу берётся не наличие в законодательной модели указания на последствия, а момент окончания преступления.

Таким образом, состав правонарушения, выступая самостоятельным юридическим инструментом, правовой конструкцией, позволяющей привлекать конкретное лицо к юридической ответственности на основании строгого соблюдения закона, с точки зрения оснований юридической ответственности может быть оценен неоднозначно. С одной стороны, ряд ученых считает именно состав единственным основанием юридической ответственности, с другой состав правонарушения вообще самостоятельным основанием ответственности в негативном смысле не выступает. Думается, что точнее будет сказать о составе правонарушения как о юридическом инструменте, объединяющем юридическое и фактическое основания ответственности за правонарушения для обоснования применения к конкретному лицу мер государственного принуждения – форм реализации юридической ответственности. Состав правонарушения есть единство юридического и фактического оснований ответственности (оснований второго уровня), в этом и состоит его особая роль в системе оснований юридической ответственности.

³⁰⁴ См.: Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачёва, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006. С. 379.

³⁰⁵ См. подробнее: Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 20.

3. СПЕЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

3.1. Юридическая ответственность в системе правовых средств

Место юридической ответственности в механизме правового регулирования. Вопрос о месте юридической ответственности в механизме правового регулирования определяется пониманием юридического выражения этой ответственности (социально-правового явления) как определенного инструмента регулятивного воздействия на общественные отношения. С.С. Алексеев, подробно и основательно разработавший в советской теории права проблему механизма правового регулирования, определяет само понятие «правовое регулирование» как «осуществляемое при помощи системы правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и др.) результативное, нормативно-организационное воздействие на общественные отношения в целях их упорядочения, охраны, развития в соответствии с требованиями экономического базиса, общественными потребностями данного социального строя»³⁰⁶. Механизм же правового регулирования, по мнению ученого, - это «взятая в единстве система правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения»³⁰⁷. Такое понимание искомой категории выводит нас на необходимость выяснения смысла термина «правовое средство», система которых образует механизм правового регулирования. Нельзя не отметить, что этому исходному понятию С.С. Алексеев дает весьма туманное определение, говоря о том, что «правовые средства можно определить как объективированные субстанциональные правовые явления, обладающие фиксированными свойствами, которые позволяют реализовать потенциал права, его силу. Правовые средства могут совпадать, а могут и не совпадать с традиционно выделяемыми в юридической науке феноменами. Но как бы то ни было, во всех случаях перед нами фрагменты правовой

³⁰⁶ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 289.

³⁰⁷ Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 9.

действительности, рассматриваемые под углом зрения их функций, их роли как инструментов юридического воздействия»³⁰⁸.

Из сказанного вытекает, что механизм правового регулирования представляет собой, по сути, систему юридических инструментов регулятивного правового воздействия на общество. Правовые же средства как раз и будут являться такого рода юридическими инструментами. Попробуем теперь разобраться, какое место в этом наборе юридических инструментов под общим наименованием «механизм правового регулирования» занимает юридическая ответственность. С.С. Алексеев не рассматривает юридическую ответственность среди элементов механизма правового регулирования, помещая её среди такой формы государственно-правового принуждения, как юридические санкции, трактуя как вид юридических санкций³⁰⁹. С другой стороны, если рассматривать юридическую ответственность как своего рода обязанность (пусть дополнительную к основной, пусть существующую как саму по себе, так и, преимущественно с её реальным претерпеванием), то в таком случае она будет выступать как компонент такого способа правового регулирования, как позитивное обязывание, и являться в этом случае последствием нарушения юридического запрета – воплощения такого способа правового регулирования, как запрещение.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский отмечают, что юридическая ответственность является правовым средством и входит в механизм правового регулирования, в то же самое время она сама характеризуется совокупностью юридических средств, т.е. является комплексным юридическим средством, в которое входят особые нормы юридической ответственности, правоотношения, акты реализации права³¹⁰. В.В. Лучков, посвятивший специальное исследование месту юридической ответственности в механизме правового регулирования, рассматривает этот вопрос также с максимально широких позиций, анализируя юридическую ответственность с точки зрения таких компонентов механизма правового

³⁰⁸ См.: Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. С. 223.

³⁰⁹ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. С. 272-273.

³¹⁰ См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб., 2007. С. 574-577.

регулирования, как норма права, правоотношение, применение права³¹¹. Однако, возникает весьма закономерный вопрос в связи с приведенными точками зрения о том, насколько оправдан такой широкий подход к месту юридической ответственности в механизме правового регулирования.

Сама природа, сама суть юридической ответственности как социально-правового явления, выступающего юридически регламентированным негативным последствием совершения правонарушения, не позволяет решать заявленный вопрос с таких предельно широких позиций. На наш взгляд, не следует смешивать основания юридической ответственности второго уровня (норму права, факт правонарушения и акт применения права) и юридическое выражение явления ответственности. Ответственность есть не что иное, как последствие нарушения нормы права (юридического факта правонарушения), выражающееся в виде определенной обязанности (часть юридического содержания (формы) правоотношения) и реального исполнения этой обязанности (фактическое содержание правоотношения – поведение субъекта права). В таком ключе мы даже не можем рассматривать ответственность как всё правоотношение в целом, а только лишь как его важнейшую часть. По меньшей мере, нет смысла говорить о существовании особой нормы юридической ответственности, поскольку, практически любая логическая норма, состоящая из трёх элементов, содержит в себе сегмент ответственности в виде санкции. В этом случае ответственность (её юридическое выражение) будет совпадать по объёму с позитивным правом, что есть абсурд, по сути.

Существует ли особое правоотношение ответственности? Для ответа на этот вопрос нужно решить, что меняется в структуре правоотношения когда речь идёт о юридической ответственности. Кроме наполненности отдельных её элементов – ничего, - перед нами всё тот же субъект, объект, форма, содержание, а их наполняемость меняется не только в случае привлечения к ответственности, но и в иных специфических ситуациях. Правоотношение есть юридическая конструкция, универсальная для всех «случаев жизни», ввиду чего ничего принципиально особенного в правоотношениях, возникающих в процессе привлечения лица к

³¹¹ См.: Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Дисс... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 208 с.

ответственности, позволяющего назвать их особыми «правоотношениями юридической ответственности» нет.

То же самое можно сказать и об актах реализации права, с той лишь разницей, что юридическая ответственность осуществляется исключительно посредством применения права, и соответствующий правоприменительный акт выступает составной частью правового основания ответственности. Таким образом, на предмет вхождения в механизм правового регулирования целесообразно анализировать ответственность как особого рода инструмент, как правовое средство, и только такая узкая трактовка данного вопроса не приведёт к выхолащиванию его содержания до простого рассмотрения механизма правового регулирования и его компонентов в целом.

Сущность и природа юридической ответственности позволяют трактовать её как правовое средство, обеспечивающее функционирование механизма правового регулирования общественных отношений посредством угрозы применения разного рода мер государственного принуждения за нарушение юридических запретов и неисполнение позитивных юридических обязанностей. Юридическая ответственность представляет собой своего рода правовой инструмент, задача которого, назначение – реагировать на отклоняющееся поведение, несущее угрозу причинения вреда общественным отношениям или причиняющее такой вред, а также запрещенное нормами права. Таким образом, в механизме правового регулирования роль юридической ответственности сводится к тому, что она является одним из средств обеспечения его действительности в обществе посредством крайних принудительных мероприятий. Тесная же взаимосвязь этой ответственности с актами применения права предопределяет постановку следующего вопроса настоящей работы – «юридическая ответственность и применение права».

Юридическая ответственность и применение права. Применение права, по мнению С.С. Алексеева, - это государственно-властная деятельность компетентных органов, состоящая в специальных организационных действиях по обеспечению реализации юридических норм³¹². Уже исходя из определения видно, что применение права и юридическая ответственность органично переплетаются, и последняя при

³¹² См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М: Статут, 2010. С. 583.

этом осуществляется посредством первой, поскольку процессуальным основанием ответственности выступает акт применения права. Н.И. Матузов отмечает, что «применять нормы права – это значит применять власть, а нередко – принуждение, санкции, наказание. Правоприменение осуществляют только специальные субъекты. Именно поэтому рядовые граждане не могут применять правовые нормы, иными словами, употреблять власть; такими прерогативами они не наделены...»³¹³. Здесь показывается другой аспект взаимосвязи юридической ответственности с применением права: в силу социально-правовой природы этого феномена, а именно принудительной сущности ответственности за правонарушение, выражающейся в лишениях или ограничениях личного, материального или организационного характера, она может реализовываться исключительно в форме правоприменительной деятельности специально уполномоченных или правомочных органов, и никак иначе. Это, конечно, прямо не касается позитивной юридической ответственности, хотя, если учесть что она также выступает реакцией государства на позитивное юридически значимое поведение, то разумно и эту разновидность считать основанной на применении права.

Однако, необходимо рассмотреть поставленный вопрос о взаимосвязи правоприменения и юридической ответственности более подробно. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский раскрывают этот вопрос через понятие акта применения юридической ответственности. «Акт применения юридической ответственности – это официальное решение по конкретному делу, индивидуализирующее права и обязанности сторон правоотношения ответственности и содержащее государственно-властное веление о применении мер государственно-принудительной или добровольной формы реализации юридической ответственности, направленное на индивидуальное регулирование общественного отношения»³¹⁴.

«Акты применения юридической ответственности характеризуют следующие признаки: акт применения юридической ответственности является разновидностью охранительного или регулятивного акта; содержит

³¹³ См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2013. С. 460.

³¹⁴ Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. С. 606.

осуждение правонарушителя и деяния, им совершенного, или же официальное поощрение; констатирует наличие правоотношений ответственности; конкретизирует права и обязанности участников правоотношения ответственности; приводит правоотношение ответственности в состояние динамики (движения), выступает процессуальным основанием применения санкции правовой нормы; издается на основе и в соответствии с материальной нормой юридической ответственности уполномоченным органом (должностным лицом); носит государственно-властный характер и обладает юридической силой, являясь обязательным для исполнения; документально оформлен в соответствии с требованиями процессуальных норм; вызывает изменение правоотношений ответственности и возникновение исполнительных отношений; является одним из средств достижения целей юридической ответственности»³¹⁵. Итак, ученые дают довольно подробную характеристику акта применения юридической ответственности – определение исходного понятия, систему признаков и т.п.

Думается, однако, что такой подход нас несколько не приближает к пониманию соотношения применения права и юридической ответственности, кроме того, что связь между этими феноменами проходит через организационное/процессуальное основание юридической ответственности (акт применения права – акт применения юридической ответственности), что и так очевидно следует из представления о системе оснований юридической ответственности за правонарушение. Для выяснения же природы и сущности взаимосвязи и соотношения юридической ответственности с применением права важна не форма, определяющая юридически эту взаимосвязь, а содержание этой формы, т.е. та деятельность, которая получает юридическое оформление в итоговом акте применения права при юридической ответственности.

Пониманию сути этой деятельности способствует обращение к отраслевым юридическим исследованиям, посвященным применению права, и в частности, права деликтного – уголовного и административно-деликтного права в первую очередь. Так, по мнению Е.В. Благова, «применение уголовного права – это принятие и закрепление решения о

³¹⁵ Там же. С. 606.

предусмотренности (или непредусмотренности) установленных фактических обстоятельств в соответствующей норме и об определении (или неопределении) содержащейся в ней меры уголовно-правового характера»³¹⁶. По этой логике применение уголовного права выступает как двуединый процесс, состоящий из оценки фактических обстоятельств дела как юридически значимых, установление соответствия между ними и нормами права, а также определение мер уголовно-правового характера, соответствующих установленным фактическим обстоятельствам.

Названные два процесса, составляющих применение уголовного права, Е.В. Благов определяет как стадии этого применения³¹⁷. Однако в общей теории права выделяют несколько иную картину стадий применения права, что позволяет не согласиться с Е.В. Благовым в его трактовке применения уголовного права. Как указывает С.С. Алексеев, все правоприменительные действия можно подразделить на три основные стадии: 1) Установление фактических обстоятельств дела. Сюда относятся действия, касающиеся анализа фактов (доказательства, процесс доказывания и т.д.), т.е. информации о фактах. 2) Выбор и анализ норм права (установление юридической основы дела). Эту стадию образуют действия с самими юридическими нормами – нахождение точного текста нормативного акта, проверка его юридической силы, толкование акта и др. 3) Решение дела, выраженное в акте применения права. Здесь на основе анализа фактов и юридических норм выносится решение по юридическому делу, которое выражается в правоприменительном акте. Решение облекается в определенную форму и практически проводится в жизнь³¹⁸. По логике С.С. Алексеева, речь идет о трех взаимосвязанных процессах, входящих в применение права, каждый из которых одним словом можно обозначить как «факт», «норма» и «акт».

Думается, что при определении взаимосвязи применения права и юридической ответственности необходимо вести речь не о стадиях, а о двух последовательных и взаимосвязанных процессах, которые в целом

³¹⁶ Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 73.

³¹⁷ См.: Там же. С. 85.

³¹⁸ См.: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. – М.: Статут, 2010. С. 614-615.

охватывают деятельность компетентных органов по применению норм юридической ответственности. Обобщенно – это квалификация правонарушений (юридическая квалификация) и назначение наказания (определение меры юридической ответственности). В рамках настоящего параграфа мы далее будем говорить именно об этих процессах, подразумевая при этом, что они являются динамичной стороной стадий факта, нормы и акта при применении юридической ответственности.

Прежде всего рассмотрим что понимается под квалификацией правонарушений. Основная масса научных разработок в этой области посвящена квалификации преступлений, поэтому мы прежде всего рассмотрим, как трактуется в литературе это понятие, а затем дадим общее определение квалификации правонарушений. Как отмечает Н.Ф. Кузнецова, «квалификация преступлений – это установление соответствия в содеянном признаках общественно опасного деяния признакам состава преступления, предусмотренного в нормах Общей и Особенной частей УК с выводом о применении той или иной статьи УК»³¹⁹. В.Н. Кудрявцев определяет квалификацию преступлений как «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»³²⁰. Это определение выступает, своего рода, классическим, эталонным, и многие авторы, разрабатывающие тематику квалификации преступлений, не предлагают своего варианта, а пользуются определением академика В.Н. Кудрявцева.

Имеют место быть, однако, и попытки так или иначе расширить названное определение, насытив его другими признаками. Так, Н.К. Семернева пишет, что «квалификация преступления есть уголовно-правовая оценка конкретного общественно опасного деяния, устанавливающая соответствие признаков совершенного деяния признакам состава

³¹⁹ Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II: Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. С. 22 (автор главы – Н.Ф. Кузнецова). Также см.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступления: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. акад. В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. С. 18.

³²⁰ Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам: В 3 т. Т. 1: Общая теория права. Уголовное право. – М.: Наука, 2002. С. 238.

преступления, предусмотренного конкретной статьей уголовного закона»³²¹. Достоинством этого определения выступает указание на то, что квалификация – это есть оценка конкретного общественно опасного деяния, недостатком – указание не на норму уголовного права, а на статью уголовного закона. Л.Д. Гаухман дает более развернутое определение квалификации преступлений: «Установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом, а также другими законами и (или) иными нормативными правовыми актами, ссылки на которые содержатся в бланкетных диспозициях статей Особенной части УК РФ»³²². Представляется, что оно практически не отличается от определения В.Н. Кудрявцева, просто ученые говорят несколько о разных вещах, и Л.Д. Гаухман расшифровывает то, что В.Н. Кудрявцев называет более общим понятием.

Опираясь на приведенные выше определения квалификации преступлений и учитывая специфику общетеоретического понятия правонарушения (принципиально не отличающегося от понятия преступления, но намного превосходящего его по объёму) предложим рабочий вариант определения понятия **«квалификация правонарушений»**: *это юридическая оценка совершенного общественно опасного деяния как правонарушения, представляющая собой установление и юридическое закрепление точного соответствия между фактическими признаками совершенного деяния и признаками состава правонарушения, предусмотренного нормой права, устанавливающей юридическую ответственность за совершение такого деяния.* В процессе квалификации, таким образом, осуществляется точное установление юридического факта правонарушения со всеми необходимыми признаками его состава. Очевидно, что для применения нормы права, устанавливающей юридическую ответственность, этого недостаточно, поскольку социально-правовая природа явления ответственности предполагает применение мер

³²¹ Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект; Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2014. С. 11.

³²² Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. С. 21.

принуждения к правонарушителю. Соответственно, в ходе квалификации правонарушения устанавливаются фактическое и юридическое основание для второй составной части применения нормы юридической ответственности, второго процесса – назначения наказания (определения меры юридической ответственности).

На сегодняшний день понятие назначения наказания довольно обстоятельно разработана в науке уголовного права³²³. Многие ученые подчеркивают важность этого правового института для любой правовой системы. Одному из классиков российской дореволюционной юридической науки Н.С. Таганцеву принадлежит не потерявшее по сей день актуальности высказывание по поводу значимости института назначения наказания: «Деяние, чтобы быть преступным, в смысле уголовно наказуемого, должно быть воспрещено законом под страхом наказания, причем этот страх не есть что-либо отвлеченное, не есть фантом, только пугающий того, кто посягает на нормы права, а реально им ощущаемое последствие такого посягательства есть действительное наказание как проявление того особого юридического отношения, которое возникает между карательной властью и послушником велений авторитетной воли законодателя»³²⁴. Отсюда вытекает, что определение меры юридической ответственности, т.е. назначение наказания – неотъемлемый элемент применения права при привлечении лица к этой ответственности. В его отсутствие все остальные элементы – нормативное закрепление и юридическая квалификация, - не будут иметь смысла, поскольку юридическая ответственность как социально-правовое явление не возникнет в полной мере. При этом необходимо, разумеется, проводить различие между назначением наказания и его реальным исполнением: поскольку речь идет о применении нормы юридической ответственности, то процесс назначения наказания осуществляется в любом случае, а освобождение от наказания в любой форме идет уже после данного процесса, и все же выступает, скорее, исключением из общего правила,

³²³ См. анализ точек зрения: Куликов Е.А. Мера уголовного наказания за преступление в соучастии: общие критерии определения. – Германия, Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. С. 14-16, 17-19.

³²⁴ Таганцев Н.С. Курс уголовного права. – С.-Петербург, 1902. / [Электронный ресурс] – электрон. дан. – программа информационной поддержки российской науки и образования: Гарант. Платформа F1 Эксперт. Классика российского правового наследия / справочные правовые системы. – 2016. – Режим доступа: URL: <http://www.garant.ru>

нежели самим правилом. Реальное исполнение наказание – это уже не столько применение нормы о юридической ответственности, сколько воплощение в жизнь результатов этого применения, принятие решения в зависимости от обстоятельств индивидуального юридического дела.

Как отмечает Е.В. Благов, «назначение наказания – стадия применения уголовного права, на которой подводится итог всей деятельности правоохранительных органов»³²⁵. Другой современный специалист в области назначения наказания Д.С. Дядькин указывает на то, что «от того, насколько законным, справедливым и обоснованным будет назначенное лицу наказание, во многом зависит достижение целей, поставленных перед уголовным законодательством... назначение справедливого, обоснованного и законного наказания возможно только при условии осуществления такового на основе строгой и научно обоснованной базы – теории назначения уголовного наказания, которая сродни теории квалификации преступлений должна стать фундаментальной основой одного из важнейших институтов уголовного права»³²⁶. Как видим, тезис о последовательной взаимосвязи квалификации правонарушений и назначении наказания высказывают ученые, занимающиеся проблемами применения ведущей отрасли деликтного характера – уголовного права.

Ст. 43 УК РФ определяет, что наказание есть мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, которая применяется к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренных в УК РФ лишениях или ограничениях прав и свобод этого лица личного, материального или организационного характера (либо смешанного характера, если речь идет о кумулятивных санкциях). Таким образом, мера принуждения, заключающаяся в определенных УК РФ лишениях или ограничениях прав и свобод, назначается судом. Назначение наказания суть применение к лицу, совершившему преступление, определенной меры, предусмотренной УК РФ за совершение этого преступления.

³²⁵ Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. – М.: Юрлитинформ, 2007. С. 3.

³²⁶ Дядькин Д.С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: автореф. дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. С. 4.

При всем этом УК РФ определение назначению наказания не дает, такое разработано теорией уголовного права. Е.В. Благов, например, в своём фундаментальном труде, посвящённом применению уголовного права, о котором мы уже упоминали, под назначением наказания предлагает понимать принятие на основе учета соответствующих обстоятельств и закрепление решения о виде или размере, или только о виде наказания³²⁷. Д.С. Дядькин определяет назначение наказания как осуществляемое судом установление и юридическое закрепление в определенном порядке в специальном уголовно-правовом документе справедливого соответствия между преступным поведением лица и соответствующем этому поведению видом и объёмом наказания или наказаний, урегулированное нормами уголовного и уголовно-процессуального права³²⁸. Также приведем определение назначения наказания, даваемое А.А. Илidgeвым: «назначение наказания – это определение судом и юридическое закрепление в приговоре лицу, признанному виновным в совершении преступления, вида, срока или размера наказания, а в отдельных случаях и условий его отбывания в соответствии с принципами, общими началами, специальными правилами и целями наказания»³²⁹. Как отмечает Н.Н. Белокобыльский, назначение наказания представляет собой строго урегулированный уголовным законодательством порядок по определению вида и размера наказания лицу за виновно совершенное общественно опасное деяние; содержанием данного процесса выступает индивидуализация наказания, в которой реализуются цели наказания: восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого и предупреждение совершения новых преступлений³³⁰. В этом подходе, как видим, акцент делается на процессуально-процедурную сторону, назначение наказания трактуется как особый порядок и процесс. В общем и целом, исходя из указанных определений, суть назначения уголовного наказания составляет процесс определения на основе

³²⁷ См.: Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 307.

³²⁸ См.: Дядькин Д.С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: автореф. дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. С. 13.

³²⁹ Илidgeв А.А. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии: автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2004. С. 7.

³³⁰ См.: Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. 2-изд., стереотип. – М.: Статут, 2014. С. 615 (автор параграфа – Н.Н. Белокобыльский).

установленных уголовным законом правил, и закрепления в приговоре конкретного вида и размера (для исчислимых видов) уголовного наказания за совершенное виновным преступление (преступления)³³¹.

Для построения общетеоретической характеристики назначения меры юридической ответственности как второй стороны применения права при юридической ответственности необходимо обратиться к трудам по административному (административно-деликтному) праву. Здесь необходимо, также как и в случае с назначением уголовного наказания, начать с самого понятия административного наказания. Кодекс РФ об административных правонарушениях, как и УК РФ, не дает определения исходному понятию, а скорее очерчивает отношение законодателя к его социально-правовой природе как меры ответственности. Ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ содержит следующее положение: «Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и иными лицами»³³². Такая трактовка административного наказания обоснованно критикуется учеными-административистами, поскольку не раскрывает признаки этого явления, и сужает цели этого наказания до предупреждения совершения новых правонарушений.

П.П. Серков дает следующее определение административному наказанию: «**Административное наказание** представляет собой обязательное претерпевание правонарушителем правоограничений, назначаемых в связи с совершением неправомерных действий (бездействия), в соответствии с материальным и процессуальным законодательством об административной ответственности»³³³. Согласно этому определению правоограничения в связи с совершением административного правонарушения назначаются лицу, его совершившему. Однако определение

³³¹ См.: Куликов Е.А. Мера уголовного наказания за преступление в соучастии: общие критерии определения. – Германия, Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. С. 18.

³³² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002 г. № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

³³³ Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 143.

назначения административного наказания П.П. Серков не дает. Не определяет этот процесс и А.Б. Агапов.

И.В. Максимов также не касается вопросов назначения административного наказания, но мы можем привести его трактовку административного наказания как основу для определения понятия его назначения. «Специфика административного наказания видится в том, что оно: есть установленная государством мера не какой-либо, а именно административной ответственности; применяется лишь за совершение административного правонарушения; представляет собой карательную меру, которая заключается в обусловленном ею лишении или ограничении прав и свобод правонарушителя, не превышающих уровень уголовного обременения; носит личный характер и не затрагивает в отличие от гражданско-правовых мер интересы третьих лиц; применяется широким кругом органов и должностных лиц, уполномоченным рассматривать дела об административных правонарушениях и не находящимся с преследуемым лицом в отличие от дисциплинарных взысканий в отношениях непосредственного подчинения»³³⁴. При некоторой спорности утверждения автора о том, что административное наказание не превышает порог уголовного (сопоставление положений кодексов говорит об обратном – об отсутствии четкого размежевания карательных потенциалов административного и уголовного наказывания), в целом он дает этому феномену исчерпывающую характеристику. Эта характеристика, развитая им через обстоятельный анализ признаков административного наказания, в дальнейшем выливается в определение искомого феномена, под которым он предлагает понимать установленную государством меру ответственности за совершение административного правонарушения, применяемую только к лицу, признанному виновным в совершении такого правонарушения, и заключающуюся в обусловленном ею лишении или ограничении прав и свобод правонарушителя³³⁵. Здесь, таким образом, речь опять же идет о применении, о назначении административного наказания.

Анализ специальной литературы об административной ответственности не дает возможности установить определение понятию

³³⁴ Максимов И.В. Административные наказания. – М.: Норма, 2009. С. 140-141.

³³⁵ См.: Там же. С. 175.

«назначение административного наказания». Максимум возможного – это: «Меры административной ответственности назначаются органом (должностным лицом), уполномоченным рассмотреть дело об административном правонарушении по существу согласно общим правилам назначения административных наказаний и согласно особым условиям, предусмотренным законодательством об административных правонарушениях»³³⁶. Вследствие этого при определении общего понятия назначения наказания или, точнее, определения меры юридической ответственности есть возможность опереться только на уголовно-правовую трактовку этого понятия.

Итак, прежде всего, назначение наказания – это процесс. Причем, этот процесс с необходимостью характеризуется несколькими принципиальными чертами: прежде всего он основан на нормах закона, специально предназначенных для регламентации назначения наказания за совершенное правонарушение; также в ходе этого процесса определяются с учетом обстоятельств совершенного деяния и личности лица, его совершившего, вид и мера наказания и фиксируются в итоговом правоприменительном акте; наконец, основанием назначения наказания выступает установленный в процессе квалификации и процессуального доказывания юридический факт правонарушения. Таким образом, назначение наказания (определение меры юридической ответственности) выступает фактически следствием квалификации правонарушения, поскольку основано на её результате.

Сформулируем рабочее определение назначения наказания (определения меры юридической ответственности) в интересах настоящего параграфа о месте юридической ответственности в системе правовых средств и взаимосвязи с применением права. *Назначение наказания представляет собой неотъемлемую часть процесса применения права при привлечении лица к юридической ответственности и заключается в определении на основе специальных законодательных норм вида и меры наказания за совершение правонарушения лицу, его совершившему, и основывается на установленных в ходе квалификации и процессуального*

³³⁶ См.: Административная ответственность: учебное пособие / под ред. И.Ш. Килясханова, А.И. Стахова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 21.

доказывания обстоятельствах совершенного деяния и характеристике личности виновного.

Подведем итог рассмотрению взаимосвязи юридической ответственности и применения права. *Прежде всего, юридическая ответственность воплощается из сферы должного в сферу сущего, в область реальных общественных отношений только в ходе применения права. Применение права при юридической ответственности представляет собой двуединый процесс, который состоит из установления и юридического закрепления точного соответствия между признаками совершенного правонарушения и признаками предусмотренного нормой права состава правонарушения (квалификация правонарушения), а также из определения на основе установленных в процессе квалификации и процессуального доказывания обстоятельств совершенного деяния и характеристики виновного лица вида и меры наказания (назначение наказания) и их юридического закрепления в итоговом правоприменительном акте по юридическому делу.*

3.2. Принципы юридической ответственности: понятие, система и общая характеристика

Проблема принципов юридической ответственности, как и большинство уже рассмотренных вопросов теории юридической ответственности, не относится к числу очевидных, лежащих на поверхности. Её смысловой подтекст определяется самой классификацией принципов права, а также кумулятивной природой нормативно-правовой формы изучаемого феномена. Выше мы определились, что юридическую ответственность нельзя считать ни отраслью права, ни подотраслью права, ни правовым институтом. Юридическая ответственность с точки зрения самого широкого подхода выступает как сложный целостный феномен, состоящий из статутной ответственности и двух форм её реализации. С позиции же предметно-инструментального подхода юридическая ответственность выступает социально-правовым явлением, обеспечивающим действие права, имеющим юридическое выражение в виде норм различных отраслей права, предусматривающих неблагоприятные последствия для лиц, признанных виновными в совершении правонарушений. Следовательно,

первичным замечанием указанной проблемы можно считать тот факт, что, говоря о принципах юридической ответственности, мы ведем речь не об институциональных, не об отраслевых или межотраслевых, и уже тем более, не об общеправовых принципах, а о принципах, на основе которых строится юридическое выражение феномена позитивно-правовой ответственности.

Это несколько усложняет рассмотрение поставленного вопроса, поскольку традиционно ведется речь именно об институциональных принципах юридической ответственности, поскольку последняя понимается как правовой институт. Однако, учитывая тот факт, что феномен ответственности собой охватывает такой объем правовых норм, который не укладывается ни в один, даже самый крупный элемент системы права, многие его принципы будут носить, как минимум, межотраслевой характер. Попытаемся, все же, разобраться с общими вопросами принципов юридической ответственности, чтобы перейти потом к рассмотрению отдельных из них.

Воспользуемся дедуктивным методом – пойдем от общего феномена и его определения к конкретным частностям. Интерес представляет определение принципов права, даваемое Е.В. Скурко. «Принципы права – отражение в категориях правового сознания, образе правового мышления профессионального юриста моральных норм юридического сообщества, обобщающих правила, определяющие собой границу и формы перехода общественных отношений – в правовые, фактов и событий – в юридические факты и субъективные права (т.е. «очерчивающие» в «сфере права» конкретные правопритязания)»³³⁷. Более кратко принципы права определяет М.И. Байтин: «принципы права – это исходные, определяющие идеи, положения, установки, которые составляют нравственную и организационную основу возникновения, развития и функционирования права»³³⁸.

Что могут дать нам эти определения принципов права в концептуальном плане. Во-первых, то, что принципы есть часть сознательной, идеологической сферы, т.е. они – феномен правосознания. Во-вторых, то, что они есть фундамент позитивного права, его развития и

³³⁷ Скурко Е.В. Принципы права: монография. М., 2008. С. 26.

³³⁸ Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 2003. С. 151.

функционирования. Наконец, в-третьих, то, что они определяют меру перехода фактических (реальных) общественных отношений в правовую сферу жизни общества. Немаловажно также и понимание принципов права как морально-корпоративных норм, принятых юридическим сообществом и выступающих важнейшим инструментом толкования права писанного. Здесь кроются глубокие смысл и суть такой меры права, как его принципы. Очень убедительной видится нам так же и позиция Е.В. Скурко, согласно которой необходимо различать и не смешивать принципы права и нормы-принципы. И вот, исходя из обозначенных методологических предпосылок, попробуем разобраться, что же есть принципы юридической ответственности.

Сторонник понимания юридической ответственности как комплексного и сложного но все же правового института Б.Т. Базылев предлагает следующую трактовку рассматриваемому феномену: «принципы юридической ответственности можно определить как основополагающие идеи, выражающие сущность, природу и назначение института ответственности, содержащиеся в законодательстве в виде норм, определяющих характер правового регулирования деликтных отношений»³³⁹. Аналогичную трактовку принципов юридической ответственности предлагает Н.В. Витрук³⁴⁰. Мы не можем признать такое определение приемлемым по ряду пунктов: юридическая ответственность – не институт, она много шире; нельзя сказать, что принципы выражают сущность юридической ответственности, эта роль традиционно признается за функциями того или иного явления и, кроме того, принципы не закрепляются в нормах, а существуют «над нормами», «сверх норм» и «кроме норм».

А.А. Иванов в этом отношении более лаконичен, он указывает, что «принципы юридической ответственности – это основополагающие идеи, выражающие сущность, природу и назначение институтов ответственности»³⁴¹. Указанный автор хотя бы не повторяет ошибки выше названных ученых и говорит о нескольких институтах ответственности,

³³⁹ Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (теоретические вопросы). – Красноярск, 1985. - С. 56.

³⁴⁰ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. – М., 2009. - С. 246-248.

³⁴¹ Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для вузов. – М., 2004. С. 73.

очевидно, имея в виду комплексы норм в рамках отдельных отраслей права. Однако, нельзя считать, например, уголовное право или законодательство об административных правонарушениях (административно-деликтное право) правовыми институтами, что также ставит под сомнение трактовку принципов А.А. Иванова. Ну и стоит отметить, что кроме слова «идеи» в приведенном определении к принципам ответственности больше отношения ничего не имеет.

Несколько точнее определение принципов юридической ответственности, даваемое М.Б. Мироненко в своем исследовании, специально посвященном указанной проблеме. По его мнению, принципы юридической ответственности - это отправные идеи, представляющие собой интеллектуальные духовные положения, характеризующие содержание, социальное назначение, функционирование и развитие юридической ответственности³⁴². Хотя и оно страдает выше уже не раз называемым недостатком смешения принципов и функций.

К сожалению, Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, глубоко исследовавшие проблемы теории юридической ответственности, в т.ч. и систему принципов юридической ответственности, не дают приемлемого определения рассматриваемому явлению. «Принципы юридической ответственности, - отмечают ученые, - это отправные идеи, закрепленные в действующем законодательстве, характеризующие сущность и содержание юридической ответственности и определяющие её законодательное развитие и практику применения»³⁴³. При всех видимых достоинствах мы и такого рода определение принципов приемлемым считать не можем: принципы далеко не всегда прямо закрепляются в законодательстве, принципы не характеризуют сущность явления, этим занимаются функции, наконец, у принципов есть свое вполне определенное место в феномене юридической ответственности.

Попытаемся из приведенного и критически осмысленного многообразия мнений по поводу принципов права и принципов юридической ответственности вывести приемлемую рабочую трактовку

³⁴² См.: Мироненко, М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. - Саратов, 2001. С. 6.

³⁴³ Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. – СПб., 2007. С. 299.

последних. Прежде всего, принципы, безусловно, это руководящие идеи, аккумулирующие корпоративные нормы юридического сообщества, выраженные в категориях правосознания. Также следует сказать, что эти идеи касаются не института и не каких-то других компонентов системы права, а юридической ответственности как целостного явления: они, помимо прочего, как раз и делают юридическую ответственность явлением целостным. Принципы юридической ответственности, кроме того, выступают мерой, показывающей переход от ответственности правовой (юридической в широком смысле, охватывающей также обычно-правовую, корпоративно-правовую и религиозно-правовую ответственность) к ответственности позитивно-правовой (юридической в собственном смысле слова). Наконец, принципы не характеризуют сущность и содержание юридической ответственности, их назначение состоит в том, что они цементируют юридическую ответственность, выступают её моральной и организационной основой, выступают также её мерой во всем многообразии значений этой категории, и характеризуют и обуславливают возникновение, развитие и функционирование юридической ответственности. Принципы юридической ответственности как целостного явления прямо нигде не закреплены, они выводятся из смысла норм различных правовых комплексов – институтов, подотраслей и отраслей права, предусматривающих юридическую ответственность.

Получается, что *принципы юридической ответственности – это особая мера юридической ответственности, представляющая собой целостный комплекс руководящих идей, являющихся нормами морально-организационного характера, выработанными юридическим сообществом, выраженных в категориях правового сознания и стиля юридического мышления юриста, и определяющих переход фактических обстоятельств социальной жизни в правовую сферу общества, выступающих фундаментальными установками, внутренне цементирующими феномен юридической ответственности и обуславливающими его развитие и функционирование.* Значение этой меры заключается в том, что она, наряду с целями, функциями, сущностью и основаниями, а также в силу своей цементирующей природы обуславливает существование юридической ответственности не в виде совокупности

разрозненных норм, а в виде целостного правового явления. Здесь необходимо сделать одну важную оговорку. Действительно, принципы юридической ответственности есть мера перехода неправовых феноменов в правовые при юридико-позитивистском понимании права. Но таковое их значение не меняется и при широком понимании права. Эти принципы применимы как для феномена юридической ответственности, так и для феномена ответственности правовой. Пока же следует уделить внимание классификации принципов юридической ответственности и самим этим принципам непосредственно.

Думается, что руководствоваться традиционной уровневой классификации принципов права по системе права здесь мы не можем, ведь юридическая ответственность – феномен, а не отрасль права или правовой институт. Исходя из этого необходимо говорить о принципах собственно юридической ответственности и о принципах права, получивших преломление в рамках юридического выражения феномена юридической ответственности.

К последним можно отнести, безусловно, законность. Её содержание неспецифично и очевидно в рамках юридической ответственности, мы даже не будем на этом останавливаться. Специальное значение для юридической ответственности будут иметь принципы равенства, справедливости, гуманизма, правовой экономии, правовой определенности. Однако, их подробное рассмотрение будет осуществлено при анализе общетеоретических критериев определения меры юридической ответственности.

Безусловным принципом юридической ответственности следует считать ответственности за виновно совершенное деяние. Но, и это важно – он касается исключительно ответственности за правонарушение, потому в целом как принцип всего феномена ответственности рассмотрен быть не может, ведь принцип должен охватить обе формы реализации юридической ответственности, а также статутную ответственность. Неотвратимость ответственности также не может быть нами рассмотрена как принцип, поскольку она характеризует сущность данного феномена, выступает как его органическое свойство, определяющее также целесообразность существования такого правового явления. С другой стороны, неотвратимость

не самоценна, она играет свою роль только в синтезе с принципом правовой справедливости – соответствия вида и размера ответственности характеру и степени общественной опасности совершенного деяния и личности правонарушителя. В рамках юридической ответственности этот принцип правовой справедливости органично связан с единственным принципом собственно юридической ответственности как целостного явления, каковым следует считать ***принцип дифференциации ответственности и индивидуализации её меры конкретному субъекту права.***

Данный принцип подробно изучен в рамках отраслевой и общетеоретической юридической литературы. Особенно ему внимание уделяется в рамках науки уголовного права. Этот принцип корреспондирует общеправовой идее равенства всех перед законом. С одной стороны, равенство для юридической ответственности предполагает, что все несут ответственность за свои действия, все подлежат ответственности, независимо от различий по тем или иным признакам. С другой – это не означает, что все несут ответственность в равной мере, независимо от особенностей их личности или совершенного ими деяния. Эти различия и обуславливают разницу в законодательной формулировке санкций за правонарушения/социально-активное поведение, а также в содержании конкретной меры юридической ответственности конкретному лицу за конкретное правонарушение. Наличие двух сторон, двух составляющих частей и дает содержание принципу дифференциации и индивидуализации ответственности.

Данная идея выступает принципом юридической ответственности постольку, поскольку она определяет развитие этого феномена, точнее – его законодательной регламентации, а также как раз и выступает той мерой, которая регламентирует оценку фактических обстоятельств с т.з. дифференциации как квалификационно значимых, а с т.з. индивидуализации – как значимых для конкретного вида и размера юридической ответственности. Отсюда вытекает также и единство этих составных частей анализируемого принципа: дифференциация без последующей индивидуализации отнимает у права гибкость и возможность учета всех обстоятельств дела, индивидуализация без предшествующей

дифференциации лишает правоприменителя рамок, придает ему необоснованно и неоправданно широкие пределы для усмотрения.

Проанализируем подход, предлагаемый исследователем проблем дифференциации уголовной ответственности Т.А. Лесниевски-Костаревой. Как указывает ученый, «уголовная ответственность дифференцируется законодателем уже на этапе её установления и градации в законе её рамок, а после совершения преступления речь идет о точной квалификации содеянного (установления основания и законодательно определенных рамок ответственности) и избрания конкретной меры уголовно-правового воздействия конкретному лицу»³⁴⁴. Основанием дифференциации уголовной ответственности она считает типовую степень общественной опасности деяния и типовую степень общественной опасности лица, его совершившего³⁴⁵ (что, как нельзя лучше, согласуется с нормативистской концепцией состава правонарушения). Наконец, рассмотрев признаки дифференциации уголовной ответственности, Т.А. Лесниевски-Костарева дает этому процессу следующее определение: «дифференциация уголовной ответственности – это градация, разделение, расслоение ответственности в уголовном законе, в результате которой законодателем устанавливаются различные уголовно-правовые последствия в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и типовой степени общественной опасности личности виновного»³⁴⁶.

Дифференциация юридической ответственности в целом может основываться на этих же постулатах. Выступая составной частью общего принципа юридической ответственности, дифференциация имеет продолжение в виде индивидуализации и предваряет её. *Сущность дифференциации ответственности заключается в том, что она присутствует на стадии правотворчества и представляет собой процесс установления законодательных различий в качественно-количественных пределах мер юридической ответственности в зависимости от тех или иных типичных признаков деяния и лица, его совершившего.* С помощью дифференциации ответственности законодатель

³⁴⁴ Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М., 2000. С. 43.

³⁴⁵ См.: Там же. С. 56.

³⁴⁶ Там же. С. 63.

заранее определяет разный подход к разным видам того или иного юридически значимого поведения. Однако, особенностью дифференциации и необходимым её свойством выступает рамочный характер, т.е. то, что она не определяет конкретные вид и размер меры ответственности, а лишь устанавливает рамки для этого определения, которое затем осуществляется в ходе индивидуализации юридической ответственности.

Если дифференциация ответственности далеко не всеми авторами рассматривается в качестве её принципа, то по поводу индивидуализации расхождений гораздо меньше. В литературе по общей теории права и государства принцип индивидуализации применительно к ответственности разработал А.А. Иванов. К его трудам мы и обратимся при рассмотрении указанного принципа. По его мнению «сущность принципа индивидуализации юридической ответственности заключается в необходимости строгого и последовательного учета черт конкретного правонарушения и его субъекта, выбора такой меры ответственности, которая наиболее полно и точно соответствовала бы выявленным особенностям в целях достижения оптимальных результатов для воздействия на сознание и поведение правонарушителя и предупреждения правонарушений»³⁴⁷. *Индивидуализация выступает продолжением дифференциации ответственности на уровне конкретного правонарушения. Индивидуализация выступает конкретизацией меры юридической ответственности в количественных и качественных характеристиках уже не с учетом типичных признаков деяний определенного вида, а с учетом специфики определенного деяния. Исходя из этого сущность индивидуализации юридической ответственности заключается в определении на основе дифференцированно заданных рамок размера и вида меры юридической ответственности конкретному правонарушителю за конкретное совершенное им деяние.*

Таким образом, принцип дифференциации юридической ответственности и индивидуализации её меры охватывает два тесно взаимосвязанных и последовательно друг за другом идущих процесса, основная цель которых состоит в установлении соответствия между

³⁴⁷ Иванов А.А. Индивидуализация юридической ответственности. Правовые и психологические аспекты. М., 2003. С. 9.

совокупностью всех юридически значимых признаков фактического деяния и личности лица, его совершившего, и качественно-количественными пределами ответственности за него.

Помимо названных принципов к принципам юридической ответственности можно также отнести принцип экономии государственно-правовой репрессии, выступающий частным случаем общеправового принципа правовой экономии. Этот принцип в общем виде может быть определен тезисом: более строгая мера ответственности может быть назначена лицу только в том случае, если менее строгая мера ответственности не способна достичь целей ответственности. Следует отметить, что такого рода требование на общеправовом уровне определятся и как вариант принципа гуманизма, и как реализация принципа целесообразности, и даже как ответвление принципа справедливости. Думается, однако, что экономия правовой репрессии есть не только проявление гуманизма, но и проявление целесообразности, а также разумности и рациональности правового регулирования. По этой причине указанный принцип имеет, на наш взгляд, самостоятельное значение, как и его общеправовая основа – принцип правовой экономии, которому мы уделим особое внимание в дальнейшем изложении.

Принципами юридической ответственности также следует считать принцип дифференциации и индивидуализации ответственности; принцип ответственности за виновно совершенное деяние; принцип сочетания неотвратимости ответственности и соразмерности между мерами ответственности и фактическими обстоятельствами совершенного деяния и характеристикой личности виновного; принцип экономии государственно-правовой репрессии. Такая система принципов, на наш взгляд, отражает инструментально-охранительную природу юридической ответственности как средства обеспечения действенности механизма правового регулирования.

3.3. Цели и функции юридической ответственности: понятие, содержание и взаимосвязь

Специфику феномена юридической ответственности, а также его внутреннее единство определяют, наряду с принципами и основаниями, его цели и функции, в которых реализуется сущность и социальное назначение данного института. Эти вопросы являются достаточно разработанными в рамках теории государства и права, однако их проблематичность этим не уменьшается. Причем, трудности возникают, как обычно, по всем возможным аспектам – от понятия, до содержания отдельных целей и функций юридической ответственности. Рассмотрим этот блок вопросов, особо обратив внимание на предлагаемую Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским систему взаимосвязи целей и функций юридической ответственности. Следует, однако, отметить, что эта система, несмотря на всю её теоретическую привлекательность, по сути является слишком замысловатой, и не в полном объёме адекватна реальной картине возможных функций и целей юридической ответственности. Рассмотрим, однако, имеющиеся подходы к заявленной проблематике.

Проблему функций и целей юридической ответственности в своей работе затрагивает Б.Т. Базылев, однако он, будучи сторонником рассмотрения юридической ответственности лишь как комплексного правового института, рассматривает эти субстанции именно как проявления правового института³⁴⁸. Понимание же ответственности как социально-правового явления не позволяет так суживать и представление о его целях и функциях. Наиболее подробно искомый вопрос рассматривают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский.

Прежде всего, однако, обратимся к словарю русского языка С.И. Ожегова. Слову «функция» С.И. Ожегов дает четыре значения: 1) явление, зависящее от другого и изменяющееся по мере изменения этого другого явления; 2) в математике – переменная величина, изменяющаяся в зависимости от изменений другой величины; 3) работа, производимая органом, организмом; роль, значение чего-нибудь; 4) обязанность, круг

³⁴⁸ См.: Базылев Б.Т. Юридическая ответственность: (теоретические вопросы) / отв. ред. Н.В. Витрук. – Красноярск: Изд-во КГУ, 1985.

деятельности³⁴⁹. Из этой палитры значений к нашей проблеме подходят все, за исключением четвертого. Это означает, что содержательно функция юридической ответственности зависит от самого этого феномена и изменяется по мере его изменения, также это роль и значение юридической ответственности, работа, производимая данным феноменом, и круг его деятельности. Полисемичность термина «функция» показывает широту его возможного применения и к юридической ответственности.

Что касается понятия «цель», то здесь С.И. Ожегов не настолько многословен и из того, что он предлагает, нам подходит только «то, к чему стремятся, что надо осуществить»³⁵⁰. Такую краткую характеристику категории «цель» позволит дополнить Новая философская энциклопедия. По указанию данного авторитетного источника «цель – идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; финальный результат, на который преднамеренно направлен процесс»³⁵¹. Получается, что цель – некий идеальный эталон, образец, к которому стремится тот или иной субъект, т.е. цель есть определенная мера феномена, в данном случае – юридической ответственности. Рассуждая при опоре на приведенные положения филологии и философии мы можем заключить следующее предварительное соотношение юридической ответственности, её функций и целей: юридическая ответственность как правовой феномен стремится к достижению собственных целей посредством собственных функций. Следовательно, функции юридической ответственности – это определенные средства по достижению целей юридической ответственности.

Из подобных же предпосылок исходят и профессора Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский³⁵². Мы в рамках настоящей работы не будем подробно останавливаться на их рассуждениях, а приведем лишь ряд определений, имеющих значение для раскрытия данного вопроса.

³⁴⁹ См.: Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. М., 2010. С. 1265.

³⁵⁰ См.: Там же. С. 1288.

³⁵¹ См.: Новая философская энциклопедия. Т. 4 / предс. ред. совета В.С. Степин. М., 2010. - С. 317.

³⁵² См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 387.

Во-первых, под целями юридической ответственности указанные авторы предлагают понимать «предполагаемое состояние будущего развития поведения субъектов, нравственной сферы, общественных отношений, которое обеспечивается государством и к достижению которого через установление и применение юридической ответственности стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности»³⁵³. Такое определение полностью соответствует выше обозначенным философским и социальным основаниям, а потому может быть взято в качестве вполне приемлемого для характеристики целей юридической ответственности.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский дают трактовку и более широкому понятию. «Система целей юридической ответственности – это взаимосвязанная, взаимообусловленная и взаимозависимая совокупность предполагаемых состояний настоящего и будущего развития общественных отношений, которое обеспечивается государством и к достижению которого через установление и применение юридической ответственности стремятся субъекты правотворческой и правореализаторской деятельности»³⁵⁴. Данное понятие просто обобщает в себе частные цели юридической ответственности. А вот следующая понятийная конструкция представляет для настоящей работы интерес: под функционированием юридической ответственности Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский предлагают понимать взаимосвязанную и взаимообусловленную систему осуществления направлений воздействия юридической ответственности, в которых раскрываются её сущность, социальное назначение и достигаются цели юридической ответственности³⁵⁵. Думается, однако, что речь здесь идет не о функционировании юридической ответственности, а, опять-таки о системе её функций. Функционирование же выступает как целостное явление, как «деятельность» юридической ответственности как феномена в целом. Юридическая ответственность функционирует через свои функции для достижения своих целей. Отсюда функционирование юридической ответственности вернее определять как реализацию юридической ответственностью своих функций для достижения собственных целей.

³⁵³ См.: Там же. С. 399.

³⁵⁴ См.: Там же. С. 399.

³⁵⁵ См.: Там же. С. 400.

Определение функций юридической ответственности, даваемое Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским следует признать вполне удачным и логически стройным, что дает основания для его использования в рамках настоящей работы. «Под функциями юридической ответственности необходимо понимать основные направления воздействия юридической ответственности на общественные отношения, поведение людей, мораль, правосознание, культуру, в которых раскрывается её сущность, социальное назначение и через которые достигаются цели юридической ответственности»³⁵⁶.

Таким образом, содержание понятия функций и целей юридической ответственности становится более-менее ясным. Они полностью корреспондируют общему пониманию и смыслу целей и функций права. Углубление познания того или иного феномена производится через его классификацию. Классификации функций и целей юридической ответственности подробное внимание в литературе уделяется³⁵⁷. Нас, по большому счету, интересует не столько сама классификация, сколько прослеживаемая Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским в ходе этой классификации взаимосвязь целей и функций юридической ответственности.

Взаимосвязь функций и целей юридической ответственности, по мнению Р.Л. Хачатурова и Д.А. Липинского, можно выразить следующим образом. Если функции юридической ответственности – это направления её правового воздействия, то они преследуют достижение определенных целей. Посредством функционирования юридической ответственности происходит переход субъективной категории цели в объективную реальность. Та объективная реальность, которой удается достичь благодаря воздействию функций юридической ответственности, является уже результатом воздействия функций, т.е. результатом объективным, а не субъективным. В реальной действительности всегда существует цепочка: цель – функции – результат. Функция юридической ответственности является тем связующим звеном, благодаря которому цель из субъективной категории превращается в

³⁵⁶ См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 407.

³⁵⁷ См. например там же: С. 408-416.

объективную реальность, в конкретный результат правового воздействия юридической ответственности³⁵⁸.

По мнению С.А. Шлыкова, «объективно появившийся результат служит функцией для достижения цели более высокого порядка»³⁵⁹. Результат функционирования может быть самым разнообразным: сужение имущественной сферы, исключение из определенных общественных отношений, исправление внутренних качеств, правомерное поведение, упорядочение состояния общественных отношений, восстановление нарушенных прав и т.д. Возникает вопрос: как, например, восстановление нарушенных прав или реальное исправление может считаться функцией юридической ответственности? Думается, что взаимосвязь здесь носит несколько иной характер. Цель, превратившаяся в реальную действительность, может выступать в качестве основания изменения или прекращения функции юридической ответственности по конкретному делу (?). Например, появление определенных показателей, свидетельствующих об исправлении осужденного, может выступать одним из критериев, на основе совокупности которых принимается решение об условно-досрочном освобождении. Таким образом, цель, объективизировавшись в конкретный результат, выступает основанием для прекращения динамики карательной функции. Аналогичная ситуация возникает и при принятии решения о смягчении условий отбывания осужденным наказания. В данном случае частично достигнутая цель выступает в качестве основания для изменения функционирования юридической ответственности. Кроме того, появившийся результат является не функцией, а фактором, способствующим достижению другой цели юридической ответственности.

Между целями и функциями юридической ответственности могут прослеживаться взаимосвязи не только положительного, но и отрицательного свойства. В реальной действительности бывает так, что цели юридической ответственности не достигаются (или вообще недостижимы): растет уровень правонарушаемости, не происходит воспитание правонарушителей, граждане игнорируют запреты, уровень правовой

³⁵⁸ См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 387.

³⁵⁹ Шлыков С.А. Функции уголовной ответственности // Проблемы совершенствования советского законодательства – С. 198.

культуры общества падает. Названные показатели говорят о том, что юридическая ответственность так и не способствовала достижению желаемого результата, который так и остался на уровне субъективных представлений. Отсутствие желаемого результата, недостижение целей юридической ответственности говорят о низкой эффективности способов осуществления функций юридической ответственности. Отрицательный результат должен ориентировать субъектов правотворческой и правоприменительной деятельности на совершенствование законодательства и практики его применения³⁶⁰.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский полагают, что для классификации целей необходимо различать цели института юридической ответственности в целом и цели видов юридической ответственности, в частности. В классификации необходимо выделять цели, которые, в свою очередь, служат классифицирующими основаниями для функций юридической ответственности. Думается, что таковыми являются: исправление правонарушителей и воспитание граждан; наказание, кара, сужение имущественной сферы и личной неимущественной; стабилизация темпов прироста правонарушений, снижение уровня правонарушаемости (превенция); восстановление нарушенных общественных отношений; закрепление, упорядочивание общественных отношений и их совершенствование. Этим целям соответствуют воспитательная, карательная, превентивная, восстановительная, регулятивная функции³⁶¹.

Ввиду того, что в рамках определенного направления правового воздействия существуют относительно самостоятельные его разновидности, можно выделить промежуточные цели, которые соответствуют этим направлениям. Компенсационной разновидности направления юридической ответственности соответствует цель компенсации. Частнопревентивному направлению правового воздействия соответствует цель предупреждения правонарушений среди лиц, ранее совершавших правонарушения. Общепревентивному направлению соответствует цель предупреждения правонарушений среди всех субъектов юридической ответственности.

³⁶⁰ См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 388-402.

³⁶¹ См.: Там же. С. 396.

Достижение этих целей ведет к стабилизации темпов прироста и понижению уровня правонарушаемости.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский приводят следующее обоснование выделения такой цели, как **стабилизация темпов прироста правонарушаемости**. Они указывают, что цели юридической ответственности могут быть реальными или нереальными³⁶². М.П. Трофимова указывает, что полная ликвидация правонарушаемости – цель нереальная, утопичная, а в качестве реальной цели она называет понижение уровня правонарушаемости³⁶³. Но статистика последнего десятилетия упорно свидетельствует о том, что темпы прироста преступности не только не стабилизируются, но и ежегодно увеличиваются по всем видам преступлений, причем на фоне снижения численности населения РФ. Следовательно, цель понижения уровня правонарушаемости в настоящее время является перспективной, а одна из ближайших целей юридической ответственности – стабилизация прироста правонарушений. Когда же будет достигнута цель стабильности прироста правонарушений, ближайшей целью юридической ответственности станет понижение уровня правонарушаемости.

Для дальнейшего исследования соотношения целей и функций юридической ответственности и определения роли каждой функции в достижении целей необходимо выявить содержание целей юридической ответственности. Думается, что анализ необходимо начинать с воспитательной и общепревентивной функций юридической ответственности, выступающих социально значимыми целями с перспективной системой воздействия на людей.

Само название превентивной функции указывает, что её цель – предупреждение правонарушений. Однако цель предупреждения правонарушений достигается только посредством формирования правомерного поведения членов общества. Кроме того, цель предупреждения правонарушений является общей, комплексной. Она может быть достигнута в результате общей и частной превенции. Частная превенция направлена на формирование и обеспечение правомерного

³⁶² См.: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб., 2007. С. 389.

³⁶³ См.: Трофимова М.П. Функции юридической ответственности. М., 2005. С. 13-14.

поведения лиц, совершивших правонарушения. Общая превенция направлена на формирование правомерного поведения субъектов, ранее не совершавших правонарушений. Таким образом, цель общей и частной превенции – формирование и обеспечение правомерного поведения лиц, совершавших правонарушения, и лиц, ранее не совершавших правонарушений. Достижение названных целей приводит к предупреждению правонарушений, а в конечном итоге – к стабилизации уровня правонарушаемости.

Исходя из изложенного, можно выстроить следующий ряд целей **превентивной функции**: формирование и обеспечение правомерного поведения всех субъектов юридической ответственности; предупреждение правонарушений; стабилизация уровня правонарушаемости.

Что касается долгое время пропагандировавшейся в советской юридической литературе цели полной ликвидации правонарушений, то это была лишь дань времени, продиктованная целевыми партийными установками. Криминологические исследования последних лет доказывают невозможность полной ликвидации правонарушений. Полная ликвидация правонарушений – утопия, правовой идеализм.

Основной целью **карательной функции** является наказание, кара правонарушителей. Эта цель служит классифицирующим критерием, выделяя карательную функцию в системе функций юридической ответственности. Цель кары реализуется не сразу, а посредством достижения других целей юридической ответственности. Возникнув в своей статике – в виде обязанности подвергнуться неблагоприятным последствиям, юридическая ответственность преследует цель неотвратимости наказания (взыскания), осуждения правонарушителей, а наказание и осуждение, в свою очередь – цель кары, которой можно достичь посредством наложения на субъекта различного рода обременений, неблагоприятных последствий. Таким образом, встраивается следующая система целей: неотвратимое наказание (взыскание), осуждение – возложение различного рода неблагоприятных обременений – кара.

В юридической литературе ведется достаточно много дискуссий о сущности наказания, о наличии кары как цели наказания. Одни ученые считают, что цели кары не существует, другие, наоборот, аргументируют её

наличие как цели наказания и ответственности, третьи допускают её наличие с небольшой долей условности, четвертые кару считают задачей, а не целью юридической ответственности. Думается, что наказание преследует цель кары, но кары справедливой, заслуженной, индивидуализированной, законной, гуманной, неотвратимой. Кара, которая наступает за совершенное правонарушение, должна соответствовать всем принципам юридической ответственности. Только так можно отойти от её средневекового понимания.

Карательная функция юридической ответственности преследует не только указанные цели, которые могут рассматриваться как основные, соответствующие этой функции, но и ряд других целей, которые не позволяют каре превратиться в самоцель, которые делают её справедливой. Эти цели для карательной функции выступают в качестве дополнительных, а для других функций – в качестве основных. Дополнительные цели появляются благодаря тому, что одновременно с карательной функцией осуществляются и другие функции юридической ответственности. Что это за цели? Думается, что это цели, соответствующие превентивной, воспитательной, восстановительной функциям: исправление правонарушителей, восстановление нарушенных общественных отношений, предупреждение правонарушений.

Воспитательная функция юридической ответственности в зависимости от того, на кого она воздействует, может преследовать несколько схожих, но не тождественных целей. Если воспитательная функция воздействует на волю и сознание правонарушителя, то она преследует следующие цели: вытеснение из сознания правонарушителя антисоциальных установок, правового нигилизма, криминальной психологии; формирование социально одобряемых стереотипов поведения; уважение к праву, морали; исправление. Цель исправления правонарушителя достигается в результате вытеснения правового нигилизма, криминальной психологии, формирования уважения к праву, морали, социально одобряемых стереотипов поведения.

Мы не случайно не указали такую цель, как перевоспитание. На наш взгляд (и на взгляд многих специалистов в области уголовно-исполнительного права, например, А.С. Михлина), перевоспитать человека нельзя, так как перевоспитание означает полное изменение внутренних

качеств и свойств человека. Реально можно достичь только цели исправления. Понятия «исправление» и «перевоспитание» не тождественны друг другу: перевоспитание выступает более широким понятием, чем исправление. Законодатель отказался от закрепления такой цели наказания, как перевоспитание, да и практика воздействия на осужденных показывает, что такая цель нереальна. Цели, закрепленные в нормативно-правовых актах, должны быть реальными, а не декларативными. Особенно необходимо соблюдение такого условия для отечественного законодательства, которое изобилует декларативными целями.

Восстановительная функция юридической ответственности направлена на достижение следующих целей: предоставление аналогичной вещи, компенсацию убытков, восстановление общественного спокойствия, восстановление права, а в конечном итоге – на восстановление социальной справедливости и общественных отношений. Цели восстановительной функции тесно связаны с целями карательной функции, и, зачастую, целей восстановительной функции можно достичь в результате достижения целей карательной функции. Например, сужение имущественной сферы правонарушителя приводит к достижению цели компенсации убытков и одновременно к каре правонарушителя. Взаимосвязь целей и функций юридической ответственности необходима для их эффективного функционирования и обусловлена тем фактом, что они дополняют друг друга³⁶⁴.

Такова в общих чертах система целей и функций юридической ответственности, приводимая Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским. При всех её достоинствах (развернутость, глубина, охват многих сторон ответственности) эта система имеет и ряд существенных недостатков. На наш взгляд, авторы допускают смещение собственно юридических функций ответственности и общесоциальных функций. Безусловно, будучи социально-правовым явлением, юридическая ответственность выполняет и собственно юридические, и общесоциальные функции, но с точки зрения инструментально-охранительной природы ответственности за правонарушения, её трактовки как инструмента правового регулирования,

³⁶⁴ См. все выше перечисленное подробнее: Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности: монография. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. С. 390-443.

как средства обеспечения этого регулирования, необходимо прежде всего выделять и рассматривать именно специально-юридические функции ответственности. При этом следует также отталкиваться от функций права в целом, коих на сегодняшний день общепринято выделять две – регулятивную и охранительную.

3.4. Теоретико-правовые проблемы классификации юридической ответственности

Рассмотренные выше блоки вопросов необходимо относить к общим вопросам теории юридической ответственности, или, другими словами, к общей части этой частной теории в рамках науки теории права и государства. Особенную часть составляют концепции ответственности в рамках отдельных отраслей права. Свои теории ответственности есть в уголовном праве, в административно-деликтном праве, в гражданском праве, трудовом праве, отдельные элементы можно найти в финансовом, конституционном, природоохранном праве. Исходя из этого можно, видимо, сделать вывод о том, что Особенная часть юридической ответственности сформирована отраслевыми теориями, а следовательно, предreshен вопрос о видах юридической ответственности. Но так ли это просто, как кажется на первый взгляд.

Традиционно выделяют следующие виды ответственности:

По характеру воздействия на позитивную (перспективную) и негативную (ретроспективную);

По форме осуществления: осуществляемую в судебном, административном, ином порядке;

По органам государства: законодательными, исполнительно-распорядительными (административными), судебными и иными юрисдикционными органами государства³⁶⁵;

По видам правонарушений: уголовная, административная, гражданско-правовая, налоговая, дисциплинарная, материальная³⁶⁶;

³⁶⁵ См. например: Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – 2-е изд., пересмотр. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2010. С. 494-495.

³⁶⁶ См. например: Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 480-483.

По санкциям: правосстановительная и карательная ответственность³⁶⁷;

По функциональному и целевому критерию: превентивная и воспитательная ответственность³⁶⁸.

Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский подвергают уничтожительной критике все выше приведенные классификации юридической ответственности³⁶⁹. С их аргументацией мы во многом согласны, поэтому не будем приводить её здесь, желающий подробно ознакомиться может обратиться к неоднократно называемой монографии ученых «Общая теория юридической ответственности». Сами они придерживаются строго отраслевого критерия классификации, и дают ему следующую характеристику: «В рамках классификации на основе отраслевого критерия происходит наиболее крупное, первоначальное деление юридической ответственности. Отраслевой критерий позволяет выявить общие закономерности развития того или иного вида юридической ответственности, определить его юридическую природу, уяснить количество видов юридической ответственности в соответствии с отраслями отечественного права... Помимо отраслевого критерия можно выделить ряд дополнительных признаков, которые свидетельствуют о самостоятельности вида юридической ответственности: наличие кодифицированного нормативно-правового акта, предусматривающего юридическую ответственность; особенности процессуального осуществления; наличие самостоятельного правонарушения (со своей природой объекта правонарушения); вид установленных государством неблагоприятных последствий совершенного деяния (например, уголовное наказание специфично только для уголовной ответственности)»³⁷⁰. «С учетом отраслевого критерия юридическая ответственность подразделяется на следующие виды: конституционную, уголовную, административную, гражданско-правовую, трудовую, финансовую, уголовно-процессуальную,

³⁶⁷ См.: Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Том 3. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. С. 491-502.

³⁶⁸ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: Монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. С. 627-628.

³⁶⁹ См.: Там же. С. 627-640.

³⁷⁰ См.: Там же. С. 641-642.

уголовно-исполнительную, гражданско-процессуальную. В порядке постановки проблемы мы отмечаем семейно-правовую ответственность и конституционно-процессуальную ответственность...»³⁷¹. Таким образом, авторы строят концепцию видов юридической ответственности с явной претензией на универсальность и объективную истинность.

Однако, по нашему мнению, эта концепция обладает не меньшим количеством и качеством недостатков и противоречий, чем критикуемые Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским подходы, а, отчасти даже большим. Дело в том, что далеко не каждая отрасль права обладает своим собственным видом юридической ответственности, многие законы указывают на наступление ответственности по нормам гражданского, уголовного, административного права, или вообще употребляют фразу «в случае нарушения норм ответственность наступает в соответствии с российским законодательством». И на этом основании подвергать сомнению отраслевую самостоятельность экологического, или же природоресурсного права, по меньшей мере не вполне обоснованно. Наиболее типичными критериями обособления отраслей права в теории права считаются самостоятельность предмета правового регулирования, а также метода правового регулирования. Но, поскольку этих критериев, как правило, недостаточно, то в дополнение к ним можно также назвать наличие собственных отраслевых правовых принципов; отраслевую специфику правоотношений со своеобразием структуры этих отношений; наличие собственной нормативно-правовой базы; наличие особо регламентированного порядка (процесса, процедур) реализации, применения норм отрасли права; наличие системы органов, применяющих нормы данной отрасли; сложившиеся в той или иной правовой системе традиции правового регулирования; иногда также называют критериями в дополнение к выше обозначенным наличие собственной отраслевой юридической науки и самостоятельной учебной дисциплины, а также наличие самостоятельного вида ответственности; также выделяют особые отраслевые правовые режимы³⁷². Как можно

³⁷¹ См.: Там же. С. 650.

³⁷² См. подробнее: Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х томах. Т. I. – М.: Юрид. лит., 1981. С. 238-265. Определенное внимание критериям обособления отраслей права уделяет также и В.Н. Синюков. См.: Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. С. 398-404.

увидеть, имеет место быть значительное многообразие свойств, характеризующих самостоятельность отрасли права, среди которых наличие самостоятельного вида юридической ответственности не выступает конституирующим, или даже в ряду ведущих признаков, т.е. она может быть, а может и не быть, в зависимости от специфики отраслевого правового регулирования, в силу чего несколько необоснованно привязывать классификацию, и вообще какого-то рода систематизацию ответственности к отраслевому критерию.

С другой стороны, нельзя сказать, что в отраслях российского права наблюдается унифицированный подход к регулированию вопросов ответственности, в каждой отрасли он специфичен. Общие черты наблюдаются лишь у отдельных видов ответственности, выявляя же некие обобщенного рода закономерности ответственности, мы неизбежно скатываемся к какому-либо её направлению, например, к уголовно-правовой и административной, как это наблюдается в настоящей работе. Следовательно, так называемые виды юридической ответственности объединяет лишь то, что каждый из них – это отражение в позитивном праве социально-правового явления «юридическая ответственность». Во всем остальном эти, грубо говоря, «щупальца осьминога» друг с другом не пересекаются, каждый из них выступает как самостоятельная составная часть единого «тела» юридической ответственности.

Для дополнительного обоснования выдвинутого тезиса необходимо рассмотреть другую точку зрения, в соответствии с которой в рассматриваемом вопросе речь идет не о видах юридической ответственности, а об элементах системы юридической ответственности. Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, начиная рассматривать виды юридической ответственности, речь ведут именно о системе юридической ответственности. «Юридическая ответственность – сложный, системный, многофункциональный институт, часть системы отечественного права. Юридическая ответственность, в свою очередь, состоит из подсистем, в роли которых выступают отдельные виды юридической ответственности. Количество подсистем в системе юридической ответственности равно количеству видов юридической ответственности. Каждый вид юридической ответственности подразделяется на подвиды (подсистемы), а подвиды

юридической ответственности состоят из совокупности норм юридической ответственности... Таким образом, систему юридической ответственности можно условно представить в виде следующей схемы: юридическая ответственность в целом (как система) – виды юридической ответственности (как подсистемы) – подвиды юридической ответственности (как элементы системы) – норма, предусматривающая юридическую ответственность (как первичный элемент)»³⁷³. Таким образом, согласно обозначенному подходу, виды юридической ответственности – это то же самое, что подсистемы юридической ответственности. Однако, у данной позиции есть несколько уязвимых мест. Во-первых, указанные подсистемы, по меньшей мере, разновеликие даже в рамках системы права – уголовное и административно-деликтное право составляют отрасли права, целиком посвященные ответственности, в рамках же налогового и гражданского права есть смысл говорить об институтах ответственности, дисциплинарная ответственность носит межотраслевой характер, материальная есть не что иное как преломление гражданско-правовой ответственности в сфере трудового права. Во-вторых, речь в данном случае идет о нормативной составляющей юридической ответственности, т.е. об отражении юридической ответственности как явления в позитивном праве, а не о самой ответственности в целом. В силу этого, позиция о подсистемах юридической ответственности не решает проблемы видов юридической ответственности, а ещё больше её усложняет.

Тем не менее, вопрос о группировке норм юридической ответственности требует своего разрешения, а в свете выше обозначенной проблематики является весьма актуальным. Думается, единственным возможным критерием такой группировки будут выступать объекты охраны, или, другими словами, предмет правового регулирования – та действительно единственно существующая объективная реальность, которая опосредуется правовыми нормами. Конечно, это не совпадающие по объёму категории, объект охраны необходимо выделять в связке с юридической ответственностью, что же касается предмета правового регулирования, то он касается отраслей права и права в целом. Поэтому, первоочередным

³⁷³ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: Монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. С. 624.

критерием типологии норм юридической ответственности выступает объект правовой охраны.

На сегодняшний день самостоятельные отрасли уголовное и административно-деликтное право, в основном регулируют вопросы ответственности весьма сходным образом, расходясь в незначительных деталях. Ближе к ним примыкает ответственность, предусмотренная в налоговом праве, будучи обособившейся от административной ответственности разновидностью реакции государства на правонарушения в финансовой сфере. Отдельным образом формируется ответственность, обеспечивающая дисциплину труда в различных сферах человеческой деятельности, которая предусмотрена нормами трудового права (дисциплинарная ответственность), а также административного, финансового и, в определенной части, гражданского права. Наконец, особое место занимает ответственность, обеспечивающая нормальное течение гражданского оборота, представленная гражданско-правовой договорной и деликтной ответственностью, а также материальной ответственностью в трудовом праве.

Исходя из этого можно выделить несколько объектов охраны юридической ответственности:

- 1) Общественные отношения во всех сферах жизни социума, которым причиняют или могут причинить вред общественно опасные посягательства;
- 2) Дисциплина труда во всех сферах человеческой деятельности, и общественные отношения, её опосредующие;
- 3) Гражданский оборот и общественные отношения, обеспечивающие его нормальное функционирование в статике и динамике.

Первому объекту охраны соответствуют административная и уголовная ответственности, объекты охраны которых предельно широки и распространяются по всем сферам общественной жизни, где законодатель демонстрирует одинаковый подход к определению форм вины, а правонарушения различаются, преимущественно, по степени общественной опасности. Сюда же относится и налоговая ответственность, а равно иная ответственность, имеющаяся в нормах финансового права как отпочковавшаяся в свое время от административной ответственности. Хотя, со временем, по мере развития соответствующих правовых институтов,

можно будет говорить и о самостоятельном объекте охраны – общественных отношениях в сфере государственных финансов. Второй объект охраняет дисциплинарная ответственность как межотраслевой институт законодательства. Наконец, на охрану третьего объекта нацелены гражданско-правовая и материальная ответственность, обеспечивающие вещные и обязательственные правоотношения и фактический гражданский оборот.

Нельзя сказать, что такой подход размежевания сфер юридической ответственности не имеет аналогов в юридической науке и практике. Так, Ю.Е. Пудовочкин, со ссылкой на правовые позиции Европейского суда по правам человека, выделяет категорию «уголовной сферы». Приведем его рассуждения полностью, в интересах настоящего исследования представляющие особую ценность и интерес ввиду того, что демонстрируют несколько отличную от сложившейся в отечественной правовой традиции градации правонарушений и соответствующих им видов ответственности, а также в силу того, что наша позиция близка позиции заявленного автора, а значит, его рассуждения можно рассматривать в качестве дополнительного аргумента в пользу такого критерия типологизации норм юридической ответственности, как объект охраны.

«Понятие уголовной сферы охватывает собой уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и часть административных правоотношений, в рамках реализации которых государство – участник Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод обязано обеспечить соблюдение требований ст. 6 Конвенции о справедливом, публичном, в разумный срок разбирательстве судебного дела на основе презумпции невиновности и с предоставлением возможности защиты от обвинения. Европейский суд признал, что решение национального законодателя об отнесении того или иного деяния к области уголовного или административного права не является главным критерием при решении вопроса о применении ст. 6 Конвенции. Суд указал на ряд признаков, позволяющих выделить «уголовную сферу», среди них основными были признаны «природа преступления, природа и строгость наказания». При этом под «природой преступления» понимается сфера применения нарушаемой нормы. Если норма имеет универсальный, общеобязательный характер – это

преступление; если норма относится только к определенной, ограниченной дисциплинарной властью группе отношений, то речь идет о дисциплинарном проступке, если и санкции носят дисциплинарный, а не уголовный характер. Важно указание Европейского суда, что «уровень серьезности» не имеет существенного значения при отнесении того или иного деяния к «уголовной сфере». Таким образом, законодательная оценка деяния как преступления или иного правонарушения (административного, дисциплинарного) ещё не предрешает вопроса о том, является ли это деяние действительно преступлением (а потому не может и не должно влиять на уровень гарантий прав обвиняемого). Основным признаком преступления признается характер нарушаемых деянием норм. Речь идет именно о норме права, а не о её нормативном оформлении (закон, подзаконный акт). При таком подходе содержание противоправности деяния несколько изменяется. Во главу угла её понимания ставится не запрещенность деяния нормативным актом, а содержание нарушаемых деянием субъективных прав. Если деянием нарушаются универсальные права человека, то оно является преступлением вне зависимости от того, в законе какой отраслевой принадлежности за него установлена ответственность (а по большому счету – независимо от того, установлена ли вообще за него ответственность в национальном праве); если же деянием нарушаются иные по характеру права, то оно может быть признано преступлением только в случае, когда на национальном уровне ответственность за него в виде уголовного (а не какого-либо иного) наказания предусмотрена именно уголовным законом»³⁷⁴.

Смысл такого подхода состоит в том, что, с одной стороны, учитывается (как ведущий фактор) объективное основание права – совокупность общественных отношений, подлежащих внешнему воздействию/юридическому опосредованию и поддающихся такому воздействию/опосредованию (предмет правового регулирования), а с другой – в том, что в качестве второго критерия рассматривается состояние позитивного права, которое также не должно игнорироваться правовой теорией. Таким образом, в основу разграничения «видов» юридической ответственности кладутся и сфера должного (позитивного,

³⁷⁴ См.: Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. С. 29-30.

положительного права), и сфера существующего (предмет правового регулирования, объект охраны). Немаловажным обстоятельством выступает и тот факт, что, используя в качестве критерия «видов» юридической ответственности объект охраны, мы можем по наличию соответствующих общественных отношений, требующих самостоятельной правовой охраны и не обеспеченных защитой в виде других «видов» юридической ответственности, говорить о необходимости установления нового «вида» юридической ответственности для их защиты, возможно, в форме отраслевого института. Только существование объективной реальности, нуждающейся в правовом опосредовании и поддающейся такому опосредованию, может вступить объективным основанием необходимости существования в позитивном праве соответствующего института юридической ответственности.

3.5. Мера юридической ответственности: понятие, критерии

Понятие меры юридической ответственности. Рассмотренные вопросы теории юридической ответственности, в том числе связанные с позитивной юридической ответственностью, так или иначе, получили отражение в юридической литературе. Значительное внимание как в рамках общей теории государства и права, так и в рамках отраслевых юридических дисциплин, уделяется отдельным видам юридической ответственности. Наконец, проблемам юридической квалификации посвящены ряд работ, в которых детально формулируются основные подходы к данной операции.

Однако не стоит забывать, что применение правовых норм, особенно норм юридической ответственности, выступает как двусторонний процесс. Квалификация деяния есть лишь только одна сторона и один этап данного процесса, и завершение квалификации не завершает сам по себе процесс юридической оценки деяния. Квалификация помогает определить, что было совершено за правонарушение, но это выступает лишь половиной процесса применения права и не несет каких-либо последствий для правонарушителя, объективно им не ощущается. От квалификации не отделен и неразрывно за ней следует процесс определения меры юридической ответственности конкретному правонарушителю. Так, например, Д.С. Дядькин, в работе, посвященной проблемам уголовного права, отмечает, что «теории

квалификации преступления и назначения наказания в своей совокупности образуют стержневую, фундаментальную часть применения уголовного закона, при этом квалификация преступления выступает основанием для дальнейшего назначения наказания»³⁷⁵.

На уровне отдельных отраслей права, в частности, в рамках уголовного права, дается определение одной из разновидностей мер юридической ответственности – меры уголовного наказания. «Под мерой уголовного наказания, которую определяет суд, следует понимать определенный размер (срок) вида (видов) наказания (наказаний), избираемый судом по своему усмотрению на основе правил и в пределах, установленных нормами уголовного закона, конкретному лицу, признанному виновным в совершении преступления»³⁷⁶, - отмечает Т.В. Непомнящая. Однако, на уровне общей теории права не только не определяется мера юридической ответственности, но нет и каких-либо исследований общего характера данного вопроса.

Представляется, что вопрос о мере юридической ответственности необходимо начать с выяснения общих аспектов проявлений категории «мера» в юридической науке, и её проявлений в правовом поле. Категория меры, наряду с такими ипостасями, как «количество» и «качество» выступает одной из центральных категорий диалектики. Она описывает природные и социальные явления объективной действительности. Есть все основания утверждать, что мера применима и для характеристики правовых феноменов. Однако, комплексного исследования проявлений этой категории в рамках юриспруденции на сегодняшний день не проводилось. Лишь в ряде работ характеризуются её отдельные аспекты³⁷⁷. В рамках настоящей статьи представляется необходимым на основе анализа семантических и философско-методологических аспектов меры, а также её взаимосвязи и

³⁷⁵ Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход / Д.С. Дядькин. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2006. - С. 12.

³⁷⁶ Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: монография / Т.В. Непомнящая. – М.: Юрлитинформ, 2012. - С. 28.

³⁷⁷ См. например: Чернобель Г.Т. Право как мера социального блага / Г.Т. Чернобель // Журнал российского права, 2006, № 6. / [Электронный ресурс] – электрон. дан. - Программа информационной поддержки российской науки и образования: КонсультантПлюс: Высшая школа / справочные правовые системы. – 2012. – Режим доступа: <http://www.consultant.com>; Ягофарова И.Д. Категория меры в правовых исследованиях / И.Д. Ягофарова // Российский юридический журнал, 2009, № 3. – С. 7-12.

взаимодействия с рядом правовых категорий, выявить основные характеристики проявлений указанной категории в правовых феноменах.

Прежде всего, стоит отметить, что анализ семантических, лексических и фразеологических (а также в определенной степени философских) аспектов понимания категории «мера» нас к выводу о существовании следующего перечня её значений:

1) В своем исконном значении мера обозначала емкость для измерения сыпучих тел, а также конкретную величину массы где-то в пределах пуда – то есть имела под собой конкретное предметное значение;

2) От данного значения при дальнейшем абстрагировании меру стали понимать как единицу, средство измерения;

3) также мера понимается как эталон, образец, с которым что-либо сравнивают;

4) мера обозначает степень выраженности какого-либо свойства или качества предмета, явления;

5) мера рассматривается также как средство воздействия на что-либо (и в этом значении зачастую употребляется во множественном числе);

6) ещё одним значением меры выступает граница, предел, край, конец, рамки чего-либо;

7) мера определяется в значении нормы, нормального, обычного, стандартного состояния чего-либо;

8) связанное с предыдущим значение меры как показателя умеренности, усредненности, отсутствия крайностей проявления;

9) в качестве устаревшего значения меры выделяют её понимание в качестве стихотворного размера (размера стихотворного слога);

10) и, наконец, связанное с предыдущим, значение меры как критерия красоты, гармоничности чего-либо, отсутствия в этом крайних проявлений.

Эту палитру значений, в принципе, можно свести к нескольким основным:

- мера характеризует количественную сторону (это связано с измерением, единицей измерения, степенью выраженности, с устаревшими значениями емкости, к этой группе также можно отнести середину, усредненность, норму и умеренность);

- мера характеризует качественную сторону (установление границ, пределов, а также эталона, с которым сравнивается целостное явление);

- мера употребляется во множественном числе как «меры» - средства воздействия (впрочем, может быть и единственное число).

Методологическими предпосылками исследования категории «мера» в юридической науке необходимо считать ряд следующих положений. Во-первых, при изучении категории меры необходимо избегать крайностей в методологии, соблюдать меру, воздерживаясь и от механизации и математизации, и от излишней сакрализации. Во-вторых, существующий на сегодняшний день определенный пробел в исследованиях, посвященных методологии юридической науки, связанный с категориальной цепочкой «количество-качество-мера» вызывает необходимость отталкиваться при определении содержания категории «мера» от её общефилософской и лексико-семантической характеристики. В-третьих, меру необходимо рассматривать как универсальную категорию, содержание которой не ограничено какой-то узкой сферой, а затрагивает все области общественной (и не только общественной) жизни. Наконец, в-четвертых, в рамках юридического исследования можно вести лишь речь о том, что собой представляет мера, то же, что входит в её «содержание» (т.е. конкретная ценностная наполненность меры) выступает предметом изучения других наук, да и в принципе больше характерно для других областей знания. Немаловажное значение для определения объема и сущностных черт искомой категории в правовых феноменах имеет её соотнесение с центральными категориями юриспруденции – правом, правовой нормой, правовой системой.

Взаимосвязь категорий «право» и «мера» в современной юридической науке можно представить следующим образом. Во-первых, право выступает мерой поведения человека, устанавливая качественные и количественные пределы его свободы, его социально допустимого поведения, переходя которые он совершает вредный для общества поступок. В этом же значении право есть и средство измерения поведения человека, и единица этого измерения, и эталон, образец, норма этого поведения, оно характеризует степень допустимости/недопустимости этого поведения. Во-вторых, право выступает мерой воздействия на поведение человека, мерой в значении

средства воздействия (качественный показатель) и мерой в значении определения конкретных рамок этого воздействия (количественный показатель – например, индивидуально определенные вид и размер наказания конкретному лицу за конкретное правонарушение). И, в третьих, само право должно иметь меру в качественном показателе – в принципе, не вторгаться в сферы, для права не характерные, и в количественном – когда речь идет о конкретных пределах правового регулирования. В этом, последнем случае мера применяется к праву как целому выступая уже не как свойство, показатель, характеризующий право, а как нечто более общее, позволяющее оценивать, например, социальные регуляторы, в том числе и право.

Таким образом, мера характеризует право, она выступает одним из его внутренних свойств, а также внешних показателей, но самое главное – будучи универсальной категорией, в правовом поле мера проявляется как ограничитель поведения людей, как эталон, образец этого поведения, как средство приведения поведения людей к этому эталону. Ввиду этого не происходит смешения понятий – право, в силу того, что оно выступает мерой, является регулятором общественной жизни. И в то же время право не теряет и своих сущностных характеристик, так же как и не теряет их категория меры.

Сходным образом прослеживаются точки соприкосновения меры с правовой системой. В свете учения о стабильной правовой системе и о переходной правовой системе³⁷⁸ категория меры может быть использована для описания того критерия, того эталона, образца, нормы, который характеризует правовую систему как стабильную. Условно его можно назвать «мера стабильности правовой системы». Таким образом, мера по отношению к правовой системе выступает, так же как и по отношению к праву, как внешний показатель, как универсальная категория, характеризующая некий эталон, соответствующая которому в качественном и количественном выражении, правовая система может считаться стабильной. Углубляя рассуждения, как представляется, можно говорить и о том, что правовой системой в принципе может считаться та совокупность правовых

³⁷⁸ См. подробнее: Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: Учебник / В.В. Сорокин. – Барнаул, 2007. - С. 206-236.

явлений, которая соответствует критериям системности правовой действительности. Это означает, что теоретическая модель правовой системы выступает мерой определения систематизированной части правовых явлений, правовой сферы жизни общества, которая и слагается в эту систему. Такая взаимосвязь категории «мера» с одной из наиболее широких по объему категорий юридической науки выступает ещё одним аргументом, подтверждающим универсальность меры для описания правовых явлений. А это, в свою очередь, выводит данную категорию за пределы предмета правовой науки, что и неудивительно, поскольку, как мы выше выяснили, мера выступает общефилософской категорией.

Представленные умозаключения по поводу взаимосвязи меры и права, а также меры и правовой системы применимы и при определении соотношения меры и нормы права. Норма права может быть охарактеризована как мера поведения людей, и сама норма права имеет меру – пределы воздействия на поведение людей. Мера проявляется и в структурных элементах нормы права, причем наиболее сложным и многообразным это проявление оказывается в санкции нормы.

Рассмотрев, таким образом, взаимосвязи и взаимодействия категории «мера» с важнейшими категориями правовой науки различных уровней абстракции, а также выделив ряд методологических предпосылок исследования искомой категории, можно утверждать, что категория меры характеризует содержательные аспекты юридических явлений. *Мера в предметном поле правовой науки – это качественно-количественная характеристика правовой действительности, описывающая состояние и динамику правовых явлений как изнутри, с позиций содержания и роли в общественной жизни этих явлений, так и извне – с позиций пределов действия явлений в объективной действительности. В правоведении мера может рассматриваться во всей палитре её значений. Для правовой сферы общества и науки, изучающей эту сферу, мера есть масштаб, критерий, образец, эталон, границы, рамки, пределы, степень, норма, средство, а также показатель гармоничности правовых явлений, действий и поведения человека.*

Мера для юриспруденции в определенной части может пониматься и с механистических, числовых позиций, когда речь ведется, например, о

числовом выражении назначаемых мер юридической ответственности³⁷⁹. С другой стороны, когда мы ведем речь о справедливости этих мер, о справедливости конечного их количественного и качественного показателя, памятуя о том, что имеем дело не с роботом или вещью, нам не обойтись без такой меры, которая выступает духовно-нравственным критерием. Использование принципа гуманизма, институтов снисхождения и назначения наказания ниже низшего предела также позволяет говорить об определенных духовно-нравственных критериях определения меры юридической ответственности. Мера в своем синтетическом, полноценном понимании, выступает такой категорией, содержание которой охватывает как «юрисометрические» (механистические), так и «правометрические» (сакральные, духовные) подходы. Эти крайности по одиночке обесценивают друг друга, а в разумном сочетании наилучшим образом характеризуют правовую меру. Таким образом, мера пронизывает всю правовую сферу, палитрой своих значений характеризуя и описывая правовые явления, процессы, результаты правового воздействия, она выходит за рамки правовой сферы, и применима к ней с внешней стороны. Именно такой многосторонний и полисемантический подход к категории «мера» в праве охватывает все варианты её значения для юридической науки.

Можно выделить и более узкую по содержанию и объему понятийную конструкцию, являющуюся следствием взаимосвязи категорий «право» и «мера» в правоведении – правовую меру. *Правовая мера есть свойство права выступать критерием, образцом, средством воздействия на поведение человека, количественным и качественным показателем этого воздействия, а также количественным и качественным показателем соответствия этого поведения указанному критерию, образцу, эталону, норме, и в то же время есть внешний качественный и количественный показатель пределов правового регулирования. Иначе говоря, понятие «правовая мера» охватывает собой право как меру человеческого поведения и меру права как регулятора общественной жизни. Оно, таким образом, выступает двойственным понятием, отражающим связи и отношения категорий «право» и «мера».*

³⁷⁹ См. подробнее: Дядькин Д.С. Введение в юрисометрику: монография / Д.С. Дядькин. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. – С. 6-19.

Понятием «правовая мера» не исчерпываются все грани проявлений универсальной философской категории «мера» в правовой сфере: это невозможно ни методологически, ни физически. Данное понятие призвано выразить сущность позитивного права как особого регулятора общественных отношений.

Что касается меры в правовой сфере, то, как уже говорилось, её пределы не ограничены позитивным правом как целостным явлением – она присутствует и в правообразовании, и в реализации права, и в правосознании, и характеризует правовую систему в целом, также имеет проявления на первичных уровнях правовой сферы – в норме права и даже в её структурных элементах. Это обусловлено категориальной сущностью субстанции «мера».

В рамках правоотношения, например, мера характеризует его юридическое содержание, через меру дозволенного поведения определяется субъективное право, через меру необходимого поведения – юридическая обязанность³⁸⁰. Специальной сферой, где мера симфонично выступает одновременно и количественным, и качественным показателем, выступают отношения юридической ответственности: *«мера юридической ответственности» - это есть и критерий, и средство, и пределы воздействия этим средством, рамки, за которые оно не может выходить, и конкретное (даже числовое) выражение этих пределов, и норма, образец этого воздействия. В этой же сфере сосредоточены правовые нормы, выступающие мерой определения правомерности/неправомерности поведения человека.*

Действительно, можно проанализировать два подхода к определению понятия меры юридической ответственности. С одной стороны, можно путем обобщения определения меры уголовного наказания подойти к определению искомого понятия. Думается, однако, что Т.В. Непомнящая несколько сужает пределы данной категории, и её подход не позволяет увидеть всю палитру значений меры уголовного наказания, следовательно, не позволит он нам и выйти на полноценное содержание меры юридической ответственности как более широкой категории. В связи с этим более

³⁸⁰ См. например: Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 3 Проблемы теории права: Курс лекций / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. - С. 298-314.

продуктивным нам видится отталкиваться от обозначенной палитры проявлений категории «мера» в правовой действительности.

Прежде всего, мера юридической ответственности может рассматриваться нами как средство воздействия на человека и социум. В юридической литературе рядом авторов юридическая ответственность понимается как «обязанность правонарушителя претерпевать особые, заранее установленные государством в санкциях правовых норм меры государственно-правового принуждения за совершенное правонарушение в установленном для этого процессуальном порядке»³⁸¹, или как само «применение к лицу, совершившему правонарушение, мер государственного принуждения, предусмотренных санкцией нарушенной нормы, в установленном для этого процессуальном порядке»³⁸².

С учетом этого термин «мера юридической ответственности» может рассматриваться как средство её конкретного целенаправленного воздействия на поведение людей. В данном случае, учитывая позитивный аспект юридической ответственности, мы ведем речь и о мерах государственного принуждения (наказание, другие меры взыскания), и о мерах государственного поощрения, предусмотренных в санкции нормы юридической ответственности. Мерами юридической ответственности в этом случае выступают меры государственного принуждения и поощрения. Кроме того, широкое понимание позитивной юридической ответственности позволяет рассматривать в качестве одной из мер юридической ответственности молчаливое одобрение правомерного поведения людей со стороны государства.

В данном случае мы имеем представление о, в чистом виде, качественном рассмотрении меры юридической ответственности. Однако, мы можем также вести речь и о других её аспектах. Как и всякое правовое явление, юридическая ответственность имеет свою меру, рамки которой она переступить не может. Мера юридической ответственности в этом случае – предусмотренные законом поощрения или взыскания, налагаемые в установленных случаях на определенного субъекта за конкретное его

³⁸¹ Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. Пособие / Л.А. Букалерева и др.; отв. ред. Р.В. Шагиева. – М.: Норма, 2011. - С. 470;

³⁸² Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Т. 3. / В.В. Борисов и др.; отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало-М, 2002. - С. 468.

поведение. Таким образом, меру юридической ответственности составляют установленные законом пределы государственно-правового воздействия (как позитивного, так и негативного) на поведение человека.

Немаловажным выступает также и то, что само поведение, за которое человек (субъект) подвергается государственно-правовому воздействию, четко должно быть очерчено в нормах права. Конечно, в наиболее полном смысле этот тезис верен исключительно для негативной юридической ответственности, но принципы правовой определенности и законности требуют прописания в нормах права и поощрительных норм. В любом случае требуется иметь в наличии закрепленный в законе вариант поведения, который послужит образцом, эталоном для отнесения данного поведения к правомерному или к неправомерному.

Наконец, необходимо затронуть вопрос и о количественном аспекте меры юридической ответственности. Конкретная наполненность объема юридической ответственности того или иного субъекта за определенное юридически значимое поведение, прежде всего, прописывается в нормах права, а затем индивидуализируется в правоприменительных актах. Нормативно-правовой акт в этом случае закрепляет вид и пределы применяемых к субъекту права мер юридической ответственности, т.е. устанавливает общую меру юридической ответственности за правовое поведение того или иного вида, а правоприменительный акт содержит специальную меру юридической ответственности, которая выступает конкретизацией общей меры применительно к реальной жизненной ситуации. Количественный аспект здесь как раз и проявляется именно в том, что окончательное наполнение меры юридической ответственности выражается в определенных её размерах, которые могут быть и в числовом эквиваленте.

Таким образом, в ещё одном случае мера юридической ответственности – это определенные конкретному субъекту права за его юридически значимое поведение вид (виды) и размер поощрения или взыскания. Если вести речь о молчаливом государственном одобрении правомерного поведения лица, то думается, что для него количественный компонент не характерен.

Мера юридической ответственности – это качественно-количественная категория, характеризующая те средства, которые применяются к субъекту права за его юридически значимое поведение, их законодательные пределы, а также конкретную качественно-количественную наполненность в каждом определенном случае правового поведения этого субъекта. В этом определении отражается все многообразие значений категории «мера», в которых она проявляется в межотраслевом институте юридической ответственности.

Общие критерии определения меры юридической ответственности. Сложность раскрытия обозначенного вопроса определяется отсутствием в литературе каких-то общих критериев по определению меры юридической ответственности. Как правило, эта операция отводится на откуп отраслевых юридических наук. А между тем, вполне методологически возможно выделение общих закономерностей, принципов, требований, которых необходимо придерживаться безотносительно отраслевой принадлежности юридической ответственности. К таковым хотелось бы, в первую очередь, отнести ряд принципов права. Это обусловлено приведенной нами трактовкой меры юридической ответственности, которая охватывает не только её конкретную наполненность, но и общие пределы.

Принцип правовой экономии необходимо рассматривать как одно из ведущих проявлений категории «мера» в правовой системе общества, а также как немаловажное начало, соблюдение которого необходимо при определении меры юридической ответственности. Следует отметить, что в исследованиях по общей теории права упоминание о таком принципе редко встречается³⁸³. А между тем, важность признания и соблюдения данного принципа в связи с такими негативными явлениями, имеющими место в современной российской действительности, как правовой романтизм и всеобъемлющая юридизация общественной жизни, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Кроме того, включение данного принципа в содержание, например, принципа гуманизма, или принципа справедливости, видится нам не в полной мере обоснованным, поскольку его сущность имеет

³⁸³ См.: Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Том 2 / Н.Н. Вопленко [и др.]; отв. ред. М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Зерцало-М, 2002. – С. 75-86.

самостоятельное правовое инструменталистское значение, и не определяется этими принципами.

В.В. Мальцев утверждает, что «право в целом, его межотраслевые институты реальны лишь постольку, поскольку разнообразны и существуют отдельные отрасли права, закрепляющие и первое, и второе. Именно на базе отраслей права, отражающих реальности конкретных сфер общественной жизни, предмета их правового регулирования, возникает весь спектр принципов права, из которого затем в теории выделяются как общие, так и межотраслевые принципы»³⁸⁴.

Выражая согласие с позицией В.В. Мальцева, укажем также, что не выделение учеными в качестве общеправового принципа правовой экономии ещё не свидетельствует об отсутствии такового принципа. Следует отметить, что в ряде правовых отраслей выделяют собственно отраслевые принципы, которые в своей совокупности, на наш взгляд, как раз и образуют принцип правовой экономии. Подобного рода принципы выделяются, в частности, представителями науки уголовного права и уголовного процесса.

Начать рассмотрение отдельных отраслевых проявлений необходимо с весьма интересного и примечательного принципа экономии уголовно-правовой репрессии. И хотя А.И. Коробеев, например, относит данный принцип к принципам уголовно-правовой политики, думается, что он выступает в той же мере принципом уголовного права как отрасли права, что обусловлено высоким его значением и для правотворчества, и для правоприменения. Он затрагивает как построение уголовно-правовых санкций, так и индивидуализацию наказания конкретным лицам. Закономерно, в связи с этим, встает вопрос о необходимости существования данного принципа, и о его правовом значении.

Обратимся к весьма актуальным на сегодняшний день словам выдающегося российского правоведа и философа **И.А. Ильина** о том, что правопорядок, опирающийся только на угрозу и принуждение, идет быстрыми шагами к своему разложению: **«Страх унижает человека и раз поколебленный легко превращается в озлобленную дерзость; принуждение воспитывает в душах веру в насилие и надежду на**

³⁸⁴ Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Том 1. Понятие уголовного права / Н.А. Лопашенко [и др.]; отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2008. – С. 269-270 (автор главы – В.В. Мальцев).

силу...»³⁸⁵. Страх перед наказанием, исходя из этого, действителен только тогда, когда постоянно поддерживается и культивируется, когда же чуть ослабевает, правопорядок оказывается под угрозой. Это предупреждает от злоупотребления уголовным правом как средством воздействия на общественную жизнь, призывает воздерживаться от частого и многостороннего применения уголовной репрессии.

Примечательно, что уже мыслители древности предостерегают от чрезмерного использования репрессивных мер воздействия на общество. Конфуций в свое время говорил: **«Если наставлять людей с помощью законоположений, если ограничивать и сдерживать их с помощью наказаний и казней, то хотя они не будут совершать преступления, но в сердцах своих не будут испытывать отвращения к дурным поступкам. Если же наставить людей с помощью нравственных требований, и установить правило поведения «сообразно ли», то люди не только будут стыдиться плохих дел, но и искренне возвратятся на праведный путь»**³⁸⁶. Казни и прочие наказания, как мы видим, не воспринимались Конфуцием в качестве реально действенного средства укрепления правопорядка. И снова мы выходим на обозначенный принцип экономии уголовно-правовой репрессии.

А.И. Коробеев указывает, что в **правотворчестве принцип экономии репрессии** определяет *отнесение к числу преступных и уголовно-наказуемых только тех деяний, применение к которым иных мер принуждения ввиду их степени общественной опасности оказывается малоэффективным и безрезультативным, в противном же случае использование уголовной репрессии становится расточительным*. В качестве второго аспекта экономии репрессии на стадии правотворчества ученый указывает на *необходимость при установлении уголовно-правового запрета закрепления минимальнейшего числа карательных элементов, необходимых и достаточных для достижения поставленных перед уголовным законом целей*. На стадии применения норм уголовного права принцип экономии

³⁸⁵ См.: Ильин И.А. О сущности правосознания // Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин. – М.: АСТ, 2006. - С. 230.

³⁸⁶ См.: Антология мировой философии. В 4-х томах. Т. 1 Философия древности и средневековья. Часть 1. // Философское наследие, том 34. – М.: Мысль, 1969. - С. 192-193.

репрессии, по мнению А.И. Коробеева, реализуется в выборе правоприменителем таких уголовно-правовых средств воздействия на преступника и в таком объеме, которые с наименьшими затратами могут привести к наибольшему эффекту³⁸⁷. Из этого следует, что принцип экономии репрессии предполагает соблюдение меры и в правотворчестве, и в правоприменении. В качестве одного из значений категории «мера», как нами уже ранее указывалось, выступает умеренность, избегание излишков, воздержание от крайностей. Именно к этому и обязывает и законодателя, и правоприменителя принцип экономии уголовно-правовой репрессии.

Принцип экономии репрессии отражает природу уголовного права. Те средства воздействия на социум, которыми данная отрасль права располагает, и которые использует, как уже говорилось, рассчитаны на исключительные случаи, когда все другие средства бессильны. Поэтому неумеренное, излишнее использование уголовно-правовых средств для стабилизации и укрепления правопорядка может привести, и зачастую приводит к обратным последствиям. Расчет на то, что уголовное право выступит панацеей от всех социальных болезней, а уголовное наказание сможет существенно изменить социальную обстановку в лучшую сторону, представляется самонадеянным. Крайнее средство потому и называется таковым, что рассчитано на применение в крайнем случае. Ввиду этих обстоятельств соблюдение принципа экономии уголовно-правовой репрессии на сегодняшний день представляется чрезвычайно важным.

Однако, не следует думать, что мы считаем указанный принцип неким «суперпринципом», универсальной константой уголовного права. Многообразное содержание категории «мера» учит избегать любых крайностей, сама экономия репрессии из умеренности легко может перейти в излишнюю и необдуманную либерализацию. Поэтому, в соответствии с принципом экономии репрессии в свете общего учения о мере в правовых феноменах закрепляемые в законе и применяемые судом в отношении конкретного лица уголовно-правовые средства воздействия должны быть минимально необходимыми и достаточными для достижения целей уголовного закона.

³⁸⁷ См.: Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. 1: Преступление и наказание / Ю.В. Голик [и др.]; под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2008. - С. 88-90.

В рамках административного права, учеными прямо не говорится о принципе, аналогичном выше приводимому принципу экономии уголовно-правовой репрессии. Однако, анализ приводимой Д.Н. Бахрахом подробной характеристики административно-правового принуждения позволяет сделать вывод о том, что данный ученый признает необходимость выделения *принципа экономии мер административно-правового принуждения*. Это следует, в частности, из тех сущностных черт и особенностей, которые выделяет автор, из понимания им административно-правового принуждения и его места в системе мер административно-правового воздействия на социум³⁸⁸. *Данный принцип можно определить как требование, согласно которому к противоправным и административно наказуемым относятся те деяния, применение к совершившим которые иных, менее или более строгих мер принуждения является нецелесообразным и неэффективным, при этом устанавливается минимальное число мер административного принуждения, необходимых и достаточных для достижения поставленных перед ним целей.*

Исходя из приведенных выше рассуждений можно утверждать о существовании в охранительных отраслях права межотраслевого принципа экономии мер государственно-правового принуждения, в котором сочетаются принцип экономии мер уголовно-правовой репрессии и принцип экономии мер административно-правового принуждения. Данный принцип, как думается, касается и мер наказания, и других мер принудительного характера, которые предполагают лишения или ограничения прав и свобод человека.

В рамках уголовно-процессуального права отдельными специалистами утверждается существование принципа процессуальной экономии³⁸⁹. Причем, данный принцип указанным автором связывается со сроками уголовного судопроизводства, и утверждается, в частности, что уголовное судопроизводство должно осуществляться с разумной экономией привлекаемых сил и средств и в возможно короткие сроки³⁹⁰. Также и А.Ю.

³⁸⁸ См.: Бахрах Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Росинский, Ю.Н. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008. - С. 512-518.

³⁸⁹ См.: Махмутов М.В. Принцип процессуальной экономии - начало положено / М.В. Махмутов // Законность. 2010. N 12. С. 35 - 36.

³⁹⁰ См.: Там же. С. 34.

Смолин утверждает, что разумный срок уголовного судопроизводства выступает проявлением принципа процессуальной экономии, а сам принцип процессуальной экономии трактуется с позиции рационального использования процессуальных и непроцессуальных средств, необходимых и достаточных для достижения цели судопроизводства³⁹¹.

Этот же принцип выделяется и учеными – специалистами в области гражданского и арбитражного процессуального права. В частности, Г.Л. Осокина отмечает, что принцип процессуальной экономии, закрепленный в ст. 2 ГПК РФ «означает достижение наибольшего процессуального результата с наименьшими затратами труда за счет рационального использования процессуальных средств и методов защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов», а также указывает, что о подобном принципе было известно ещё дореволюционным российским юристам, и в частности, Е.В. Васьковскому³⁹².

Упоминают о принципе процессуальной экономии применительно к производству по делам об административных правонарушениях и административисты, разбивая его, правда, на два принципа – оперативности производства и экономичности производства³⁹³. Стоит отметить, что они не ограничиваются вопросом о сроках административного судопроизводства, а распространяют указанные принципы и на издержки производства³⁹⁴.

Можно, в итоге, констатировать, что принцип процессуальной экономии характерен для процессуальных отраслей права, и выступает уже в качестве межотраслевого. *Исходя из общего учения о проявлениях категории «мера» в государственно-правовых феноменах, принцип процессуальной экономии можно считать выражением необходимости поиска «золотой середины», избегания крайностей, умеренности в средствах и методах разрешения юридических споров, и необходимости установления обоснованных пределов и границ юридической процедуры.*

³⁹¹ См.: Смолин А.Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии / А.Ю. Смолин // Российский следователь. 2010, № 19. – С. 9-11.

³⁹² См.: Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть / Г.Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. – С. 151-152.

³⁹³ См.: Административное право России: курс лекций / К.С. Бельский [и др.]; под ред. Н.Ю. Хаманевой. – М.: Проспект, 2007. – С. 441.

³⁹⁴ См.: Там же. С. 441.

Таким образом, для охранительных отраслей права характерен принцип экономии мер государственного принуждения, действие которого должно предупреждать излишнее и необоснованное закрепление и применение мер государственного принуждения. В процессуальных отраслях присутствует принцип процессуальной экономии, сущность которого – оптимизировать юридический процесс, сделать его более работоспособным и менее громоздким, максимально исключить применение излишних, необусловленных и нецелесообразных процессуальных средств, наличие и действие которых также может привести к неоправданному ограничению прав и свобод человека.

Представляется также, что и в рамках гражданского права можно говорить о принципе правовой экономии (о его отдельных проявлениях). Одним из таких проявлений можно назвать законодательно закрепленный принцип свободы договора, значение которого, в конечном счете, заключается в оптимизации гражданского оборота и в предоставлении его участникам широких возможностей для реализации собственной хозяйственной инициативы³⁹⁵. Однако в большей степени выражающим принцип правовой экономии нам видится принцип дозвоительной направленности гражданско-правового регулирования³⁹⁶. Признавая данный принцип, государство очерчивает себе пределы в сфере гражданского оборота рамочным правовым регулированием. Экономия права проявляется здесь в том, что оно устанавливает лишь некие рубежи, границы, которые запрещено нарушать, но в рамках этих границ не касается конкретных деталей взаимоотношений сторон. Думается, что действие принципа правовой экономии как раз наиболее характерно для частноправовых отраслей, поскольку именно они призваны минимально регулировать общественные отношения.

Таким образом, на уровне конкретных отраслей права имеют место быть проявления принципа правовой экономии. Это означает, что есть все основания утверждать о существовании такого общеправового принципа,

³⁹⁵ См. подробнее например: Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / В.С. Ем [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. - С. 76.

³⁹⁶ См.: Гражданское право: Учебник. В 3 т. Т. 1 / В.С. Егоров [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2005. - С. 26.

который складывается из этих своих проявлений. *Принцип правовой экономии представляет собой руководящую идею правового воздействия на общественные отношения, согласно которой такое воздействие на них должно осуществляться лишь в том случае, когда оно с необходимостью вызвано их содержанием. При этом комплекс средств этого воздействия должен быть минимально достаточным для достижения его целей. Данный принцип права выступает проявлением категории «мера» в полном объеме, и воплощает такие её значения, как умеренность, избегание крайностей, граница, предел, степень и т.д.* Признание и реализация этого принципа будет способствовать минимизации правового романтизма и юридизации общественной жизни. Кроме того, стоит также отметить, что *соблюдение меры в правовом воздействии придаст ему органичность, обусловленность исключительно жизненной необходимостью, и предоставит обществу возможности к самоорганизации.*

Значение принципа правовой экономии для определения меры юридической ответственности проявляется не только в правотворческих, но и в правоприменительных вопросах. Так, положение, содержащееся в ст. 60 УК РФ, предусматривает, что «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания», что требует проявления экономии и в назначении уголовного наказания конкретному лицу. Итоговая мера юридической ответственности, в соответствии с требованием правовой экономии, таким образом, должна быть минимально необходимой и достаточной для достижения целей юридической ответственности.

В наибольшей степени на меру юридической ответственности оказывает воздействие общеправовой принцип справедливости. Как утверждает В.Н. Карташов, содержание принципа справедливости в правовой системе общества достаточно многогранно: во-первых, справедливость заложена в самом содержании права, в тех общественных отношениях, формой которых право является; во-вторых, самодеятельность субъектов права должна быть пронизана идеями беспристрастности, истинности, правильности, законности, честности и т.п.; в-третьих,

вынесенные юридические решения, устанавливающие права и обязанности, меры поощрения и юридической ответственности, должны по форме и существу быть справедливыми, т.е. учитывать все обстоятельства и соответствовать степени совершенного проступка³⁹⁷.

Справедливость как юридическая категория есть соразмерность. «Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного», - именно так сформулирован принцип справедливости в ст. 6 УК РФ. Е.Е. Чередниченко предлагает интересное дополнение к формулировке данного принципа, утверждая, что «уголовный закон должен быть справедливым, то есть криминологически и научно обоснованным, не противоречить Конституции Российской Федерации, действующим нормам других отраслей права, а также общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации»³⁹⁸. По сути, ученый утверждает формальные составляющие принципа справедливости, которые означают не что иное, как меру, которая позволяет говорить о справедливости или несправедливости уголовного закона.

В указанной же статье УК РФ речь ведется преимущественно о содержательных составляющих принципа справедливости, характеризующих справедливость уголовного наказания. Таковых выделяют три: меры уголовной ответственности должны соответствовать, во-первых, характеру и степени общественной опасности преступления, во-вторых, обстоятельствам совершения преступления, и, в-третьих, личности виновного³⁹⁹. Таким образом, справедливость ответственности выражается в соответствии, соразмерности её мер всем обстоятельствам совершенного преступления и характеристикам личности виновного. Конкретному

³⁹⁷ См.: Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Том 2 / Н.Н. Вопленко [и др.]; под ред. М.Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во «Зерцало-М», 2002. - С. 85.

³⁹⁸ См.: Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е.Е. Чередниченко. - М.: «Волтерс Клувер», 2007. – С. 55.

³⁹⁹ См.: Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е.Е. Чередниченко. - М.: «Волтерс Клувер», 2007. – С. 67.

уголовно-правовому значению данных обстоятельств посвящены многие нормы уголовного закона, но особенно глав 9 и 10 УК РФ.

Не в меньшей степени связан с мерой юридической ответственности и принцип законности. Законодательство о юридической ответственности требует неуклонного своего соблюдения особо, прежде всего, в силу требований ч. 3 ст. 55 Конституции РФ – «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». Причем, в этой формулировке также имеют место проявления категории «мера» - мерой ограничения прав и свобод человека и гражданина (в том числе и мерой юридической ответственности) выступает необходимость защиты прав, свобод и интересов других лиц, обороны страны и безопасности государства. Здесь имеют место быть и мера-граница, и мера-критерий, и мера-эталон, образец, и мера-степень. Для меры юридической ответственности требование законности означает, прежде всего, необходимость закрепления её пределов исключительно в федеральном законодательстве (установления рамок), а также неукоснительное следование положениям этого законодательства при определении конкретной меры юридической ответственности.

Из рассмотренной статьи Конституции РФ, а также из ряда положений отраслевого законодательства (ч. 2 ст. 43 УК РФ «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений»; ч. 1 ст. 3.1 КоАП РФ «Административное наказание является установленной государством мерой ответственности за совершение административного правонарушения и применяется в целях предупреждения совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами», и др.) вытекает требование целесообразности меры юридической ответственности: мера юридической ответственности должна служить установленным в законодательстве целям. Причем, эти цели необходимо отличать от целей института юридической ответственности в целом, частными случаями и формами реализации которых они выступают.

Ещё одним немаловажным требованием к мере юридической ответственности, на наш взгляд, выступает принцип правовой определенности. Не вдаваясь в подробное рассмотрение данного принципа, приведем его характеристику, даваемую Н.С. Бондарем.

«Требование определенности правовых норм имеет различные сферы своего проявления и соответственно различные координаты измерения. Так, для правоприменителя правовая определенность является одним из основополагающих правил толкования правовых норм, условием обеспечения единства правоприменительной, в том числе судебной, практики; для законодателя - это важная цель и одновременно показатель качества, эффективности законотворческой деятельности и т.д. Но, пожалуй, наиболее полно, в концентрированном виде универсальная природа требования правовой определенности проявляется в сфере нормоконтрольной деятельности.

Это и понятно: ведь правовая определенность является - и в этом нет никакого преувеличения - важным условием конституционности нормативных правовых актов, что вытекает из самой природы правовых норм, в которых имплицитно и ясно, определенно (!) должны быть заложены равный масштаб, равная мера свободы для всех субъектов права. И напротив, неопределенность правовых норм есть отрицание основополагающих критериев их конституционности: она неизбежно ведет к произволу в правоприменении и к нарушению равенства всех перед законом и судом. Уже это позволяет определить требование нормативно-правовой определенности в качестве универсального принципа нормоконтрольной деятельности органов конституционного правосудия.

Отмечая несомненную важность принципа определенности правовой нормы, следует в то же время отметить, что прямо, непосредственно он не сформулирован ни в одном из действующих нормативных правовых актов. Главным объяснением и в определенной мере оправданием данной ситуации является то обстоятельство, что требование определенности вытекает из самой природы правовой нормы как равного масштаба, равной меры свободы для всех субъектов права. Это как раз и позволяет определить требование нормативно-правовой определенности в качестве важного принципа режима равноправия граждан. С этим же связано и то

обстоятельство, что конкретные показатели степени определенности правовой нормы содержатся не в сущностных характеристиках правовой нормы, а в форме, способах правового закрепления правила поведения. Иными словами, определенность характеризует, в своей основе, уровень законодательной техники, а не сущностную природу нормативно-правового предписания.

При этом нельзя не учитывать, что во всякой правовой норме имманентно присутствует некоторый уровень абстракции и соответственно неопределенности (например, с точки зрения круга субъектов, подпадающих под ее действие, казуальной инвариантности реализации нормы и т.п.). В этом смысле неопределенность есть некорректная форма внешнего выражения правовой нормы. Поэтому определенность правовой нормы должна обеспечиваться прежде всего специальными требованиями к законодательной технике, вырабатываемыми юридической теорией и практикой. Например, язык закона должен быть ясным, непротиворечивым, иметь точный смысл, исключать неоднозначность в процессе правоприменения. Для достижения определенности правовой нормы законодателю необходимо соблюдать законы логики, избегать расплывчатых, нечетко употребленных терминов и т.д. Но это, условно говоря, лишь первый уровень понимания и соответственно обеспечения (прежде всего, законодательного) правовой определенности.

Второй, более сложный уровень - это системные связи правовых норм и обеспечение их определенности с точки зрения непротиворечивости, отсутствия коллизии в системе правового регулирования. Причем здесь важно учитывать свои внутренние подуровни системных нормативных связей (институционные, отраслевые, межотраслевые, общеправовые). Разновидностью системных нормативных связей, которые также оказывают существенное влияние на уровень правовой определенности, являются так называемые иерархические связи правовых норм, характеризующие степень определенности проверяемых правовых норм с точки зрения соблюдения конституционных требований правовой иерархии - соотношения законов и подзаконных нормативных правовых актов, федерального и регионального законодательства и т.д.

Определенность требует согласованного правового регулирования общественных отношений: противоречащие друг другу правовые нормы порождают и противоречивую правоприменительную практику, возможность произвольного их применения, ослабляют гарантии государственной защиты конституционных прав и свобод. Как это вытекает из практики КС РФ, принцип правовой определенности предполагает установление ясных, четких правил привлечения к юридической ответственности, четкого определения законом подсудности дел; определенность распространяется также на институт дифференциации - установления юридических различий в соответствии с существенными объективно обусловленными обстоятельствами, критерии которой должны отвечать требованию ясности, четкости и недвусмысленности правовых норм.

Для анализа природы принципа правовой определенности важное значение имеют и его, условно говоря, пространственно-объемные характеристики. Анализ решений КС РФ позволяет сделать вывод о том, что принцип правовой определенности по объему своего охвата может рассматриваться в двух значениях. В узком смысле принцип правовой определенности выступает критерием конституционно-судебной оценки самих по себе правовых норм, того нормативно-правового материала, который составляет предмет конституционного нормоконтроля. В широком же понимании принцип правовой определенности проявляет себя не только в плоскости нормативно-правового регулирования, но и на других уровнях, в частности правоприменительной практики, где важнейшим показателем правовой определенности может служить требование определенности, стабильности индивидуальных правовых актов, в особенности судебных решений. В соответствии с правовыми позициями КС РФ это означает, кроме прочего, что в силу принципа правовой определенности ни одна из сторон в судебном процессе не вправе требовать повторного возбуждения дела лишь в целях нового слушания и получения нового решения; полномочие вышестоящих судов по отмене или внесению изменений во вступившие в силу и обязательные для исполнения судебные решения может быть реализовано только для исправления существенных ошибок.

Важным аспектом принципа правовой определенности является также вытекающее из него требование устойчивости (стабильности) правового статуса субъектов правоотношений. Согласно решениям Конституционного Суда РФ, внесение изменений в действующее правовое регулирование, оказывающее неблагоприятное воздействие на правовое положение граждан, должно осуществляться таким образом, чтобы соблюдался принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, который предполагает сохранение разумной стабильности правового регулирования и недопустимость внесения произвольных изменений в действующую систему норм, а также предоставление гражданам в случае необходимости возможности в течение некоторого переходного периода адаптироваться к вносимым изменениям.

Специфическим проявлением принципа определенности является требование установления федеральным законодателем порядка реализации признанного за гражданами субъективного права. Отсутствие специального нормативного правового регулирования в этом случае означает невозможность для гражданина с достаточной степенью уверенности избрать правомерный режим поведения и предвидеть последствия своих действий в их соотношении с действующими юридическими запретами, что также предполагает возможность признания правовой нормы неконституционной в силу ее неопределенности»⁴⁰⁰.

Н.В. Витрук в качестве непосредственного принципа института юридической ответственности выделяет определенность основания юридической ответственности, в соответствии с которым «состав правонарушения как основание применения юридической ответственности должен быть установлен нормой закона вполне определенно, точно, что исключало бы возможность фактического расширения оснований привлечения к ответственности»⁴⁰¹.

Для меры юридической ответственности значение принципа правовой определенности видится в следующем. Лицо, исходя из смысла норм права,

⁴⁰⁰ См. подробнее: Бондарь Н.С. Правовая определенность - универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право, 2011. - № 10. - С. 4 - 10.

⁴⁰¹ См. подробнее: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. - С. 269-275.

должно понимать юридическое значение и юридические последствия своих действий с наибольшей точностью; размытые, неясные, двусмысленные правила определения меры юридической ответственности в законе не допускаются. Особенно это требование необходимо для негативной формы юридической ответственности.

Влияет на меру юридической ответственности и общеправовое требование гуманизма. Принцип гуманизма предполагает человеческое измерение правовой действительности, что, применительно к юридической ответственности, требует защиту прав и свобод и уважение человеческого достоинства как обвиняемого, так и потерпевшего. Он может выражаться в таких требованиях, как презумпция невиновности, установление обратной силы только для закона, смягчающего, улучшающего положение лица, подлежащего юридической ответственности, толкование всех сомнений в пользу подсудимого и т.д. Главное значение принципа гуманизма: мера юридической ответственности не должна приносить лицу, ей подлежащему, излишние страдания, унижающие его человеческое достоинство⁴⁰².

Наконец, нельзя обойти своим вниманием такой важнейший институциональный принцип юридической ответственности, теснейшим образом связанный с определением её меры, как принцип дифференциации и индивидуализации юридической ответственности. Как утверждают Р.Л. Хачатуров и Д.А. Липинский, «установление и реализация юридической ответственности происходит на основе принципа индивидуализации». «Индивидуализация начинает реализовываться не со стадии возникновения охранительного правоотношения ответственности, а с момента установления юридической ответственности. Индивидуализированным должно быть не только наказание, но и правомерное поведение, и применение мер поощрения. В таком смысле индивидуализация распространяет свое действие на всю юридическую ответственность в целом. Индивидуализация ответственности способствует четкому пониманию гражданином своих обязанностей, а соответственно, и их выполнению»⁴⁰³. И, в конечном счете,

⁴⁰² См.: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. - С. 92-94.

⁴⁰³ См. подробнее: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. - С. 345-353.

ученые указывают, что «принцип индивидуализации юридической ответственности – это отправная идея, закрепленная в действующем законодательстве, заключающаяся в дифференцированном закреплении обязанностей в зависимости от правового субъекта юридической ответственности, дифференциации правонарушений и санкций в зависимости от типовой общественной опасности правонарушения и определении мер юридической ответственности с учетом общественной опасности правонарушения, личности правонарушителя»⁴⁰⁴. По мнению Н.В. Витрука, «принцип индивидуализации юридической ответственности означает максимально персональную обращенность правовых последствий, применяемых к правонарушителю. Он направлен не только на обеспечение полного восстановления прав, возмещения нанесенного ущерба, справедливого воздаяния за содеянное (в виде установления соразмерности между карой и тяжестью правонарушения), но и на реализацию превентивно-воспитательных и ресоциализаторских задач юридической ответственности. Принцип индивидуализации юридической ответственности подразумевает не только смягчение меры наказания (на что направлен принцип гуманизма), но и не исключает применение строгих мер, необходимых для достижения целей юридической ответственности»⁴⁰⁵.

Соглашаясь в целом с указанными авторами, отметим, что правильной этот принцип раскрывать как принцип дифференциации и индивидуализации юридической ответственности, поскольку это две тесно взаимосвязанных между собой составляющих единого процесса: дифференциация – это установление законодательных различий в определении меры юридической ответственности в зависимости от тех или иных типовых обстоятельств, а индивидуализация – это конкретизация типизированных законодательных правил применительно к конкретной жизненной ситуации. С другой стороны, данный принцип есть логическое продолжение на институциональном уровне общеправовых принципов справедливости, целесообразности, экономии, определенности и др., он их в себе аккумулирует и представляет, в конечном счете, главное

⁴⁰⁴ См.: Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. - С. 353-354.

⁴⁰⁵ См.: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. - С. 280.

общетеоретическое требование к определению меры юридической ответственности.

Исходя из вышеизложенного в систему общетеоретических критериев определения меры юридической ответственности включаются ряд общеправовых принципов, которые затем аккумулируются на уровне институционального принципа дифференциации и индивидуализации меры юридической ответственности. Эти положения адресованы, во-первых, правотворцу, законодателю, который, в соответствии с ними, должен выстраивать всю систему норм института юридической ответственности, во-вторых, правоприменителю, который в соответствии с ними должен применять законодательство, а также руководствоваться ими при восполнении пробелов в законодательстве.

Дальнейшие действия по определению конкретной меры юридической ответственности зависят от отраслевого закрепления правил применения этих мер. Специальные комплексы норм по определению мер юридической ответственности имеются и в Уголовном кодексе, и в Кодексе РФ об административных правонарушениях, и в другом законодательстве. Однако, есть возможность уже на данном уровне вывести **примерный алгоритм определения меры юридической ответственности.**

1. *Точная юридическая квалификация деяния субъекта права. Это требование ориентирует на вполне определенную юридическую норму правовой ответственности, которая подлежит применению. Кроме того, на этом этапе производится выяснение, имели ли место обстоятельства исключающие юридическую ответственность, или основания освобождения от неё.*
2. *Применение общих начал определения меры юридической ответственности – оценка всей совокупности обстоятельств деяния и личности правонарушителя, а не только тех, которые имеют квалификационное значение.*
3. *Применение смягчающих ответственность обстоятельств.*
4. *Применение отягчающих ответственность обстоятельств.*

5. *Применение специальных правил смягчения ответственности.*
6. *Применение специальных правил усиления ответственности.*
7. *Окончательный расчет меры юридической ответственности. Установление её реальности или условности.*

Данный алгоритм ориентирован на определение меры негативной юридической ответственности и характерен для карательной её разновидности. В зависимости от иных видов некоторые пункты могут меняться местами, в зависимости же от наличия или отсутствия тех или иных обстоятельств они могут иметься или отсутствовать. В конечном счете каждая отрасль права имеет свой алгоритм определения меры юридической ответственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблематика теории юридической ответственности включает очень широкий спектр противоречий, неразрешенных вопросов, точек зрения, подходов, концепций, взглядов, идей, трактовок, и их количество с каждым годом, с каждым научным исследованием в этой области увеличивается. Кроме того, на сегодняшний день в правовой системе России представлено немало нормативных правовых актов, актов судейского права в области юридической ответственности и её отдельных аспектов, но при этом нельзя сказать, что все они выдержаны в духе какой-то единой программы. Если стремиться охватить в исследовании всю названную эклектику научного и юридического материала, построить некую «общую теорию юридической ответственности», то представить себе объёмы такого исследования довольно сложно, не даром изданная тольяттинской школой юридической ответственности «Антология юридической ответственности» представляет собой пять довольно внушительных томов.

Настоящая работа, хотя она и называется «Теория юридической ответственности», цели сформировать такого рода теорию не преследовала. Были обозначены наиболее проблемные и малоисследованные в современной отечественной теории права аспекты, проанализированы представленные в юридической литературе точки зрения, вынесено авторское резюме там, где оно имеет место быть. Хотя работа именуется монографией и имеет некоторые черты монографического исследования, все же это в большей степени учебное пособие, или пособие к лекциям по спецкурсу «теория юридической ответственности», поскольку в ней во многом представлен обзор подходов или концепций с некоторой, незначительной аналитикой. Однако автор постарался раскрыть обозначенные во введении стержневые проблемы теории юридической ответственности и представить по каждой из них собственное решение. Это определило в конечном счете и структуру заключения.

Итак, исследование актуальных проблем теории юридической ответственности позволяет сделать следующие выводы:

1. Юридическая ответственность имеет смешанную социально-правовую природу. Такая природа ответственности обуславливает содержание всех остальных аспектов ответственности – понятия, оснований,

принципов, функций, целей, видов, меры ответственности и её места в системе правовых средств. Социально-правовая природа юридической ответственности состоит в том, что она представляет собой реальное общественное явление, состоящее в фактическом сужении свободы личности, её имущественной или организационной сферы, которое получает юридическое выражение в правовых нормах, описывающих вариант общественно опасного поведения и предусматривающих негативные последствия такого поведения субъекта права. То же самое можно сказать и в отношении позитивной юридической ответственности с поправкой на её специфику.

2. В системе правовых средств юридическая ответственность выступает как инструмент, обеспечивающий функционирование механизма правового регулирования посредством закрепления и реализации негативных последствий антиобщественного поведения лица. Для позитивной ответственности характерна задача стимулирования социально активного поведения субъекта путем закрепления льгот, поощрений, правовых стимулов и т.п. Юридическая ответственность в любой форме осуществляется посредством применения права, которое в этом случае представляет собой двуединый процесс квалификации правонарушения (либо социально активного поступка) и назначения наказания (поощрения).

3. Социально-правовая природа ответственности за правонарушение обуславливает двухуровневую систему оснований такой ответственности. Основаниями юридической ответственности первого уровня (ответственности как социально-правового явления) выступают философские и социальные основания. При этом под социальным основанием юридической ответственности за правонарушение необходимо понимать систему противоречий в обществе между потребностью в защите и воспроизводстве социально ценных благ с одной стороны, и антиобщественным поведением, представляющим опасность для этих благ – с другой, для снятия и разрешения которых требуется установление юридической ответственности. Основная задача этих оснований – объяснение установления ответственности в тех или иных видах и размере за определенный вид общественно опасного поведения. Философские основания юридической ответственности за правонарушение включают в

себя по меньшей мере три аспекта: 1) обоснование права общества на применение мер принудительного воздействия по отношению к тем его членам, которые своим поведением причиняют вред общественным или личным интересам, или создают угрозу причинения такого вреда; 2) обоснование представления о государстве как о единственном представителе и выразителе всего общества в целом; 3) обоснование свободы воли человека и, как следствие, возможности выбора между общественно неопасным и общественно опасными вариантами поведения. Философские основания ответственности призваны осуществить оправдание (легитимацию) этой ответственности в глазах населения страны.

4. Основаниями юридической ответственности второго уровня (за конкретное общественно опасное поведение) выступают норма права (нормативное основание), акт применения права (организационное/процессуальное основание), которые вместе составляют правовое основание ответственности, а также юридический факт правонарушения – фактическое основание ответственности. Нормативным основанием ответственности необходимо считать специальную правовую норму (как указывают некоторые авторы – норму юридической ответственности). При этом, если исходить из различения логических норм и норм-предписаний, то следует отметить, что всякая логическая норма (термин С.С. Алексеева) предполагает юридическую ответственность, т.к. содержит санкцию – негативные последствия невыполнения правила, предусмотренного в диспозиции. Логические нормы в реальном виде в позитивном праве (законодательстве) не существуют, выводятся логическим путем из всей системы права и адресованы субъектам права. Если вести речь о норме-предписании – реальной элементарной единице любого нормативного правового акта, то те такого рода нормы, которые касаются юридической ответственности (сосредоточенные, преимущественно, в УК РФ и КоАП РФ), сконструированы таким образом, что в первой части содержат описание антиобщественного поведения, а во второй – последствия такого поведения. Сделать вывод о запрещенности такого поведения исключительно на основе нормы-предписания проблематично – традиция отечественного деликтного законодательства такова, что они

адресованы правоприменителю и указывают, что он должен делать в случае выявления того или иного правонарушения.

5. Фактическим основанием юридической ответственности выступает юридический факт правонарушения. При этом логичнее и точнее трактовать правонарушение как социально-правовое явление, представляющее собой виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой применения мер юридической ответственности. Состав правонарушения, при этом, как юридическая конструкция, не выступает самостоятельным основанием юридической ответственности в рассматриваемой системе оснований, а представляет собой синтез, соединение всех других оснований юридической ответственности: философское основание отражается в характеристике субъекта правонарушения, а также в процессуальной регламентации привлечения к ответственности; социальное основание выражено в субъективной (внутриличностные процессы) стороне правонарушения, в объекте правонарушения (социальные ценности, в сохранении которых заинтересовано общество); фактическое основание выражается преимущественно в объективной стороне состава; наконец, правовое основание закрепляет признаки состава в нормах права и оформляет в итоговом правоприменительном акте по юридическому делу соответствие между этими признаками и обстоятельствами совершенного деяния.

6. Злоупотребление правом можно определить как использование субъективного права с намерением причинить вред другому субъекту права, прямо не нарушающее норму права, но противоречащее её смыслу. Злоупотребление правом как правовое явление лежит в плоскости решения более общей юридической проблемы соотношения «буквы» закона и «духа» закона. Думается более рациональным использовать терминологическую конструкцию «смысл закона», которой часто пользуется Пленум Верховного суда РФ, толкуя те или иные положения уголовного закона. Под смыслом закона условимся понимать такую формулировку логической нормы, которая с необходимостью применима для правового регулирования данных общественных отношений, для разрешения данного юридического казуса (*ad hoc*). Отсюда грань между злоупотреблением правом и правонарушением

состоит в том, что если первое нарушает только смысл закона, не нарушая букву, то второе нарушает и смысл, и букву закона одновременно.

7. Принципами юридической ответственности следует считать принцип дифференциации и индивидуализации ответственности; принцип ответственности за виновно совершенное деяние; принцип сочетания неотвратимости ответственности и соразмерности между мерами ответственности и фактическими обстоятельствами совершенного деяния и характеристикой личности виновного; принцип экономии государственно-правовой репрессии. Такая система принципов отражает инструментально-охранительную природу юридической ответственности как средства обеспечения действенности механизма правового регулирования. Кроме того, это именно те элементы общеправовых принципов, которые характерны исключительно для юридической ответственности, показывающие её специфику и внутренне цементирующие её содержание.

8. Система целей и функций юридической ответственности на сегодняшний день может считаться разработанной, но не бесспорной. В качестве резюме можно высказать мнение о том, что приемлемыми с точки зрения социально-правовой природы для юридической ответственности за правонарушение выступают цели восстановления социальной справедливости, кары правонарушителя, исправления правонарушителя и предупреждения совершения новых правонарушений. Им будут соответствовать карательная, восстановительная, исправительная и предупредительная функции юридической ответственности, которые выступают составными элементами общеправовой охранительной функции. При этом главным критерием выделения названных целей и функций выступает их относимость исключительно к юридической ответственности.

9. При классификации юридической ответственности за правонарушение наиболее адекватным следует считать объект охраны (и, соответственно, объект правонарушения) в самом широком смысле, на самом высоком уровне абстракции. Можно выделить несколько таких предельно общих объектов охраны юридической ответственности: 1) общественные отношения во всех сферах жизни социума, которым причиняют или могут причинить вред правонарушения; 2) дисциплина труда во всех сферах человеческой деятельности и общественные отношения, её

составляющие; 3) гражданский оборот во всех сферах человеческой жизни и общественные отношения, его обеспечивающие, имеющие имущественный эквивалент и существующие в статическом (вещные) и динамическом (обязательственные) состоянии; сюда же примыкают и отношения, охраняющие нематериальные блага, имеющие материальный эквивалент. С точки зрения социально-правовой природы юридической ответственности первую группу защищают преимущественно лишения личного характера, вторую – организационного характера и третью – материального характера. Соответственно, это 1) уголовная, административная, налоговая ответственность (в основной своей части), 2) дисциплинарная ответственность и 3) гражданско-правовая и материальная ответственность. Разумеется, последнее соответствие весьма условно, это, скорее, дань традиции, поскольку уголовная и административная ответственность, в силу универсальности и многосторонности объекта охраны, обладают и универсальным набором лишений и ограничений. Поэтому устанавливая соответствие между отраслевыми видами ответственности и объектами охраны необходимо иметь ввиду, что речь идет не о единственном виде последствий для правонарушителя, а о доминирующем в рамках отраслевого вида ответственности.

10. Мера юридической ответственности – это качественно-количественная категория, характеризующая те средства, которые применяются к субъекту права за его юридически значимое поведение, их законодательные пределы, а также конкретную качественно-количественную наполненность в каждом определенном случае правового поведения этого субъекта. В качестве общеправовых критериев определения этой меры выступают принципы правовой экономии, правовой определенности, правовой справедливости (соразмерности деяния и последствий для правонарушителя), законности, гуманизма, дифференциации и индивидуализации ответственности. На основе этих принципиальных положений формулируются отраслевые подходы к определению меры юридической ответственности и определяется алгоритм назначения наказания за совершение правонарушения.

Многие проблемные вопросы теоретического осмысления юридической ответственности остались за пределами настоящей работы. Это

причины и условия правонарушений, материальный и процессуальный аспекты ответственности, правоотношения ответственности, виды юридической ответственности и их взаимодействие, взаимосвязь и различие и т.п. Дело не в том, что они представляются неинтересными, или менее проблемными, нежели те, которые были рассмотрены автором. Просто, сознавая невозможность объять необъятное, решено было в конечном счете сосредоточиться на трёх основных блоках теории юридической ответственности: природа юридической ответственности, основания юридической ответственности, специальные вопросы юридической ответственности. При этом названные блоки органично вытекают один из другого, и основной связующей их идеей выступает признание двойственной социально-правовой природы юридической ответственности, которая представлена реально существующим в объективной действительности явлением и его юридическим выражением в форме системы охранительных норм-предписаний, предусматривающих последствия антиобщественного (или социально активного) юридически значимого поведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 21.07.2014 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>
2. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002, № 1 (ч. 1). - Ст. 3.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002. № 1 (ч. 1). - Ст. 1.
4. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 3 августа 1998. - № 31. - Ст. 3823.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31 июля 1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 3 августа 1998. - № 31. - Ст. 3824.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17 июня 1996 г. - № 25. – Ст. 2954.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 5 декабря 1994. - № 32. - Ст. 3301.
8. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Российская газета. Федеральный выпуск № 6861 от 23 декабря 2015 г.
9. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 // «Российская газета», № 4, 12 января 2008 г.

10. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2009 г. (утратило силу.) № 20 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. - № 1.
11. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11 января 2007 г. (утратило силу) № 2 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. - № 4.
12. О практике назначения судами уголовного наказания: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 № 40 (утратило силу) // [Электронный ресурс] – электрон. дан. – «Консультант Плюс» - законодательство РФ: кодексы, законы, указы, постановления Правительства РФ, нормативные акты. – Режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>
13. Проект Федерального закона N 957581-6 "Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" // Электронный ресурс. – Электрон. дан. - Проект нового Кодекса РФ об административных нарушениях. – режим доступа: URL: http://www.consultant.ru/law/doc/pr_koan
14. Кодекс Российской Федерации об административной ответственности: Проект N 917598-6 (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 30.10.2015) // Электронный ресурс. – Электрон. дан. - Проект нового Кодекса РФ об административных нарушениях. – режим доступа: URL: <http://www.consultant.ru>
15. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник для магистров / А.Б. Агапов. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2013. 435 с.
16. Административная ответственность: учебное пособие / под ред. И.Ш. Килясханова, А.И. Стахова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 144 с.
17. Административное право России: курс лекций / К.С. Бельский [и др.]; под ред. Н.Ю. Хаманевой. – М.: Проспект, 2007. 704 с.
18. Азарян Е.Р. Преступление. Наказание. Правопорядок / Азарян Е.Р. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 229 с.

19. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие / Л.А. Букалерева [и др.]; отв. ред. Р.В. Шагиева. – М.: Норма, 2011. 576 с.
20. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 360 с.
21. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2-х т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. 360 с.
22. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций / С.С. Алексеев. – М.: Статут, 2010. 781 с.
23. Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 2: Специальные вопросы правоведения. М.: Статут, 2010. 471 с.
24. Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995. 320 с.
25. Алехин А.П., Кармолицкий А.А. Административное право России: Учебник. – М.: «Зерцало», 2006. 658 с.
26. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность (вопросы теории) / Б.Т. Базылев; отв. ред. Н.В. Витрук. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-та, 1985. 130 с.
27. Бахрах Д.Н. Административное право: учебник / Д.Н. Бахрах, Б.В. Росинский, Ю.В. Стариков. – 3-е изд., пересмотр. и доп. – М.: Норма, 2008. 816 с.
28. Благов Е.В. Применение специальных начал назначения уголовного наказания. – М.: Юрлитинформ, 2007. 288 с.
29. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 505 с.
30. Бондарев А.С. Юридическая ответственность и безответственность – стороны правовой культуры и антикультуры субъектов права. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. 187 с.
31. Бондарь Н.С. Правовая определенность - универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) / Н.С. Бондарь // Конституционное и муниципальное право, 2011. - № 10. - С. 4 - 10.
32. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С.Н. Братусь. – М.: Городец-издат, 2001. 208 с.

33. Бунин О.Ю. Реализация принципа справедливости при установлении санкций уголовно-правовых норм: монография / О.Ю. Бунин; научн. ред. А.В. Кладков. – М.: Проспект, 2006. 128 с.
34. Бурлаков В.Н. Индивидуализация уголовного наказания: закон, теория, судебная практика. Учебно-практическое пособие / В.Н. Бурлаков. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2011. – 131 с.
35. Васев И.Н. Субъективное право как общетеоретическая категория: монография. М.: Юрлитинформ, 2012. 192 с.
36. Васев И.Н. Субъективное право как общетеоретическая категория: автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И.Н. Васев. – Екатеринбург, 2011. – 27 с.
37. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / А.Б. Венгеров. – 3-е изд. – М.: Юриспруденция, 2000. 528 с.
38. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. 432 с.
39. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001.
40. Гогин А.А. Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф. дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.01 / А.А. Гогин. – Казань, 2011.
41. Гогин А.А. Правонарушение: общетеоретический, межотраслевой и отраслевой аспекты: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. 376 с.
42. Гончаров Д.Ю. Предметно-системные связи уголовного и уголовно-процессуального законодательства / Д. Ю. Гончаров // Правоведение. - 2005. - № 2. – С. 9-23.
43. Гражданское право: Учебник. В 3 т. Т. 1 / В.С. Егоров [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М.: Проспект, 2006. 786 с.
44. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – Изд. 2-е, стереотип. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
45. Грызунова Е.В. Правонарушение: юридический состав и его особенности (применительно к различным видам правонарушений): учебное пособие / под ред. М.И. Байтина. Саратов: СГАП, 2002.

46. Гущина Н.А. Поощрительные нормы российского права: теория и законодательная практика / Н.А. Гущина. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003.
47. Давыдова М.Л. Юридическая техника. Общая часть: учебник. М.: Проспект, 2015.
48. Демидов Ю.А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю.А. Демидов. – М., 1975.
49. Дядькин Д.С. Введение в юрисометрику: монография / Д.С. Дядькин. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. 97 с.
50. Дядькин Д.С. Теоретико-методологические основы назначения уголовного наказания: автореф. дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – М., 2009. 46 с.
51. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход / Д.С. Дядькин. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2006. 510 с.
52. Дядькин Д.С. Юрисометрика: монография / Д.С. Дядькин. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – 114 с.
53. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории) / С.А. Елисеев. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. – 176 с.
54. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991.
55. Иванов А.А. Индивидуализация юридической ответственности. Правовые и психологические аспекты. М., 2003.
56. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для вузов. – М., 2004.
57. Иванов Е.А. Логика: Учебник. М.: БЕК, 2001.
58. Илidgeв А.А. Назначение наказания за преступление, совершенное в соучастии: автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Казань, 2004. 22 с.
59. Ильин И.А. Общее учение о праве и государстве / И.А. Ильин. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 510 с.
60. История государственно-правовых учений: Учебник / Ю.Я. Баскин [и др.]; отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Спарк, 2006. 672 с.

61. Ищенко А.В. Назначение наказания по Уголовному кодексу Российской Федерации: научно-практическое пособие / А.В. Ищенко. – М., 2002. – 160 с.
62. Карпушин М.П. Уголовная ответственность и состав преступления / М.П. Карпушин, В.И. Курляндский. – М., 1974.
63. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества: Текст лекций. – Ярославль: ЯрГУ, 1995.
64. Касьянов В. Социология права: словарь специальных терминов / В. Касьянов, В. Нечипуренко, 2001 г. / [Электронный ресурс]. – электрон. дан. – Национальная социологическая энциклопедия / Проекты Национальной энциклопедической ассоциации. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/616/word/regulirovanie-socialnoe>
65. Козлов А.П. Уголовная ответственность: понятие и формы реализации. – Красноярск: Изд-во КрасГАУ, 2013.
66. Кругликов Л.Л. Дифференциация ответственности в уголовном праве. / Л.Л. Кругликов, А.В. Василевский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 300 с.
67. Крусс В.И. Злоупотребление правом: учеб. пособие / В.И. Крусс. – М.: Норма, 2010. 176 с.
68. Кудрявцев В.Н. Избранные труды по социальным наукам: В 3 т. Т. 1: Общая теория права. Уголовное право. – М.: Наука, 2002. 567 с.
69. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. М.: Юрид.лит., 1960.
70. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2007. 304 с.
71. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982.
72. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступления: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. и предисл. акад. В.Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. 336 с.
73. Кузьмин И. А. Основания возникновения юридической ответственности как общетеоретическая проблема: подходы и суждения // Сиб. юрид. вестн. 2012. № 4. С. 3–10.

74. Кузьмин И.А. Юридическая ответственность и её реализация: учеб. пособие / И.А. Кузьмин. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013.
75. Куликов Е.А. Категория меры в праве: теоретико-правовые и философско-правовые аспекты: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015. 344 с.
76. Куликов Е.А. Мера уголовного наказания за преступление в соучастии: общие критерии определения. – Германия, Саарбрюкен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 124 с.
77. Курс российского уголовного права. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. 767 с.
78. Курс советского уголовного права. В 6 т. Т. 2. М., 1970.
79. Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М.: Норма, 2000. 400 с.
80. Лившиц Р.З. Теория права: учебник / Р.З. Лившиц. – М.: БЕК, 1994.
81. Лопашенко Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. – СПб.: «Юридический центр Пресс», 2004. 339 с.
82. Лунеев В.В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. В 2 т. Т. I. Общая часть / В.В. Лунеев. М.: Издательство Юрайт, 2011.
83. Лучков В.В. Юридическая ответственность в механизме правового регулирования. Дисс... канд. юрид. наук. Тольятти, 2004. 208 с.
84. Максимов И.В. Административные наказания. – М.: Норма, 2009. 464 с.
85. Малеин Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985.
86. Малеин Н.С. Юридическая ответственность и справедливость. – М., 1992
87. Малиновский А.А. Злоупотребление субъективным правом (теоретико-правовое исследование) / А.А. Малиновский. – М.: Юрлитинформ, 2007.
88. Мальцев В.В. Наказание и проблемы его назначения в уголовном праве: монография / В.В. Мальцев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. – 224 с.

89. Мальцев В.В. Общественно опасное поведение в уголовном праве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2014. 648 с.
90. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В.В. Мальцев. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 694 с.
91. Мальцев Г.В. Нравственные основания права / Г.В. Мальцев. М.: Изд-во СГУ, 2008. 552 с.
92. Мальцев Г.В. Социальные основания права / Г.В. Мальцев. – М.: Норма, 2011. – 800 с.
93. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987.
94. Матузов Н.И. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.
95. Махмутов М.В. Принцип процессуальной экономии - начало положено / М.В. Махмутов // Законность. 2010. N 12. С. 35 - 36.
96. Мироненко, М. Б. Принципы юридической ответственности в системе принципов права: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. - Саратов, 2001.
97. Мицкевич А.Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / А.Ф. Мицкевич. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. 329 с.
98. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / А.С. Мордовец. – Саратов, 1996.
99. Муздыбаев К. Психология ответственности / К. Муздыбаев; под ред. В.Е. Семенова. – изд-е 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.
100. Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы: монография / под ред. А.В. Малько. М.: Юрлитинформ, 2014. 272 с.
101. Насыров Р.В. Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. (Курс лекций) / Р.В. Насыров. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 312 с.
102. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: монография / Т.В. Непомнящая. – М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.

103. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: автореф. дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Т.В. Непомнящая. – Екатеринбург, 2010. – 46 с.
104. Непомнящая Т.В. Формализация назначения наказания / Т.В. Непомнящая // Уголовное право. – 2006. - № 4. – С. 47-51.
105. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. 848 с.
106. Никитина Л.М. Корпоративная социальная ответственность: учебник для бакалавров / Л.М. Никитина, Д.В. Борзаков. – Ростов н/Д: Феникс, 2015. 445 с.
107. Новая философская энциклопедия. В 4-х томах. Т. 3 / Ин-т философии РАН; Нац. общ.-научн. фонд; Научн.-пед. совет: председ. В.С. Степин, зам.-ли предс.: А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин, уч. секр. А.П. Огурцов. – М.: Мысль, 2010. 692 с.
108. Новая философская энциклопедия. Т. 4 / предс. ред. совета В.С. Степин. М., 2010.
109. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: монография / И.А. Анисимова [и др.]; под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул: Изд-во АЛТГУ, 2005. 235 с.
110. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Том 2 / Н.Н. Вопленко [и др.]; под ред. М.Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Изд-во «Зерцало-М», 2002. 548 с.
111. Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Том 3. / отв. ред. проф. М.Н. Марченко. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. 548 с.
112. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов: под ред. проф. Л.И. Скворцова. – 27-е изд., испр. – М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2010. 1360 с.
113. Ольков С.Г. Аналитическая юриспруденция. В 2-х частях. Ч. 1 / С.Г. Ольков. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 512 с.
114. Ольков С.Г. Биосоциальная механика, общественная патология и точная юриспруденция / С.Г. Ольков. – Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. – 392 с.

115. Орехов В.В. Необходимая оборона и иные обстоятельства, исключающие преступность деяния / В.В. Орехов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 217 с.
116. Оскамытный В.В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы). Дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / В.В. Оскамытный. – Киев, 1990.
117. Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть / Г.Л. Осокина. – 2-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. 752 с.
118. Павлухин А.Н. Виды и ответственность соучастников преступления: монография / А.Н. Павлухин, Р.С. Рыжов, Н.Д. Эриашвили; под ред. А.Н. Павлухина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. – 142 с.
119. Пархоменко С.В. Деяния, преступность которых исключается в силу социальной полезности и необходимости / С.В. Пархоменко. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 267 с.
120. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.Д. Перевалов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: «Юрайт», 2012. – 415 с.
121. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография / под науч. ред. В.Д. Филимонова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 432 с.
122. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.08 / Т.А. Плаксина. – Томск, 2006. – 488 с.
123. Плохова В.И. Недавние решения Конституционного Суда РФ и совершенствование уголовного закона / В.И. Плохова // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2008.- № 5. – С. 127-129.
124. Плохова В.И. Ненасильственные преступления против собственности: криминологическая и правовая обоснованность. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. 295 с.
125. Плохова В.И. Системное толкование норм Особенной части уголовного права: учеб. пособие / В.И. Плохова. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 320 с.

126. Плохова В.И. Социальное и правовое обоснование уголовного закона (на примере преступлений в сфере экономики): учебно-методическое пособие / В.И. Плохова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. – 166 с.
127. Пресняков М.В. Правовая определенность как системное качество российского законодательства / М.В. Пресняков // Журнал российского права. – 2009. - № 5. – С. 12 – 15.
128. Прошляков А.Д. Взаимосвязь материального и процессуального уголовного права: – дисс... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / А.Д. Прошляков. – Екатеринбург, 1997. – 271 с.
129. Полный курс уголовного права: в 5 т. Т. II: Преступления против личности / под ред. А.И. Коробеева. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2008. 1133 с.
130. Поляков А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. – 2-е изд., исправл. и доп. – М.: Проспект, 2016. 832 с.
131. Правовые обычаи Горного Алтая, Китая и Монголии: коллективная монография / отв. ред. В.В. Сорокин. – Барнаул, ООО «Спектр», 2013. 232 с.
132. Проблемы общей теории права и государства: учебник / под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2008. 832 с.
133. Прозументов Л.М. Криминализация и декриминализация деяний. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012.
134. Протасов В.Н., Протасова Н.В. Лекции по общей теории права и теории государства. – М.: Городец, 2010. 752 с.
135. Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 208 с.
136. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. 240 с.
137. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрлитинформ, 2010. 280 с.
138. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М.: Юрлитинформ, 2009. 248 с.

139. Ретюнских И.С. Уголовно-правовые отношения и их реализация / И.С. Ретюнских. – Воронеж, 1997.
140. Родионова Е.В. Юридическая ответственность как разновидность социальной ответственности: современные проблемы / Е.В. Родионова. – М.: Юрлитинформ, 2011.
141. Российское гражданское право: Учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / В.С. Ем [и др.]; отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2010. 958 с.
142. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.С. Комиссарова. СПб.: Питер, 2005.
143. Самощенко И.С. Ответственность по советскому законодательству / И.С. Самощенко, М.Х. Фарукшин. – М., 1971.
144. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (части Общая и Особенная): научно-практическое пособие. – М.: Проспект; Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2014. 296 с.
145. Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012. 480 с.
146. Синюков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В.Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма, 2010. – 672 с.
147. Ситникова А.И. Приготовление к преступлению и покушение на преступление: Монография / А.И. Ситникова. – М.: Ось-89, 2006. 160 с.
148. Скурко Е.В. Принципы права: монография. М.: Ось-89, 2008. 192 с.
149. Смолин А.Ю. Разумный срок уголовного судопроизводства – проявление принципа процессуальной экономии // Российский следователь. 2010, № 19. – С. 9-11.
150. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России: Монография / В.В. Сорокин. – М.: Проспект, 2007. – 480 с.
151. Сорокин В.В. Теория государства и права переходного периода: учебник. Барнаул: ООО «Алтайский полиграфический комбинат», 2007. 512 с.

152. Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко, 2003 г. / [Электронный ресурс]. – электрон. дан. – Национальная социологическая энциклопедия / Проекты Национальной энциклопедической ассоциации. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/dictionary/568/word/socialnoe-upravlenie>
153. Сыроватская Л.А. Ответственность за нарушение трудового законодательства / Л.А. Сыроватская. – М., 1990.
154. Таганцев Н.С. Курс уголовного права. – С.-Петербург, 1902. / [Электронный ресурс] – электрон. дан. – программа информационной поддержки российской науки и образования: Гарант. Платформа F1 Эксперт. Классика российского правового наследия / справочные правовые системы. – 2016. – Режим доступа: URL: <http://www.garant.ru>
155. Тарбагаев А.Н. Ответственность в уголовном праве / А.Н. Тарбагаев. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1994.
156. Тархов В.А. Ответственность по советскому гражданскому праву / В.А. Тархов. – Саратов, 1973.
157. Теория государства и права: курс лекций / М.И. Байтин [и др.]; под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2003. 776 с.
158. Теория государства и права: Учебник для вузов / под ред. В.М. Корельского и В.Д. Первалова. – М.: Норма, 2001. 616 с.
159. Теория юриспруденции: учеб. пособие / отв. ред. Р.В. Шагиева. Калуга: Изд-во РАП, 2007. 364 с.
160. Толковый словарь русского языка: более 15 тыс. слов / В.В. Виноградов [и др.]; под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Астрель, 2010. 1022 с.
161. Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. Н.М. Кропачёва, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. СПб., 2006.
162. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: ИНФРА-М: КОНТРАКТ, 2007.

163. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для вузов / под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, д.ю.н. Н.Е. Крыловой, д.ю.н. И.М. Тяжковой. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2014. 879 с.
164. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань, 1987.
165. Ференс-Сороцкий, А.А. Процессуальный формализм или процессуальная экономия? / А.А. Ференс-Сороцкий // Правоведение. - 1991. - № 4. – С. 31 – 35.
166. Филимонов В.Д. Генезис уголовно-правового регулирования: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 128 с.
167. Филимонов В.Д. Криминологические основы уголовного права. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 214 с.
168. Филимонов В.Д. Норма уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2004. – 281 с.
169. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права / В.Д. Филимонов. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003. – 182 с.
170. Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2007. – 335 с.
171. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР-Пресс, 2002. – 139 с.
172. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: ЮрИнфоР, 2008. 249 с.
173. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989 / [Электронный ресурс] – электрон. дан. – Национальная философская энциклопедия. – Режим доступа: <http://www.term.ru>
174. Философский энциклопедический словарь / Л.Ф. Ильичёв, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалёв, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
175. Флетчер Дж., Наумов А.В. Основные концепции современного уголовного права. – М.: Юристь, 1998. 512 с.
176. Хачатуров Р.Л., Липинский Д.А. Общая теория юридической ответственности. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2007. 950 с.

177. Хужин А.М. Невинное поведение в праве: методология, теория, практика: монография. – М.: Юрлитинформ, 2012. 336 с.
178. Хужин А.М. Невинное поведение в праве: проблемы юридической ответственности и эффективности правоприменения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2013. 192 с.
179. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во СГАП, 2004. – 220 с.
180. Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е.Е. Чередниченко. - М.: «Волтерс Клувер», 2007.
181. Черненко Т. Г. Назначение наказания при множественности преступлений: Учебное пособие /Т.Г. Черненко. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 120 с.
182. Чернобель Г.Т. Право как мера социального блага / Г.Т. Чернобель // Журнал российского права, 2006, № 6. С. 83-95.
183. Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. 307 с.
184. Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Том 1. Понятие уголовного права / Н.А. Лопашенко [и др.]; отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: ЛГУ имени А.С. Пушкина, 2008. 686 с.
185. Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 3. Понятие преступления. / отв. ред. В.Б. Малинин. – Издание профессора Малинина. СПб., 2005. 524 с.
186. Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 4. Состав преступления. / отв. ред. В.Б. Малинин. – Издание профессора Малинина – СПб ГКА, 2-е изд. СПб., 2010. 864 с.
187. Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 5. Неоконченное преступление / М.В. Гринь [и др.]; отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: СПб ГКА, Издание профессора Малинина, 2006. 464 с.
188. Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Т. 6. Соучастие в преступлении / Л.Д. Ермакова [и др.]; отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: СПб ГКА, Издание профессора Малинина, 2007. 564 с.

189. Энциклопедия уголовного права. В 35 томах. Т. 7. Обстоятельства, исключают преступность деяния / В.А. Блинников [и др.]; отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: СПб ГКА, Издание профессора Малинина, 2007. 723 с.
190. Энциклопедия уголовного права. В 35-ти томах. Том 9. Назначение наказания. / С.А. Велиев [и др.]; отв. ред. В.Б. Малинин. – СПб.: СПб ГКА, Издание профессора Малинина, 2008. – 912 с.
191. Юрчак Е.В. Теория вины в праве: монография / отв. ред. Т.В. Кашанина. – М.: Проспект, 2016. 160 с.
192. Явич Л.С. Право и социализм / Л.С. Явич. – М., 1982.
193. Явич Л.С. Сущность права. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 208 с.
194. Ягофарова И.Д. Категория меры в правовых исследованиях // Российский юридический журнал, 2009, № 3. – С. 7-12.
195. Ягофарова И.Д. Право как мера ограничения свободы: автореф. дисс... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И.Д. Ягофрова. – Екатеринбург, 2004. – 28 с.

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1. Введение

Необходимым условием укрепления правопорядка, законности и дисциплины в обществе является соблюдение законов всеми гражданами, должностными лицами и организациями.

Обеспечение установленных законом прав и свобод человека и гражданина предполагает уяснение ими предписаний закона, сознательное их воплощение в объективной реальности. Но пока имеют место нарушения закона, необходимо принуждение по отношению к тем, кто не подчиняется закону.

Важным инструментом такого принуждения является юридическая ответственность. Неотвратимость ответственности за нарушение норм права – необходимое условие законности, воспитания граждан в духе уважения к праву и закону. Общеизвестно, нет прав без обязанностей, как и обязанностей без прав. Однако в условиях «перестроечной демократии» основной упор делается только на правах и, к сожалению, игнорируется выполнение обязанностей.

С другой стороны злоупотребление правом, невыполнение обязанностей должностными лицами, органами государства, самим государством, а также неэффективность юридической ответственности и порой, ее отсутствие, наносят серьезный вред жизнедеятельности общества, формируют негативизм по отношению к государственной власти, к праву и закону.

Помимо этого, ряд вопросов, касающихся юридической ответственности, являются дискуссионными и по сей день требуют осмысления и разрешения. Это касается соотношения позитивной и негативной юридической ответственности, материального и процессуального аспектов юридической ответственности, места юридической ответственности среди мер государственного принуждения, оснований юридической ответственности, и др.

Именно с этих позиций сегодня следует рассматривать проблему юридической ответственности.

Целью изучения теории юридической ответственности является познание студентами значения, социальной природы, оснований и видов юридической ответственности как средства обеспечения дисциплины и законности, механизма защиты личности, общества и государства от общественно-опасных посягательств.

В круг задач данной учебной дисциплины входят:

- Углубленное изучение студентами в рамках общетеоретической юридической науки подходов к пониманию юридической ответственности в сравнении с правомерным поведением, другими разновидностями противоправного поведения, юридическими обязанностями и правоотношениями;
- Познание обучающимися целей, функций, принципов и значения юридической ответственности в механизме упорядочения общественных отношений;
- Приобретение студентами представлений об основаниях, видах и обстоятельствах, исключающих юридическую ответственность;
- Изучение студентами признаков, состава и видов правонарушения как фактического основания юридической ответственности;
- Формирование умения различать при решении практических юридических ситуаций юридическую ответственность и другие меры государственного принуждения;
- Формирование умения проводить юридическую квалификацию деяний в качестве правонарушений на основании их сопоставление с юридической конструкцией состава правонарушения;
- Привитие уважения к праву и закону, чувства необходимости соблюдения норм права по доброй воле, почтения к ответственному, добросовестному и соответствующему правовым нормам поведению.

Учебная дисциплина «Теория юридической ответственности» представляет собой курс, который предназначен для углубления и расширения знаний, умений и навыков, приобретённых студентами в ходе изучения теории государства и права. Теория юридической ответственности – частная теория общетеоретической юридической науки, призванная подготовить студентов-юристов к практической работе в государственных органах (правоохранительных и судебных органах, занимающихся борьбой с

правонарушениями и применением мер юридической ответственности к виновным лицам) и частных организациях (в отделах кадров и юридических службах рассматриваются вопросы привлечения работников к дисциплинарной ответственности, а контрагентов организации к гражданско-правовой и иной ответственности).

Требования к изучению дисциплины. Для изучения настоящего специального курса необходимо овладение обучающимися теорией государства и права, философскими представлениями о свободе, долге и ответственности, отраслевыми юридическими науками (конституционного, административного, финансового, уголовного, гражданского, семейного и др.) в аспекте правонарушений и применяемых за их совершение мер юридической ответственности.

По итогам изучения дисциплины «Теория юридической ответственности» студент должен уметь:

– толковать и применять законы и другие нормативные правовые акты, содержащие нормы различных отраслей права, предусматривающие юридическую ответственность;

– обеспечивать соблюдение уголовного, административного, трудового, гражданского, конституционного, экологического законодательства в деятельности государственных органов, физических и юридических лиц;

– юридически правильно квалифицировать факты и обстоятельства;

– разрабатывать документы правового характера, осуществлять правовую экспертизу нормативных актов, давать квалифицированные юридические заключения и консультации по вопросам применения норм отраслей российского права, закрепляющих юридическую ответственность;

– принимать правовые решения и совершать иные юридические действия в точном соответствии с законом;

– вскрывать и устанавливать факты правонарушений уголовного, административного, трудового, гражданского, конституционного, экологического законодательства, определять меры ответственности и наказания виновных; предпринимать необходимые меры к восстановлению нарушенных трудовых, экологических, гражданских прав;

- изучать и анализировать уголовное, административное, трудовое, гражданское, конституционное, экологическое законодательство и практику его применения, ориентироваться в специальной литературе;
- осуществлять сбор нормативной и фактической информации, имеющей значение для реализации правовых норм;
- анализировать соответствующие юридические нормы и правовые отношения.

Изучение дисциплины «Теория юридической ответственности» направлено на формирование у студента:

- гражданской зрелости и высокой общественной активности;
- профессиональной этики,
- правовой и психологической культуры;
- глубокого уважения к закону и бережного отношения к социальным ценностям правового государства, чести и достоинству гражданина;
- высокого нравственного сознания, гуманности, твердости моральных убеждений, чувства долга, ответственности за судьбы людей и порученное дело;
- принципиальности и независимости в обеспечении прав, свобод и законных интересов личности, ее охраны и социальной защиты,
- необходимой воли и настойчивости в исполнении принятых правовых решений,
- чувства нетерпимости к любому нарушению закона в собственной профессиональной деятельности.

Кроме того, студент должен понимать сущность и социальную значимость своей профессии, четко представлять сущность, характер и взаимодействие правовых явлений, знать основные проблемы в области юридической ответственности видеть их взаимосвязь в целостной системе знаний и значение для реализации норм охранительных отраслей права в профессиональной деятельности.

Структура данного курса охватывает общую теорию социального управления и регулирования, элементом которой выступает социальная ответственность, общее учение о юридической ответственности (понятии, соотношении со смежными категориями, основаниях, видах, принципах,

функциях и целях юридической ответственности), место и социальное значение института юридической ответственности в механизме реализации права, поддержании законности и правопорядка.

Особенностями изучения дисциплины «теория юридической ответственности» являются необходимость овладения студентами общесоциальными и философскими дисциплинами, теоретическими и отраслевыми юридическими науками, а также углубление и расширение общетеоретических воззрений студентов о юридической ответственности, и, наконец, практическая направленность спецкурса – получение навыков и умений, необходимых для применения норм института юридической ответственности в конкретных жизненных ситуациях в будущей профессиональной деятельности. В связи с чем, изучение настоящего учебного курса предполагается на четвёртом курсе дневного отделения по государственно-правовому профилю.

Текущий контроль знаний студентов обеспечивается проведением семинарских занятий в форме опроса, выступлений с сообщениями, деловыми играми (судебными процессами, дискуссиями, олимпиадами), а также решением практических заданий и подготовкой рефератов по определённым темам. Контроль по итогам изучения дисциплины осуществляется путём проведения зачёта по дисциплине. В целом на учебную дисциплину отводится 100 баллов. На лекционных занятиях студентам предоставляется возможность по завершению каждой лекции написать краткую творческую работу, оцениваемую в пределах трёх баллов. Общая сумма баллов по итогам лекций в maximume может составлять 21. по итогам каждого семинарского занятия студент может получить оценку в пределах 5-ти баллов, при этом общая сумма баллов за семинарские занятия будет составлять в maximume 55 баллов. На зачёт в итоге отводится 24 балла. По итогам активности в ходе аудиторных занятий и самостоятельной работы зачёт может быть выставлен в случае, если студент набирает к концу учебного семестра не менее 60-ти баллов. Для получения дополнительных баллов в настоящем пособии предусмотрены задания для самостоятельной работы пропорционально количеству аудиторных занятий по дисциплине, выполнение каждого из которых оценивается по 5-ти балльной шкале. Из 18-ти представленных заданий разрешается выполнение не более 12-ти.

В содержании учебной дисциплины «Теория юридической ответственности» отражены все дидактические единицы, предусмотренные ФГОС. При изучении учебной дисциплины «Теория юридической ответственности» студент может пользоваться библиотечным фондом Алтайского государственного университета, а также юридическими базами информационных справочных систем типа «Консультант Плюс», «Гарант».

2. Содержание дисциплины «теория юридической ответственности»

Тема 1. Юридическая ответственность как социально-правовое явление.

Социальное управление и социальное регулирование в обществе. Ответственность. Понятие ответственности в философском смысле. Позитивный и негативный аспекты ответственности Понятие и виды социальной ответственности. Юридическая ответственность как вид социальной ответственности. Место юридической ответственности в системе видов социальной ответственности.

Общие категории теории юридической ответственности. Проблема позитивной юридической ответственности. Аргументы сторонников и противников выделения позитивной юридической ответственности. Юридическая ответственность как целостное явление. Концепции позитивной юридической ответственности. Концепции юридической ответственности за правонарушение. Определение и признаки юридической ответственности за правонарушение.

Тема 2. Основания юридической ответственности.

Понятие и виды оснований юридической ответственности. Философские основания юридической ответственности за правонарушение. Социальные основания юридической ответственности за правонарушение.

Правовые и фактические основания юридической ответственности за правонарушение. Норма права и правоприменительный акт как правовые основания юридической ответственности за правонарушение. Правонарушение – фактическое основание юридической ответственности. Понятие правонарушения. Состав правонарушения. Правонарушение и объективно-противоправное деяние. Правонарушение и злоупотребление

правом. Виды правонарушений в правовой системе России. Юридические особенности невинного поведения.

Основания позитивной юридической ответственности. Общерегулятивные правоотношения. Поощрительные нормы. Нормативность юридической ответственности. Социально активное поведение.

Тема 3. Место юридической ответственности в механизме правового регулирования.

Понятие правового регулирования. Способы, методы и типы правового регулирования Стадии правового регулирования. Механизм правового регулирования и его элементы. Способы правового регулирования и юридическая ответственность.

Реализация права и юридическая ответственность. Применение права – основная форма реализации права. Требования, предъявляемые к применению норм права. Стадии правоприменительного процесса и их значение для обоснованного, справедливого и целесообразного применения юридической ответственности. Эффективность юридической ответственности. Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения.

Тема 4. Специальные вопросы теории юридической ответственности.

Принципы юридической ответственности: понятие, система и общая характеристика. Принцип дифференциации и индивидуализации юридической ответственности. Цели юридической ответственности. Функции юридической ответственности. Репрессивно-карательная (штрафная), предупредительно-воспитательная, праввосстановительная функции юридической ответственности. Стадии юридической ответственности. Возникновение, конкретизация и реализация юридической ответственности. Формы осуществления юридической ответственности.

Понятие обстоятельств, исключающих юридическую ответственность и их виды. Невменяемость, необходимая оборона, крайняя необходимость, малозначительность деяния. Институт исключения юридической ответственности и институт освобождения от юридической ответственности. Виды оснований освобождения от юридической ответственности. Изменение обстановки ко времени рассмотрения деяния, условно-досрочное

освобождение, отсрочка исполнения приговора, освобождение на основании акта амнистии, акта помилования и др.

Тема 5. Виды юридической ответственности.

Классификация юридической ответственности. Штрафная (карательная), правовосстановительная ответственность. Характеристика видов юридической ответственности по степени опасности правонарушения (по отраслевому признаку).

Традиционные виды юридической ответственности. Уголовная, административная, дисциплинарная ответственность. Налоговая, гражданско-правовая ответственность. Ответственность за нарушение бюджетного законодательства.

Нетрадиционные виды юридической ответственности. Конституционная, экологическая, налоговая и административно-процессуальная ответственность.

Тема 6. Мера юридической ответственности

Общеметодологические вопросы исследования проявлений категории «мера» в юридической науке. Понятие меры юридической ответственности. Мера юридической ответственности и квалификация.

Общетеоретические критерии определения меры юридической ответственности. Отраслевые особенности определения меры юридической ответственности. Программа определения меры юридической ответственности за конкретное правонарушение.

3. Контрольные задания для самостоятельной работы студентов.

Основная цель этих заданий – предложить темы для углубленного изучения теории юридической ответственности. В рамках краткого курса лекций, даже в совокупности с работой на семинарских занятиях, невозможно охватить весь широкий спектр проблем такого сложного и многогранного явления, как юридическая ответственность. Поэтому часть проблемных, но так или иначе решенных в юридической литературе вопросов выносятся на самостоятельное изучение студентами. По желанию студенты могут для получения дополнительных баллов по предмету выполнить и сдать на проверку рефераты по темам из выше приведённого перечня.

Перечень примерных вопросов для самостоятельной работы:

1. Понятие юридической ответственности (основные подходы).
2. Ретроспективная и перспективная юридическая ответственность: концепции
3. Позитивные и негативные юридические санкции: понятие и характер соотношения.
4. Поощрительные нормы российского права.
5. Юридическая ответственность и иные меры государственного принуждения: характер соотношения.
6. Цели юридической ответственности.
7. Функции юридической ответственности.
8. Принципы юридической ответственности: понятие и виды.
9. Принцип неотвратимости юридической ответственности.
10. Принцип дифференциации юридической ответственности и индивидуализации её меры.
12. Основание юридической ответственности: понятие и виды.
13. Философские и социальные основания юридической ответственности.
14. Социальные основания назначения самых суровых мер юридической ответственности.
15. Понятие и виды правонарушений в современном российском праве и в ретроспективе.
16. Состав правонарушения: подходы к определению, элементы, признаки.
17. Причины правонарушений.
18. Порядок применения юридической ответственности (процессуальная форма).
19. Виды юридической ответственности и проблемы её классификации.
18. Нетрадиционные виды юридической ответственности.
19. Обстоятельства, исключающие юридическую ответственность: понятие и виды.
20. Злоупотребление субъективным правом.
21. Объективно-противоправные деяния.

22. Правомерное поведение: понятие и виды.

23. Юридическая квалификация правонарушений.

24. Способы определения вида и меры юридической ответственности в конкретной юридической ситуации.

25. Невинное поведение в праве: понятие, виды, проблемы ответственности.

Примечание. Задания выполняются в форме написания реферата по избранной теме, оформленного в соответствии с правилами оформления курсовых и выпускных квалификационных работ: каждый реферат должен составлять не менее 15-ти страниц чистого текста, с постраничными сносками на использованную литературу, с выводами автора по заявленной проблематике, снабжён списком использованной литературы, составляющим не менее 10-ти источников. Оценивается реферат по 5-ти балльной шкале.

4. Тематический план

№ п/ п	Наименование тем	Всего (час.)	Аудиторные занятия		СРС
			лекции	семинары	
1.	Юридическая ответственность как социально-правовое явление	18	4	4	10
2.	Основания юридической ответственности	18	4	4	10
3.	Место юридической ответственности в механизме правового регулирования	16	1	4	10
4.	Специальные вопросы теории юридической ответственности	14	2	2	10
5.	Виды юридической ответственности	22	2	4	16
6.	Мера юридической ответственности	22	1	4	16
	ИТОГО:	108	14	22	72

5. Учебно-методическое обеспечение дисциплины

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 № 7-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. - 26 января 2009. - № 4. - Ст. 445.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 14 ноября 2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 18 ноября 2002. - № 46. - Ст. 4532.

3. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002, № 1 (ч. 1). - Ст. 3.

4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 7 января 2002. № 1 (ч. 1). - Ст. 1.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24 декабря 2001. – № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон от 31 июля 1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 3 августа 1998. - № 31. - Ст. 3824.

7. Бюджетный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 3 августа 1998. - № 31. - Ст. 3823.

8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 8 января 1997 № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 13 января 1997. - № 2. - Ст. 198.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13 июня 1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 17 июня 1996. - № 25. - Ст. 2954.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26 января 1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 29 января 1996. - № 5. - Ст. 410.

11. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 5 декабря 1994. - № 32. - Ст. 3301.

Другие официальные документы

1. О практике применения судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 // Российская газета. – 3 октября 2012 г. - N 5900.
2. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 № 1 // Российская газета. – 11 февраля 2011 г. - N 29.
3. О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 № 1 // Российская газета. – 5 февраля 2010 г. - N 24.
4. О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20 // Российская газета. – 11 ноября 2009 г. - N 211.
5. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 22 // Российская газета. – 11 ноября 2009 г. - N 211
6. О практике назначения Судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 // Российская газета. – 24 января 2007 г. - N 13.

Основная литература по всем темам

1. Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник / А.Б. Агапов. - 4-е изд., перераб. и доп.- М.: Юрайт, 2015. - 435 с.
2. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций / С.С. Алексеев.- М.: Статут. - 2010.- 781с.
3. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2009. – 432 с.

4. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права: учебник/ М. Н. Марченко; МГУ, Юрид. фак.- М. : Проспект, 2009.- 768 с.

5. Наказание и ответственность в российском праве: актуальные проблемы / под ред. А.В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.

6. Общая теория государства и права: Академ. курс: В 3 т. Т. 3. / В.В. Борисов; ред. М. Н. Марченко.- 2-е изд., перераб. и доп.- М.: Зерцало-М, 2013.- 528 с.

7. Перевалов В.Д. Теория государства и права: учебник для бакалавров / В.Д. Перевалов. – М.: Юрайт, 2015. – 415 с.

8. Проблемы общей теории права и государства: учебник/ Ин-т государства и права РАН; под общ. ред. В. С. Нерсесянца.- 2-е изд., пересмотр.- М. : НОРМА, 2012. – 816 с.

9. Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: Монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – 950 с.

10. Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: учеб. Пособие / А.Г. Чернявский, С.М. Кузнецов; под ред. Б.Н. Габричидзе, Н.Д. Эриашвили. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. – 335 с.

Дополнительная литература по всем темам

1. Адиханов Ф.Х. Юридическая ответственность за экологические правонарушения: учеб. пособие/ Ф. Х. Адиханов.- Барнаул: Изд-во АГУ, 1991.- 106 с.

2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность: (очерк теории)/ С. Н. Братусь.- М.: Городец-издат, 2001.- 208 с.

3. Габричидзе Б.Н. Юридическая ответственность: учеб. пособие/ Б.Н. Габричидзе, А.Г. Чернявский.- М. : Альфа-М, 2005.- 686с.

4. Гушин Д.И. Юридическая ответственность за моральный вред: теоретико-правовой анализ/ Д. И. Гушин.- СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002.- 166 с.

5. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности: (Социологический и юридический аспекты) / Ю. А. Денисов; ЛГУ.- Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. - 142 с.

6. Дядькин Д.С. Введение в юрисометрику: монография / Д.С. Дядькин.- Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. – 116 с.

7. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход / Д.С. Дядькин. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2006. – 510 с.
8. Дядькин Д.С. Юрисометрика: монография / Д.С. Дядькин.- Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. - 114 с.
9. Звечаровский И.Э. Ответственность в уголовном праве / И.Э. Звечаровский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2009. – 100 с.
10. Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для вузов / А.А. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 159 с.
11. Иванов А.А. От талиона к индивидуализации юридической ответственности. Исторический очерк становления правового принципа: монография /А.А. Иванов – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 223 с.
12. Кондрашев А.А. Конституционно-правовая ответственность в Российской Федерации: теория и практика: монография / А. А. Кондрашев.- М.: Юристъ, 2006.- 345 с.
13. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 2007. 304 с.
14. Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. 230 с.
15. Липинский Д.А. Процессуальная ответственность / Д.А. Липинский, Е.В. Чуклова. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 184 с.
16. Малахов В.П. Мифы современной общеправовой теории: монография / В.П. Малахов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. – 151 с.
17. Мудрых В.В. Ответственность за нарушения налогового законодательства: учеб. пособие для вузов / В.В. Мудрых.- М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. - 319 с.
18. Насыров Р.В. Человек как самоценность: о формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993 г.: (курс лекций) / Р.В. Насыров. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 312 с.
19. Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики: монография / Т.В. Непомнящая. – М.: «Юрлитинформ», 2012. – 384 с.

20. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: монография / Т.Ш. Атабаева [и др.]; под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 235 с.

21. Плаксина Т.А. Социальные основания квалифицирующих убийство обстоятельств и их юридическое выражение в признаках состава преступления: монография / Т.А. Плаксина; под научн. ред. В.Д. Филимонова. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. 432 с.

22. Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 240 с.

23. Пудовочкин Ю.Е. Учение о преступлении: избранные лекции / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2010. 280 с.

24. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 248 с.

25. Пудовочкин Ю.Е. Учение об уголовном законе: учебное пособие / Ю.Е. Пудовочкин. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 272 с.

26. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права / В.Д. Филимонов. - М.: «ЮрИнфоР», 2002. – 139 с.

27. Филимонов В.Д. Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения / В.Д. Филимонов, О.В. Филимонов. – М.: «ЮрИнфоР», 2007. – 335 с.

28. Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству / В.Д. Филимонов. – М.: «ЮрИнфоР», 2008. – 249 с.

29. Хужин А.М. Невинное поведение в праве: методология, теория, практика / А.М. Хужин. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 336 с.

30. Хужин А.М. Невинное поведение в праве: проблемы юридической ответственности и эффективности правоприменения / А.М. Хужин. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 192 с.

6. Материалы для практических и семинарских занятий

Тема № 1. Юридическая ответственность как социально-правовое явление

1. Свобода и ответственность: характер соотношения.

2. Понятие и признаки юридической ответственности за правонарушение.

3. Соотношение юридической ответственности со смежными понятиями: санкция, наказание, государственное принуждение и т.п.
4. Временные пределы юридической ответственности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Как между собой связаны свобода и ответственность?
2. Имеет ли право государство наказывать правонарушителей?
3. Какими признаками характеризуется юридическая ответственность за правонарушение?

Темы для докладов:

1. Концепции позитивной юридической ответственности и юридической ответственности за правонарушение.
2. Философское и социологическое понятие ответственности: позитивный и негативный аспект.

Методические рекомендации. Изучение курса «Теория юридической ответственности» предполагает знание студентами материала базовых юридических дисциплин «Теория государства и права», «История отечественного государства и права», «История государства и права зарубежных стран». Основная цель курса – углубление знаний по проблемам правонарушений и юридической ответственности. Для изучения всего курса в целом необходимо ознакомиться с современными монографическими исследованиями, посвященными общей теории юридической ответственности: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. - 2-е изд., исправленное и доп. - М.: НОРМА, 2009. – 432 с.; Хачатуров Р.Л. Общая теория юридической ответственности: монография / Р.Л. Хачатуров, Д.А. Липинский. – СПб.: «Юридический центр «Пресс», 2007. – 950 с.; Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: учебное пособие / А.Г. Чернявский, С.М. Кузнецов – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 380 с. Эти работы позволят также подготовиться по основным темам курса, вынесенным на семинарские занятия.

Помимо указанных монографий, а также материала основных учебников по теории государства и права и проблемам теории государства и права, при подготовке к семинарскому занятию № 1 необходимо ознакомиться с монографией: Р.В. Насыров Человек как самоценность: о

формулировке статьи 2 Конституции РФ 1993 г.: курс лекций. – Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2008.- 278 с., чтобы получить представление о противоречиях в концепции позитивной юридической ответственности. Для углубленного изучения позиции противников выделения в юридической ответственности позитивного аспекта понадобится также монография: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству: монография / В.Д. Филимонов. – М.: «ЮрИнфоР», 2008. – 302 с.; и статья: Лейст О.Э. Понятие ответственности в теории права / О.Э. Лейст //Вестник МГУ. Серия Право. - 1994. - № 1. Концепция позитивной юридической ответственности наиболее полно разработана Р.Л. Хачатуровым и Д.А. Липинским, которые, помимо прочего, подробно обосновывают возможность и необходимость выделения такой ответственности. По проблеме легитимации ответственности существенную помощь окажет учебное пособие Пудовочкин Ю.Е. Учение об основах уголовного права: лекции. М.: Юрлитинформ, 2012. 280 с.

Тема № 2. Основания юридической ответственности (4 часа ДО)

1. Философские и социальные основания ответственности.
2. Норма права и правоприменительный акт как правовые основания юридической ответственности.
3. Правонарушение как фактическое основание юридической ответственности: понятие, признаки, отграничение от смежных видов правового поведения.
4. Состав правонарушения: элементы, признаки.
5. Невинное причинение вреда: проблемы ответственности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какова структура правовой нормы?
2. Какие составные части можно выделить в структуре правоприменительного акта?
3. Какими признаками обладает правонарушение?
4. Каковы элементы состава правонарушения и какие признаки их образуют?

Темы для рефератов:

1. Общее понятие об основаниях права;

2. «Право» и «закон» в истории правовой мысли.
3. Современные представления о составе преступления и о его элементах в науке уголовного права.

Задачи:

1. Гр. Сапранов, проходя по улице, увидел бегущих на встречу людей. Последним бежал человек, одетый в милицейскую форму и кричал: «Стой!». Сообразив, что милиционер преследует преступника, Сапранов тоже бросился в погоню. Настигнув убегающего раньше сотрудника милиции, он потребовал поднять руки вверх, и повторил свое требование в оскорбительной форме. Настигнутый руки не поднял. Встретив такое сопротивление, Сапранов применил болевой прием, и продолжал заламывать ему руку вплоть до появления милиции. В результате у задержанного оказалась сломана рука, и при выяснении его личности обнаружилось, что был задержан не тот человек. Сотрудник милиции обознался.

Дайте общую юридическую квалификацию данной ситуации.

2. Шаров систематически распространял по селу (где постоянно проживал) слухи, что у него три жены. Первая – это настоящая его жена, вторая – теща, третья – сестра жены Неверова. Муж Неверовой, узнав это, устраивал дома скандалы, бил жену, а в последствии, когда слухи не прекращались, то Неверов выгнал свою жену из дома.

Не выдержав всего этого, Неверова пыталась повеситься, но случайно была спасена соседом.

Имело ли место правонарушение? Кто из упоминаемых в фабуле лиц его совершил? Какую отраслевую принадлежность имеет это правонарушение? Определите объект, субъект, объективную и субъективную стороны совершенного правонарушения. Дайте примерную квалификацию правонарушению.

3. Баев, отправляясь в магазин, взял с собой 5-летнюю дочь Таню. Пока отец выбирал костюм, девочка выбежала на улицу. К ней подошла Тимофеева, разговорилась с ней, предложила погулять, пока отец занят, купила ей шоколадку, а потом, зайдя с ней в подъезд дома, показала заранее подготовленные игрушки и сладости и предложила девочке обменять их на пальто и шапочку. Девочка согласилась. Пока девочка любовалась игрушками, Тимофеева скрылась с её вещами.

Имело ли место правонарушение? Какую отраслевую принадлежность имеет это правонарушение? Определите объект, субъект, объективную и субъективную стороны совершенного правонарушения. Дайте квалификацию правонарушению.

4. Осужденный Петухов, проходя мимо осужденного Николаева, оступись и задел его рукой. В ответ на это Николаев нецензурно выругался и назвал его «петухом». Взволнованный оскорблением, Петухов нанес Николаеву сильный удар кулаком в лицо. От этого удара Николаев упал, ударился головой о бордюрный камень и через два часа от кровоизлияния в мозг скончался. При расследовании дела возник спор о квалификации действий Петухова. Одни предлагали квалифицировать его действия как убийство из хулиганских побуждений, другие считали, что в его действиях имеется состав преступления, предусмотренный ч. 4 ст. 111 УК РФ; третьи полагали, что здесь имело место убийство в состоянии аффекта, четвертые утверждали, что Петухов совершил неосторожное причинение смерти.

Имел ли место в действиях Петухова состав преступления? Какая из предложенных квалификаций является правильной?

5. Н., студентка одного из московских вузов, имела две неудовлетворительные оценки по итогам сессии. Боясь получить при пересдаче экзамена комиссии по одному из предметов неудовлетворительную оценку, она в назначенные для сдачи экзамена дни дважды звонила в ректорат вуза и сообщала о заложенной в здании бомбе. В результате таких сообщений преподаватели, студенты и обслуживающий персонал здания эвакуировались, а экзамен переносился на другое время.

Дайте юридическую оценку действиям Н.

6. В ателье «Алтайские узоры» закройщицами работали сестры-близнецы: Нина и Рая. Мастерство Нины пользовалось популярностью у клиентов ателье, а на работу Раи часто жаловались. Заказчик Нилина оформила заказ на пошив пальто у закройщицы Нины, но день спустя эта закройщица по болезни не вышла на работу и заказ пришлось выполнять Рае. Узнав об этом при получении пальто, к качеству которого у Нилиной претензий не было, она потребовала уменьшить размер оплаты, т.к. ожидала исполнения услуги от другого мастера.

Дайте юридическую оценку ситуации. Насколько правомерны требования Нилиной?

Методические рекомендации. Подготовка к семинарскому занятию № 2 также предполагает углубленное знакомство с монографией: Филимонов В.Д. Уголовная ответственность по российскому законодательству: монография / В.Д. Филимонов. – М.: «ЮрИнфоР», 2008. – 302 с., в которой представлена характеристика философских и социальных оснований юридической ответственности, с материалом монографии: Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности / Н.В. Витрук. - 2-е изд., исправленное и доп. - М.: НОРМА, 2009. – 432 с., а также с учебным пособием: Иванов А.А. Правонарушение и юридическая ответственность. Теория и законодательная практика: учеб. пособие для вузов / А.А. Иванов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. – 159 с. Особое внимание необходимо уделить повторению признаков правонарушения и отграничения его от смежных явлений, а также системы элементов и признаков состава правонарушения. На знании содержания этих вопросов должно основываться решение задач. Задачи предполагают развернутое решение, анализ различных вариантов квалификации в зависимости от той или иной наполненности фактических обстоятельств.

Интерес представляет работа В.Н. Кудрявцева «Правовое поведение: норма и патология», изучение которой даст развернутое представление о норме поведения и об отклонениях. Подготовку рефератов облегчит изучение трудов Г.В. Мальцева «Социальные основания права» и «Нравственные основания права».

По вопросу № 5 полезно ознакомиться с недавно вышедшими в издательстве Юрлитинформ работами А.М. Хужина, посвященными невинному причинению вреда.

Методические рекомендации по решению задач. Для того чтобы научиться правильно решать казусы практических заданий, а значит научиться профессионально применять уголовный и другие законы, необходимо усвоить понятие «квалификация», все ее стадии и этапы.

На каждой стадии квалификации преступлений можно и нужно выделять отдельные этапы, чтобы не забыть учитывать их на первых шагах правоприменительной деятельности, а в дальнейшем использовать их как

алгоритм квалификации преступлений. На первой стадии выделяются в качестве этапов определение типовой и видовой принадлежности правонарушений, признаки которых обнаружены в совершенном деянии.

Когда деяние предусмотрено в качестве правонарушения только одной отраслью права (виновное лишение жизни, причинение вреда здоровью), вопроса об отраслевой принадлежности правонарушения не возникает. Если же деятельность (бездеятельность) в качестве правонарушения признается несколькими регулятивными и деликтными отраслями права, встает вопрос о его отраслевой принадлежности. В случае обнаружения в действиях виновного признаков уголовно-правовой нормы (нескольких норм) встает вопрос о ее (их) применимости. Поэтому на второй стадии квалификации преступлений выделяются следующие этапы: определение пределов действия уголовно-правовой нормы во времени и пространстве; сопоставление и нахождение тождества между объективными и субъективными признаками совершенного деяния и составом преступления. Начинать сопоставление необходимо с признаков объективной стороны, ибо по ним можно судить и о субъективных признаках. Они более полно и непосредственно (а не опосредованно) отражены в уголовном законе.

Пример решения задачи

Задача. По мнению суда в соответствии с вердиктом присяжных, признано установленным, что М., желая наступления смерти Р., из личных неприязненных отношений, вместе с К. привел потерпевшего в лесополосу, где они затеяли с потерпевшим ссору и драку, во время которой К. наблюдал за окружающей обстановкой, чтобы в случае появления посторонних людей предупредить об этом М., и готов был помочь ему в лишении жизни Р. Потерпевшему удалось освободиться от М., и выхватить у него нож, но М., желая наступления смерти Р., и целясь ему в голову, стал бросать в него тяжелые камни и причинил своими действиями открытую черепно-лицевую травму, повлекшую наступление смерти Р.

Квалифицируйте действия К. Изменится ли квалификация действий К., если судом на основании вердикта присяжных заседателей признано установленным, что К. наблюдал за окружающей обстановкой только во время драки М. и Р., а во время совершения М. действий, направленных на причинение смерти Р. уже наблюдал не за окружающей обстановкой, а за

действиями М., хотя и не предпринимал ни каких действий, направленных на оказание ему помощи в причинении смерти Р.?

Решение. Объект данного преступления – общественные отношения, обеспечивающие безопасность жизни Р.

Потерпевшему Р. действиями М. из личных неприязненных отношений в ссоре и драке была причинена смерть. Действия К. требуют уголовно правовой оценки, поскольку действия М. однозначно квалифицируются по ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Возможны два варианта решения задачи.

Первый вариант – исходя из тех данных, которые содержатся непосредственно в условии задачи.

Действия К. – помог М. привести Р. в лесополосу, наблюдал во время драки за окружающей обстановкой, чтобы в случае появления посторонних людей предупредить об этом М, при отсутствии иных условий, квалифицируются как пособничество М. в убийстве Р. При этом, такая квалификация возможна, если умыслом К. охватывалось убийство Р.

Таким образом, в первом варианте субъективная сторона выражена в форме умысла на убийство М., при этом объективно действия К. представляют собой соучастие в этом преступлении в виде пособничества.

Ответом здесь будет: К.: ч. 5 ст. 33; ч. 1 ст. 105 УК РФ

Возможен и второй вариант решения.

В случае, если мы можем говорить лишь о том, что, с объективной стороны, К. наблюдал за окружающей лишь во время драки М. и Р., а во время причинения смерти Р. уже не наблюдал за окружающей обстановкой, и не предпринимал ни каких действий для оказания содействия М. в убийстве Р., то мы не сможем с определенностью сказать, что умыслом К. охватывалось содействие именно убийству Р., а не просто выяснению отношений. К. помогает М. привести Р. в безлюдное место для выяснения отношений, наблюдает, чтобы никто им не помешал во время выяснения отношений, однако, когда М. начинает совершать действия, направленные на причинение смерти Р., К. уже не наблюдает за окружающей обстановкой, а смотрит, что делает М., и оказывается не более чем очевидцем убийства. Именно на эти обстоятельства сослался Верховный Суд РФ, оправдывая К. по эпизоду пособничества в убийстве.

Таким образом, решение данной задачи зависит от выявления направленности умысла К. на пособничество убийству Р. При отсутствии сведений о действиях, направленных на содействие М. именно в убийстве, мы не можем квалифицировать как пособничество в этом убийстве.

По второму варианту К. вообще не подлежит ответственности за соучастие в убийстве.

Тема № 3. Специальные вопросы теории юридической ответственности (4 часа ДО)

1. Принципы юридической ответственности.
2. Функции и цели юридической ответственности.
3. Стадии юридической ответственности.
4. Обстоятельства, исключающие привлечение к юридической ответственности.
5. Основания освобождения от юридической ответственности.

Вопросы для самоконтроля:

1. Что представляет собой принцип дифференциации и индивидуализации юридической ответственности?
2. Как между собой взаимосвязаны функции и цели юридической ответственности?
3. Каковы стадии юридической ответственности?
4. По каким основаниям можно освободить лицо от юридической ответственности?

Задачи:

1. Гр. Забарин, освободившись из мест лишения свободы, имел намерение получить с подельника давний денежный долг. В один из вечеров он дождался подельника Тараненко на лестничной площадке у его квартиры. Забарину пришлось полчаса ожидать, когда Тарасенко вернется с работы. В момент встречи Забарин оскорбил Тарасенко и нанес ему удар в лицо. Началась драка. Тарасенко удалось навалиться на Забарина и с силой сдавить ему шею. Теряя сознание, Забарин оттолкнул Тарасенко, и тот, свалившись навзничь с лестницы, на месте скончался.

Квалифицируйте совершенные деяния.

2. Находясь в нетрезвом состоянии гр. Синюков управлял автотранспортным средством. Навстречу выбежала на проезжую часть собака. Желая уйти от столкновения с животным, Синюков вырулил резко влево и, ударив машиной рекламный стенд, свалил его. Владелец стенда потребовал возмещения вреда.

Каким Вам видится правовой исход этого дела?

3. Гр-н Жилин был обсчитан в китайском ресторане на 3400 рублей. *Как должен решаться вопрос о юридической ответственности в данном случае?*

4. 9 мая 2000 года Старцева, с достоверностью зная о несовершеннолетнем возрасте Ветраева, путём уговоров и увещаний предложила ему совершить убийство своего брата Зубова, с которым у неё сложились крайне неприязненные отношения. С этой целью Старцева и Ветраев пришли в баню, где спал находившийся в сильной степени алкогольного опьянения Зубов. Ветраев стал душить его руками, а Старцева удерживала Зубова, поскольку тот пытался оказать сопротивление. Затем Старцева продолжила его душить, а Ветраеву подала кирпич. Он не менее двух раз ударил этим кирпичом потерпевшего по голове. Старцева также нанесла брату не менее двух ударов кирпичом по голове. В результате их совместных действий Зубову не менее чем от восьми ударов по голове была причинена черепно-мозговая травма, что повлекло его смерть.

Дайте юридическую оценку казусу.

5. Директор детского дома Петрова, пытаясь поправить финансово-экономическое положение вверенного ей детского учреждения, передавала детей, у которых, по её мнению, не было шансов на усыновление в России, по поддельным документам состоятельным иностранцам для вывоза за рубеж и проживания в их семьях. Все полученные таким образом деньги Петрова тратила на ремонт детского дома, покупку инвентаря, одежды, игрушек и медикаментов для воспитанников детского дома. За три года подобного рода деятельности директором были переданы иностранцам 19 детей. Проведённой проверкой было установлено, что все дети проживают в семьях, в хороших условиях, и счастливы.

Дайте развёрнутую юридическую и нравственную оценку ситуации.

6. Служащий частной охранной службы охранял вход в школу, проверял пропуска, следил за соблюдением общественного порядка. Весной дети на переменах часто выбегали из школы, шумели, беспокоили и раздражали Дубова. Дубов запретил им выходить из школы на перемене, угрожая резиновой палкой. У 12-ти летнего Малышкина разболелась голова, в связи с чем он, отпросившись у классного руководителя, направился домой. Дубов не выпустил его из школы, когда же мальчик попытался незаметно выйти, Дубов заметил его, схватил за одежду и ударил головой о деревянную дверь, не причинив вреда здоровью. Однако кожа на голове у Малышкина была рассечена, текла кровь, в связи с чем, 10-летняя Матвеева, увидев залитое кровью лицо Малышкина, в ужасе громко закричала. Дубов потребовал прекратить визг, угрожая резиновой палкой, однако Матвеева закричала ещё громче. Испугавшись ответственности за содеянное, Дубов начал бить Матвееву резиновой палкой, пока та не потеряла сознание, причинив тем самым ей лёгкий вред здоровью. При расследовании было установлено, что лицензия частной охранной службы была просрочена, а у Дубова не было удостоверения охранника.

Дайте юридическую оценку ситуации.

Методические рекомендации. Для подготовки к семинарскому занятию № 3 по теме «Специальные вопросы теории юридической ответственности» в качестве дополнительной литературы рекомендуются указанное учебное пособие А.А. Иванова, а также монографии: Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика / Т.А. Лесниевски-Костарева. – М.: Норма, 2000. – 400 с.; Шиндяпина Н.Д. Стадии юридической ответственности: учеб. пособие для вузов / Н.Д. Шиндяпина. - М.: Кн. мир, 1998. – 168 с.; Обстоятельства, исключаящие преступность деяния: монография / И.А. Анисимова [и др.]; под ред. С.В. Землюкова. – Барнаул, 2005. – 235 с. Изучение указанных работ, в совокупности с ранее рекомендованными источниками по всему курсу позволит подготовить рефераты по предложенным в плане семинарского занятия темам, а также решить предложенные к семинарскому занятию задачи. Необходимо вспомнить из курса теории государства и права классификацию принципов права, понятие функций права.

Тема № 4. Место юридической ответственности в механизме правового регулирования

1. Способы, методы, типы правового регулирования и юридическая ответственность.
2. Реализация права и юридическая ответственность.
3. Применение права: понятие, стадии, акты, и юридическая ответственность.
4. Юридическая ответственность в системе мер государственного принуждения.

Вопросы для самоконтроля:

1. Какие в науке выделяют методы, способы и типы правового регулирования?
2. В каких формах осуществляется реализация права?
3. Какие составные части выделяются в правоприменительном акте?
4. Какие меры государственного принуждения выделяют в современной юридической науке?

Методические рекомендации. Тема «Место юридической ответственности в механизме правового регулирования» предполагает знакомство студентов с работой С.С. Алексеева: Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. / С.С. Алексеев. - М.: Статут. Т. 3: Проблемы теории права: курс лекций. - 2010. – 781 с. Из новейших работ можно назвать труд Ю.А. Тихомирова. Изучение предложенных к семинарскому занятию монографий позволит получить углубленное представление о механизме правового регулирования и о месте юридической ответственности в его система, а также окажет содействие в написании рефератов, темы которых предложены в плане семинарского занятия. Нелишним будет и посмотреть работу В.Д. Сорокина «Метод правового регулирования».

Тема № 5. Виды юридической ответственности

1. Классификации юридической ответственности.
2. Характеристика видов юридической ответственности.

Вопросы для самоконтроля:

1. На какие виды классифицируется юридическая ответственность?

2. Какие нетрадиционные виды ответственности выделяются в науке?

Методические рекомендации. Для успешной подготовки к семинарскому занятию № 4 необходимо изучить хотя бы один источник, из представленных в списке литературы, а также уделить внимание научным статьям. Изучение этих источников позволит подготовить рефераты по предложенным в плане семинарского занятия темам, а также решить предложенные задачи. Кроме того, специфика занятия предполагает привлечение остаточных знаний по отраслевым юридическим дисциплинам, для чего необходимо вспомнить особенности конституционно-правовой, административной, дисциплинарной, материальной, гражданско-правовой, уголовной ответственности. Изучение современной литературы даст представление о нетрадиционных видах юридической ответственности.

Тема № 6. Мера юридической ответственности (4 часа ДО)

1. Понятие меры юридической ответственности.
2. Общетеоретические критерии определения меры юридической ответственности.
3. Отраслевые особенности определения меры юридической ответственности.
4. Алгоритм определения юридической ответственности за конкретное правонарушение.

Вопросы для самоконтроля:

1. Что собой представляет мера юридической ответственности?
2. Какие факторы влияют на меру юридической ответственности?
3. Каково содержание отраслевых критериев меры юридической ответственности?

Задачи:

1. Шпиталенко и Ермоленко совершили кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества, группой лиц по предварительному сговору, а именно: 10.05.2004 г., около 10 часов, находясь на дворовой территории по адресу: ул. Уральская, д. 12, тайно, путем свободного доступа похитили три вариатора стоимостью 19499 рублей каждый, причинив ООО «Виразж» материальный ущерб на общую сумму 58499 рублей 97 копеек, погрузили

похищенное на автомашину, принадлежащую Ермоленко, и сдали похищенные вариаторы в пункт приема металлолома за 350 рублей.

Шпиталенко и Ермоленко были осуждены по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

В материалах уголовного дела содержатся следующие данные о личности осужденных.

Согласно обвинительному заключению, протоколам допроса, приговору Шпиталенко, 1980 г.р., имеет среднее образование, женат, несовершеннолетних детей не имеет, работает кладовщиком в строй-маркете «Василеостровский», здоров, хроническими заболеваниями не страдает, инвалидности не имеет, ранее не судим, в розыске не находился, под стражей по настоящему уголовному делу не содержался. Добросовестно относится к семейным обязанностям, участия в общественных организациях не принимал, государственных наград и иных заслуг перед обществом не имеет.

Согласно справкам из психоневрологического диспансера и наркологического диспансера на учете в этих диспансерах не состоит. По месту жительства и месту работы характеризуется положительно.

Шпиталенко совершил впервые преступление средней тяжести, в трезвом состоянии. Действовал с заранее обдуманым умыслом, полностью реализовал цель преступления, руководствовался мотивом извлечения выгоды путем сдачи вариаторов в пункт приема металлолома и получения дополнительных денег. В прошлом не совершал правонарушений, за которые к нему применялись бы меры административного или общественного воздействия. Из приговора следует, что Шпиталенко вину признал полностью, раскаивается в содеянном.

Согласно обвинительному заключению, протоколам допроса, приговору Ермоленко, 1977 г.р., имеет среднее образование, женат, несовершеннолетних детей не имеет, работает водителем в строймаркете «Василеостровский», здоров, хроническими заболеваниями не страдает, инвалидности не имеет, ранее не судим, в розыске не находился, под стражей по настоящему уголовному делу не содержался. Добросовестно относится к семейным обязанностям, участия в работе общественных организаций не принимал, государственных наград и иных заслуг перед обществом не имеет.

Согласно справкам из психоневрологического диспансера и наркологического диспансера на учете в этих диспансерах не состоит. По месту жительства и месту работы характеризуется положительно.

Ермоленко совершил впервые преступление средней тяжести, в трезвом состоянии. Действовал с заранее обдуманном умыслом, полностью реализовал цель преступления, руководствовался мотивом извлечения выгоды путем сдачи вариаторов в пункт приема металлолома и получения дополнительных денег. В прошлом не совершал правонарушений, за которые к нему применялись бы меры административного или общественного воздействия.

Из приговора следует, что Ермоленко вину признал полностью, раскаивается в содеянном.

В материалах дела обстоятельств, отягчающих наказание (ст. 63 УК РФ), не усматривается. Вместе с тем имеются два смягчающих наказание обстоятельства, а именно – раскаяние в содеянном и отсутствие судимости, которые хотя и не предусмотрены ст. 61 УК РФ, но могут быть учтены при оценке личности подсудимых.

В описательно-мотивировочной части приговора содержатся следующие данные, относящиеся к характеристике деяния и личности виновных: «При назначении наказания суд учитывает характер и степень общественной опасности преступления, характеристику личности виновных. Шпиталенко и Ермоленко совершили преступление средней тяжести, в то же время суд учитывает, что они ранее не судимы, содеянное признали, раскаялись, по месту жительства и работы характеризуются положительно». На основании этого суд назначил каждому из подсудимых наказание в виде 2-х лет лишения свободы, которое на основании ст. 73 УК РФ постановил считать условным, с испытательным сроком на 1 год каждому.

Оцените это решение суда. Какое бы вы, исходя из приведенных данных, назначили наказание каждому из виновных?

2. Дубровский Д.В. 13.02.2010 г., около 23 часов 30 минут, находясь у дома № 45 по улице Осипенко, из корыстных побуждений, имея умысел, направленный на хищение чужого имущества, напал на потерпевшего Васильева В.И., при этом нанес ему один удар кулаком правой руки в лицо и не менее девяти ударов руками и ногами по голове и телу, чем причинил

Васильеву В.И. телесные повреждения в виде закрытой тупой травмы головы – сотрясение головного мозга, гематомы лица, которые влекут за собой легкий вред здоровью по признаку кратковременного расстройства здоровья, применив, таким образом, насилие, опасное для жизни и здоровья, после чего похитил принадлежавший потерпевшему сотовый телефон «Самсунг» стоимостью 3000 рублей, с находившейся в нем сим-картой, не представляющей материальной ценности, на счету которой находились денежные средства в размере 150 рублей для оплаты услуг мобильной связи, а также принадлежащие потерпевшему деньги в сумме 400 рублей, всего похитив имущества на сумму 3550 рублей, в дальнейшем распорядившись ими по своему усмотрению. Суд квалифицировал совершенное преступление по ч. 1 ст. 162 УК РФ.

В материалах уголовного дела содержатся следующие данные о личности подсудимого: Дубровский Д.В., 1977 г.р., образование среднее, разведен, имеет сына 2002 г.р., не работающий, зарегистрированный в г. Санкт-Петербурге; проживает в квартире с матерью. На учетах в психоневрологическом и наркологическом диспансерах не состоит. Вину свою признает. В содеянном раскаивается, по месту жительства характеризуется без компрометирующих данных, военнообязанный.

Ранее привлекался к уголовной ответственности. Две судимости сняты и погашены. Есть непогашенные судимости: 19.06.2006 г. приговорен по ч. 2 ст. 159 УК РФ к 2-м годам лишения свободы условно, с испытательным сроком 2 года; 07.03.2007 г. по п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ с применением ч. 3 ст. 69 УК РФ к 3-м годам лишения свободы.

Смягчающие обстоятельства: имеет на иждивении несовершеннолетнего ребенка. Отягчающие обстоятельства: опасный рецидив преступлений.

В описательно-мотивировочной части приговора содержатся следующие данные, относящиеся к характеристике деяния, личности преступника, смягчающим и отягчающим наказание обстоятельствам, которые суд учел при назначении наказания: «При назначении наказания суд принимает во внимание характер и степень общественной опасности содеянного подсудимым, данные о его личности, в том числе смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства. Дубровский Д.В. вину признал

полностью, ранее судим, на учете в психоневрологическом и наркологическом диспансерах не состоит. Дубровский Д.В. в содеянном раскаивается, имеет на иждивении несовершеннолетнего ребенка, что признается судом обстоятельствами, смягчающими наказание. Обстоятельством, отягчающим наказание подсудимого, судом признается опасный рецидив преступлений на основании п. «б» ч. 2 ст. 18 УК РФ, поскольку он совершил тяжкое преступление, имея не снятую и не погашенную судимость за совершение тяжкого преступления».

Суд назначил Дубровскому Д.В. наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет без штрафа, без ограничения свободы, с отбыванием наказания в колонии строгого режима.

Оцените принятое судом решение. Какое бы вы назначили наказание подсудимому? Мотивируйте свою позицию.

Методические рекомендации. Подготовка к семинарскому занятию № 5 предполагает внимательное прослушивание лекции по данной теме, поскольку на уровне общей теории государства и права не разработаны рекомендации по определению меры юридической ответственности. Существенную помощь может оказать изучение работ, посвященных мере уголовного наказания, а также назначению уголовного наказания, и учебного пособия: Агапов А.Б. Административная ответственность: учебник / А.Б. Агапов. - 4-е изд., перераб. и доп.- М.: Юрайт, 2011. - 435 с. Полезно будет посмотреть работы Д.С. Дядькина: Дядькин Д.С. Методология теории и процесса назначения уголовного наказания: учеб. пособие / Д.С. Дядькин. – Сургут: Изд-во СурГУ, 2006. – 68 с.; Дядькин Д.С. Юрисометрика: монография / Д.С. Дядькин. - Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. - 114 с.; Дядькин Д.С. Введение в юрисометрику: монография / Д. С. Дядькин. - Сургут: Изд-во СурГУ, 2007. – 116 с. Следует обратить внимание и на другие работы из предложенного списка.

Решение задач, предложенных к семинарскому занятию, предполагает использование положений уголовного и административного законодательства, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также правил квалификации и назначения наказания, разработанных теорией. По возможности следует посмотреть монографию: Непомнящая Т.В. Мера уголовного наказания: проблемы теории и практики / Т.В. Непомнящая. –

М.: Юрлитинформ, 2012. – 384 с.; а также: Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход / Д.С. Дядькин. – СПб., 2006. – 510 с.

Особенность задач, представленных для решения по заявленной теме семинарского занятия, предполагает анализ и оценку всех обозначенных в фабуле обстоятельств, и проверку правильности определенной судом меры ответственности.

7. Вопросы для подготовки к зачету

1. Теория юридической ответственности как частная юридическая теория.
2. Общее понятие ответственности. Понятие и виды социальной ответственности.
3. Место юридической ответственности в системе видов социальной ответственности.
4. Юридическая и правовая ответственность: характер соотношения.
5. Позитивная юридическая ответственность: аргументы сторонников и противников существования в праве.
6. Концепции позитивной юридической ответственности.
7. Концепции юридической ответственности за правонарушение.
8. Понятие и признаки юридической ответственности за правонарушение.
9. Понятие и виды оснований юридической ответственности.
10. Философские и социальные основания юридической ответственности за правонарушение.
11. Норма права как правовое основание юридической ответственности: понятие, структура.
12. Правоприменительный акт как правовое основание юридической ответственности за правонарушение: понятие, структура.
13. Правонарушение как фактическое основание юридической ответственности: понятие, признаки, виды.
14. Состав правонарушения: понятие, элементы, признаки.
15. Место юридической ответственности в механизме правового регулирования.
16. Применение права и юридическая ответственность.

17. Соотношение юридической ответственности с другими мерами государственного принуждения.
18. Меры защиты и юридическая ответственность: характер соотношения.
19. Меры предупредительного характера и юридическая ответственность: характер соотношения.
20. Меры пресечения и юридическая ответственность: характер соотношения.
21. Временные пределы юридической ответственности.
22. Свобода и ответственность: взаимосвязь и взаимообусловленность.
23. Принципы юридической ответственности.
24. Функции и цели юридической ответственности.
25. Стадии юридической ответственности.
26. Обстоятельства, исключающие юридическую ответственность.
27. Основания освобождения от юридической ответственности.
28. Классификации юридической ответственности.
29. Уголовная ответственность: общая характеристика.
30. Административная ответственность: общая характеристика.
31. Гражданско-правовая ответственность: общая характеристика.
32. Дисциплинарная ответственность: общая характеристика.
33. Материальная ответственность: общая характеристика.
34. Налоговая ответственность: общая характеристика.
35. Нетрадиционные виды юридической ответственности (конституционная, экологическая, процессуальная и др.).
36. Понятие меры юридической ответственности.
37. Общетеоретические критерии определения меры юридической ответственности.
38. Отраслевые особенности определения меры юридической ответственности.
39. Методология определения меры юридической ответственности за правонарушение.

Подписано в печать 15.12.2016 г.
Объем 19,2 уч.-изд. л. Формат 64х90 1/16. Бумага офсетная.
Тираж 100 экз. Заказ №3961.
Отпечатано ИП Колмогоров И.А.,
656049, г. Барнаул, пр-т Социалистический, 85,
тел.: (3852) 36-82-51, 8-800-700-1583,
nf-kniga@yandex.ru,
сайт: типография-новый-формат.рф